

АЛЕКСАНДР БЕССОНОВ
АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН и К°

Удивительные истории

собака

Удивительные истории

Александр Цыпкин

Удивительные истории о собаках

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Цыпкин А. Е.

Удивительные истории о собаках / А. Е. Цыпкин —
«Издательство АСТ», 2024 — (Удивительные истории)

ISBN 978-5-17-160022-8

О чем думает лабрадор, когда его хозяйка пьет вино и плачет? Как собаки могут помочь в продвижении на работе, спасти от хулиганов и пошатнуть нервную систему хозяина? Что любимый питомец думает о ваших бывших? В чем секрет успеха не самого складного и даже не самого грозного пса, перед которым дрожит огромный ротвейлер? Если ты плохой человек, получится ли из тебя хорошая собака? Как милейшая болонка может спасти жизнь в схватке с потусторонним? Какая она — собака мечты? 29 удивительных историй о любви и преданности, уважении и самоотверженности, о потерях и приобретениях, об абсолютном и безграничном счастье — о собаках!

Удивительные истории о собаках рассказали: Юлиана Александрова, Диана Атабекова, Александр Бессонов, Ольга Бунина, Владимир Викто, Наталья Глазунова, Елена Долговесова, Влад Ерафонов, Ольга Есаулкова, Галина Капустина, Мария Каталевич, Надежда Косолапкина, Андрей Лобов, Алиса Мак, Виктория Медведева, Артак Оганесян, София Парипская, Вера Плауде, Игорь Родионов, Виктория Топоногова, Екатерина Трефилова, Татьяна Фонотова, Александр Цыпкин, Лариса Чудаева, Саша Шиган и Ирина Шлапак.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-160022-8

© Цыпкин А. Е., 2024

© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Александр Бессонов	7
Чарли	7
Так получилось	9
Маленький человек	12
Он поверил	14
Наталья Глазунова	16
Ты мне нужен	16
Екатерина Трефилова	27
Собака мечты	27
Галина Капустина	40
Черанга	40
Вкусный запах мечты	40
Дерьмо случается	40
Находка	41
Звери и люди	43
Заботы	44
Собачье сердце	45
Запах воска	46
Марина	47
Сражение	50
Вольер или приют	51
Побег	52
Спасение	54
Запах опилок и молока	55
Андрей Лобов	57
Терри 2.1	57
Вера Плауде	69
Мишка	69
Татьяна Фонотова	84
Талисман	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Удивительные истории о собаках

© Юлия Межова, ил., 2023

© Авторы, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Александр Бессонов

Чарли

Меня зовут Чарли. Я лабрадор. Милый кобелек, который нравится всем. Иногда, правда, мне не нравятся эти самые все – приходится кусать. Берегите попы. Еще у меня есть хозяйка. Я ее люблю, какой бы она ни была и что бы ни вытворяла. Дальше не обсуждается. Люблю – и всё.

Она купила меня щенком. Мне был месяц, а ей – четыреста восемь месяцев. Не ищите калькулятор, так и быть, помогу – тридцать четыре года. Уже на следующий вечер она сидела на полу нашей двухкомнатной хрущевки, пила четвертый по счету бокал красной гадости, гладила меня и плакала:

– Ну и катись на фиг. У меня теперь есть собака, она никогда не предаст. Скажи, Чарли, что во мне не так? Сказал, готовлю не очень – пошла на курсы к французскому шеф-повару. Вроде перестал бубнить. Потом до одежды моей докопался: ходишь, говорит, в бесформенных балахонах и похожа на мешок с картошкой, рядом стоять стыдно. Сменила гардероб, хорошо еще, помогли мама с бабушкой – много своих вещей отдали. Вообще перестал на меня смотреть. Потом намекнул на секс: типа, у нас уныло, а в кино по-другому, люди с душой и профессионализмом подходят к процессу. Какие такие кина? Я два месяца на Ютубе изучала ролики и на бананах едва не разорилась. Опять бабушка помогла – принесла два ведра кукурузы. Всё для него! А он ушел... Чарли, ты у меня один-единственный. Не бросай никогда, ладно?

Я посмотрел в зареванные глаза и лизнул ее в щеку. Что оставалось делать? Это сейчас я могу того придурка сожрать вместе со шляпой и ботинками. А от щенка много ли толку? Она обняла меня, и мы уснули. Говорю же: во всем виновата красная гадость.

Пропорционально размеру моих луж на полу хрущевки рос и я. Она заботилась обо мне. Видно, всю свою энергию вкладывала. Я по ящику видел передачу про пятизвездочные турецкие отели, называются «ол инклюзив». В тот период нашей жизни я наслаждался ультра ол инклюзив. Кормили от пуза, по субботам – авокадо. А обязанностей никаких: утром проводил хозяйку на работу и жди себе, пока вернется. Я и ждал (если честно, спал без задних лап). Потом она возвращалась, целовала меня и кормила фаршем. Мы оба были счастливы. Говорю же, люблю ее. Всем сердцем люблю.

А потом в квартире нарисовался какой-то хмырь, вроде коллега с работы. Пришли они после кина, выпили на кухне красной гадости и в спальне закрылись. Судя по звукам, ей понравилось. Ну, раз она счастлива, то и я счастлив. Однако наутро она впервые за всю нашу совместную жизнь забыла меня покормить. За это расплатились ботинки хмыря. Скажем так, их не стало. Хотел и хмыря наказать, но она смотрела на него с такой любовью, что я передумал.

Хмырь оказался нормальным мужиком – мясо мне приносил. Ботинки, правда, прятал в холодильник. Что странно – он навещал нас только в обеденное время, ну и ночевал иногда. Вечерами хозяйка не отлипала от телефона: с ним, похоже, переписывалась. И становилась все грустнее. По выходным совсем труба – сидит и смотрит на телефон, а он не звонит, кот дрянной. Во время очередного напольного вечернего заседания с красной гадостью она гладила меня и говорила:

– Эх, Чарли, ну почему всё так? Он женат. Один нормальный, понимающий человек попался, и тот, блин, с приданым. Думала в его компании дух перевести. Перевела, ага! Каждый его лайк в инсте отслеживаю, с телефона не слезаю. Я ведь лучше его жены, Чарли. Вот, посмотри на груди мои – это ж подарок судьбы. Дожила, собаке грудь показываю! Скоро новогодние праздники, а мы с тобой опять одни.

Она тихо заплакала. Ну все, конец тебе, хмырь! Добегался, параллельный мой. Она меня обняла, а я рычал от ненависти.

На следующий день, когда он явился в очередной раз на обед в костюме, лишился и костюма. Как только ушел в ее комнату, я приступил к работе. За каждую ее слезинку, козел, ответил! От костюма остались рожки да ножки. Еще повезло: нашел на полу два телефона на зарядке – его и ее. Сгрыз оба. А зачем в эту штуку пялиться и потом плакать ночами?!

Хмырь вышел из спальни в ее халате, увидел, что, кроме халата, надеть нечего и телефона нет, начал хлестать меня поводком. Она закричала, хотела меня защитить. Хмырь ее оттолкнул, сгрел меня в охапку, спустился к машине и запихнул в багажник. Я думал, топить везут, прикидывал, как на него накинусь, когда из машины вылезет. Но хмырь притащил меня в какую-то клинику. В клетку посадили, вкололи что-то, тут мои силы и закончились. Когда проснулся, чужая тетка гладила меня через прутья клетки и говорила в телефон:

– Что за люди? Заведут собаку, наиграются, и всё, не нужна. Привезут, тысячу сунут – усыпляют, дорогая. Ладно, я тебе перезвоню.

Тетка подседа ближе. Одной рукой гладит, а второй шприцем в бок целит. Я не тупой, все понял. Только хозяйку жалко: как она без меня? Троекратное «гав, гав, гав»! Ну, пока, мир.

Вдруг двери открылись, и она сама вбежала, вся зареванная:

– Стойте! Нет, не надо! Я нашла тебя, нашла!

Тетка остановилась и заворчала, что не вернет тысячу, но нам не до нее было. Хозяйка бросилась ко мне, я – к ней.

– Чарли, я все клиники объездила! Прости меня, прости! Слышишь?

Говорят, что собаки не плачут. Вранье. Тогда я плакал, один раз. Только никому не рассказывайте. Мы вернулись домой и уснули.

* * *

Потом хозяйку уволили – это хмырь постарался. Из моего рациона пропало мясо, пришлось сидеть на кашах. Я стал пассивным вегетарианцем. Но она не сдавалась. Мы с ней начали бегать по утрам. В основном, конечно, я бежал, а она больше березками любовалась. Отдышится – и до следующей березки. Пару месяцев прошло, и ничего, резвее побежала. Красную гадость почти перестала пить. Только с бабушкой, когда та приносила кукурузу и старые юбки.

Еще хозяйка пошла учиться – туда, куда давно хотела. Цветочки в букеты собирать. Я ей намекал, чтобы то же самое, но с мясом. Мясной букет – лучшее, что есть на земле. Но, раз хозяйка предпочитает цветочки, значит, я тоже. Всю нашу хрущевку завалила букетами и сказала:

– Если мне никто не дарит цветов, значит, сама буду составлять красивые букеты и дарить другим. Я намек понял и на следующей пробежке принес выдранный с корнем лопух – большой и зеленый. Хозяйка презент оценила, обняла меня, поцеловала. Сентиментальная! Вскоре ее взяли на работу в цветочный магазин, чему она была рада, а я еще больше. Во-первых, все цветочное барахло переехало по месту службы, а наша хрущевка снова на квартиру стала похожа, а не на стог сена. Во-вторых, в мой рацион вернулось мясо.

Через два года к нам пришел Серёга. Вроде холодильник чинил, а потом остался. Серёга классный! Он ее не обижает, наоборот, она с ним смеется постоянно. Недавно появился еще один Серёга, совсем маленький. Хозяйка попросила его тоже охранять и любить. Сделаем! По-другому никак – я же собака.

Так получилось

Чаку было совершенно непонятно, почему дверь подъезда, через которую они столько раз возвращались с прогулки, – закрыта. Он сидел напротив обшарпанной коричневой двери. «Может, все-таки ошибся?» – подумал он. «Нет!» – уверенно ответил сам себе. Запахи говорили – этот. «Просто нужно еще немного подождать, и хозяин вспомнит, что зачем-то отвез меня на машине в лес и оставил меня там. Это игра! Но я нашел. Теперь жду!» Пошел снег. Лапы Чака мерзли все сильнее и сильнее. Тело предательски дрожало, не спасала даже шерсть.

«Главное – не думать про голод. Сейчас они как увидят меня, как обрадуются. Да как дадут большую вкусную косточку...» Трясущаяся некрупная собака подошла к сугробу и стала есть снег. Снег таял в пасти, пить хотелось меньше, но становилось еще холоднее. Хотя куда еще больше. «Сейчас меня запустят, и я лягу рядом с огромной белой батареей. Но сначала косточка. И суп. А потом буду на них всех рычать. Я понимаю, конечно, что игра. Тренировали меня. Но я искал наш двор несколько ночей. Вчера прошмыгнул в открытую дверь подъезда, согреться. Утром проснулся от удара ногой дворника в бок. Заскулил. Сил не было даже уку- сить его. Люди странные. Когда я на поводке с хозяином, то почти каждый человек на улице мне улыбнется, поздоровается с хозяином. А когда один, все с ненавистью смотрят, а этот даже пнул. Теперь бок болит. Зараза, блин!»

Собака несколько часов неподвижно смотрела на дверь подъезда. Из нее никто не выходил и не входил. Чак начал тихонечко скулить. Мыслями он уже был сыт и в тепле. «Нужно только чуть-чуть подождать. Чуть-чуть». Началась метель. Чак уже почти не чувствовал лап. Он лег, свернулся клубочком. Постепенно его сознание улетало куда-то далеко-далеко. Он свою задачу выполнил. Да, было сложно, но он нашел свой подъезд. Он – молодец. Надо поспа...

* * *

Виктор Михайлович был в квартире один. Дел было невероятно много: посмотреть телевизор, попить чаю, потом опять посмотреть телевизор, потом опять чаю, потом поспать и снова попить чаю... Больше на сегодня дел не было. Да что уж – на ближайшие лет десять распорядок дня был один и тот же. Раньше – вот это да! Водитель электропоезда. Он вез людей с окраин в самое сердце города. Он был частью огромной кровеносной системы мегаполиса. А главное, он был нужен.

«Ничего! – успокаивал он сам себя. – Скоро весна. Рассаду посажу. Там уже дачный сезон не за горами. Чуть-чуть – и перезимую!» Он пошел на кухню. Поставил кипятить чайник. Раньше во время кипячения можно было с кем-то поговорить, поворчать. А сейчас его словно обманули. Поспешили. Предательски оставив его одного.

Чайник вскипел. Виктор Михайлович привычным движением открыл тумбочку, где должна лежать заварка. Ее не было. Точнее, коробочка была – а заварки в ней не было.

«Тьфу ты, елки-моталки. Кончилась. Надо в магазин идти», – радостно подумал он. Быстро одевшись, вышел из квартиры. В подъезде перегорела лампочка, а может быть, опять украли. «Надо новую вкрутить. На обратном пути».

Открыв двери подъезда и сделав несколько шагов вперед, Виктор Михайлович обо что-то споткнулся и чуть не упал.

– Елки-моталки! – пробурчал он.

«Что-то» оказалось собакой, замеченной снегом.

Снег не таял.

– Чак! – Виктор Михайлович узнал соседского пса. – Чак, ты чего?! Совсем тебе плохо? Погоди, я в домофон твоим хозяевам позвоню. – Он подбежал к домофону и набрал квартиру Чака. Никто не отвечал. Потом набрал номер соседей. Там ответили.

– Это сосед ваш. Не знаете, где соседи ваши, из шестьдесят четвертой? У них тут собака чуть не замерзла!

– Так они съехали. Развод вроде. Квартира продается.

– Елки-моталки! Спасибо.

Виктор Махайлович снял с себя пуховик. Положил рядом с собакой. Аккуратно перчаткой смахнул снег, переложил Чака на пуховик. Кажется, собака не дышала.

– Тьфу ты, елки-моталки! Чак, дыши!

Он затащил его в подъезд. К батарее. Гладил по замерзшей шерсти. По пути постучал в первую попавшуюся квартиру. Дверь открыла соседка Нина:

– Виктор Михайлович, что случилось?

– Нина, собака... Я вас очень прошу. Найдите ближайшую ветеринарку и вызовите нам такси.

* * *

– Аллю, Елена?

– Да, а это кто?

– Это ваш сосед из семьдесят второй квартиры. Виктор Михайлович. Мне ваш телефон Нина дала.

– А, здравствуйте, Виктор Михайлович.

– Я по поводу Чака.

– Это к Михаилу. Я никогда не хотела эту тупую собаку.

– Хм... Мы сейчас в ветери...

– Виктор Михайлович, этот дебил не может заработать даже на ипотеку... И тут на! Собаку купил. Вы знаете, что я несколько лет тянула семью на своем горбу?! Попросила его избавиться от псины... А он даже этого сделать не может! Всего доброго!

* * *

– Аллю, Михаил? Это Виктор Михайлович. Сосед. Бывший. Чак домой прибежал!

– Вы путаете. Наш Чак в лесу потерялся.

– Я уверен, что это Чак!

– Нет, этого не может быть.

– Ясно. Нельзя так с ними.

– Я не понимаю вас!

– Все ты понимаешь. Я рад, что у меня не стало таких соседей.

* * *

Уже несколько месяцев Чак жил в новом доме. Кончики ушей он потерял, ну и на две лапы до сих пор больно было наступать, но ничего, он привык. Собаки во дворе ему растолковали – да-да, у собак тоже есть свое комьюнити! И они общаются. Это вовсе не игра была. Вернее так: это была игра двух взрослых людей, в которой Чаку нужно было выполнить команду «умри». Только по-настоящему.

Еще Чак под деревьями вынюхал (а вы поди думаете, у собак нет своего Интернета?), что у него новый хозяин. В инструкции говорилось, с хозяином надо гулять три раза в день. Он – немолодой, и, чтобы хозяин не залипал перед телевизором, Чак тренировал его бегом. «Забавные они, эти люди. Те вроде улыбались, но чуть жизни не лишили. Этот всегда недовольный. Бубнит постоянно. На самом деле добрый и хороший. Чак не дурак: тех кусать, этого любить!»

* * *

В дверь постучали:

– Виктор Михайлович, это Михаил. Я ща живу с женщиной. У нее ребенок. Девочка собаку хочет. Давайте я Чака заберу у вас. Извините, что так получилось. Сколько я должен за ветеринарку?

– Михаил, не понимаю вас.

– Так получилось... Я мало зарабатывал и...

– Собаке без разницы, сколько ты зарабатываешь... Чак в лесу потерялся.

– Виктор Михайлович, вон же он лежит на подстилке.

– Это Норрис, а Чака ты потерял.

– Чак, ко мне!

Собака, лежа на подстилке, не двинулась с места. Только оскалила зубы.

– Михаил, вам пора. Я бы вам советовал к врачу зайти. Сердце проверить.

– А что не так с моим сердцем?

– Мне кажется, его нет.

Маленький человек

Появление в семье Петровых маленького человека собака по кличке Мэйсон восприняла спокойно. Но, когда этот человек начинал кричать, Мэйсону становилось не по себе. Он тоже хотел есть и на улицу, но не до такой же степени. Потом он заметил, что хозяева стали раздражительными и сильно уставали из-за бессонных ночей с кричащим человеком. Мэйсон решил, что пора с этим разобраться.

Он понял, что нужно переключить внимание недовольного. И как-то раз, когда маленький человек стал кричать, Мэйсон принес ему в кроватку свое любимое игральное кольцо ярко-синего цвета. Маленький человек передумал плакать и внимательно посмотрел на странное меховое существо, потом – на кольцо. Любопытство победило, и он схватил кольцо крошечными пальчиками и стал играть. Через полчаса малыш уснул. Это была победа Мэйсона. Хозяева этой ночью не вставали и выспались.

Утром Петрова сказала мужу:

– Слушай, чудо какое, Мишка дал поспать! А ты еще спишь?! Мэйсон, гулять.

На прогулке Мэйсон был очень горд собой. Видеть улыбающуюся хозяйку – это счастье. Ну и, конечно же, неплохой шанс выпендриться перед другими собаками, коллегами по проживанию в одном дворе.

В следующий раз Мэйсон решил поменять тактику. Он опять передними лапами встал на детскую кроватку так, чтобы молодой человек его заметил. Как только Миша увидел в кровати что-то меховое с розовым языком, он стал кричать. Мэйсон начал скулить. Молодой человек перестал. Перестал и Мэйсон. Так продолжалось несколько раз, пока Миша не понял алгоритм. Через полчаса маленький человек смеялся, периодически скуля, как Мэйсон. Собака тихонько подскуливала вместе с ним.

Наутро хозяева были добрыми и счастливыми. Опять. Мэйсон понял, что это его призвание. Каждую ночь он прокрадывался к Михаилу и развлекал ребенка. Было понятно – игра нравилась обоим.

* * *

Как-то раз Михаил кричал всю ночь. Петровы не спали. Мэйсона в комнату к его маленькому другу не пускали. Потом приехали люди в белых халатах. И началась какая-то суета в квартире. Потом люди в белых халатах быстро увезли куда-то Мишу и его маму. Чуть позже, собрав какие-то вещи, уехал и сам Петров.

Мэйсону стало не по себе. Он понимал, что происходит что-то нехорошее. Он лег на коврик у входной двери и тихо заскулил.

Ближе к вечеру приехал один Петров. По его лицу было понятно, что все плохо. На прогулке он не сказал ни слова. Хозяин о чем-то напряженно думал.

Когда они вернулись домой, Петров достал какуюто бутылку из холодильника и за несколько раз, быстрыми глотками выпил ее содержимое. Закашлялся, скорчил зверское лицо, потом неожиданно стал реветь. Мэйсон за компанию заскулил вместе с ним. Потом хозяин закричал:

– Мэйсон, ну почему так?!

Мэйсон не знал ответ. Хозяин посмотрел куда-то в окно и сказал:

– ХОЧЕШЬ, ЗАБЕРИ МЕНЯ, ТОЛЬКО ЕГО НЕ ТРОГАЙ!!!

Потом Петров завалился на пол и уснул. Мэйсон все понял.

* * *

Хозяева появлялись в квартире редко. В основном – переодеться, помыться, погулять и накормить собаку. Мэйсон еще с детства знал, что если чего-то сильно хотеть, то это непременно сбудется. Он хотел вернуть своего маленького друга обратно. Постоянно про это думал и кого-то просил. И... Это сработало, понял он.

С каждым днем хозяева становились веселее. На их лицах появилась надежда. Иногда хозяйка прижимала Мэйсона к себе, и они сидели неподвижно. Каждый думал и просил одно и то же.

* * *

Мишу привезли. Он весь был в каких-то бинтах, но такой же маленький и смешной. Мэйсон так вилял хвостом от радости, что чуть не сломал полку для обуви. Хозяева были вне себя от счастья.

Ночью, когда все уснули, Мэйсон пробрался в комнату своего маленького друга, встал на кровать передними лапами и тихонько прошептал смотрящему на него Мише:

– Мы очень волновались, почему ты так долго?

Маленький друг не ответил. Еще бы, ведь маленькие люди не умеют разговаривать...

Он поверил

– Я же попросила тебя сходить в магазин! Нет, блин, сидит, в телефон свой уставился!

– Ты не кричи на меня! Только с работы пришел! Могу я чуток передохнуть?!

В семье Павловых назревал конфликт. Моментально в комнате появился Джой, забавный фокстерьер-двухлетка. На каждую громкую фразу супругов он гавкал, как будто бы хотел перелять людей.

– Ты уже полчаса сиднем сидишь! И так на работе пропадаешь целыми днями, еще и по хозяйству ничего не делаешь! Да замолчи ты, Джой, не до тебя!

Собака залаяла еще громче.

– Я работаю, потому что кто-то в семье должен зарабатывать! А не только тратить! Джой, ну что с тобой?! Тихо! Это я не тебе!

Собака быстро бегала по квартире, при этом скуля и лая.

– Что это с ним?

– Не знаю! Где поводок? Джой, успокойся! Гулять!

– По пути хлеба купите!

– Хорошо!

* * *

Джой всегда их мирил. Да, думал он, немного вспльчивые, но зато быстро отходчивые. Он знал, что главное – не дать скандалу разгореться. Нужно развести пару по разным комнатам или вытащить кого-нибудь из них на улицу. Как правило, через какое-то время оба уже забывали, из-за чего орали друг на друга.

Был, конечно, и печальный опыт, когда Джой проспал скандал, потому что заснул на балконе, и чета Павловых разбила пару тарелок. Супруг собрал сумку и куда-то уехал. Она каждый вечер пила вино, плакала, что-то пыталась объяснить Джюю:

– Джой, он дурак! Ну неужели он не видит, что я хочу как лучше?! Мне что, его вообще не критиковать? Но тогда это буду не я. Мямля какая-то. Всё в себе носить – я не смогу. Нет, поначалу смогу. Но потом – взорвусь. А он тоже хорош. Ну уступи, промолчи, я же через час успокоюсь. Нет же: «Я так больше не могу! Это ненормальные отношения», – она очень похоже передразнила хозяина. – Может, действительно, мне надо было рот на замок закрыть?! Ну ты-то, Джой, почему молчишь?

На следующий день, ближе к вечеру, пришел хозяин. Он не поздоровался с ней, молча взял поводок и пошел гулять с Джоем. По пути он тоже стал изливать душу собаке:

– Джой, я так больше не могу... И без нее я тоже не могу... Я понимаю, что у нас итальянские страсти кипят. Но эти ссоры вгрызаются в меня, как ржавые гвозди. Нет, она хорошая, добрая, интересная... – Потом всю прогулку Джой выслушивал одни прилагательные. «Да, мысли хозяйки были более понятными...» – рассуждал Джой. В конце прогулки хозяин выдал итог: «...и красивая».

Джой понимал, что гордость каждого помешает им помириться. Пришлось все брать в свои лапы. Он перестал есть и начал тихонько поскуливать, имитируя болезнь. Она сразу же позвонила ему. «Боль» была настолько сильной, что хозяину пришлось остаться на ночь. Потом еще на пару дней. Потом произошло волшебное выздоровление Джоя, но хозяин уже вернул сумку с вещами домой.

С тех пор Джой решил не допускать конфликты. Пусть лучше орут на меня, главное, не друг на дружку.

* * *

Джой исполнилось тринадцать лет, когда задние лапы почти перестали слушаться. Павловы всё понимали.

- И что делать будем?
- Я не знаю... Не хочу об этом думать.
- Мне кажется, тебе стоит с ним поговорить.
- О чем?
- Ты знаешь. Он умный пес.
- Я попробую.

* * *

Мужчина подошел к собаке. Джой лежал на своем коврик. Увидев хозяина, он попытался завилать хвостом. У него почти получилось. Мужчина тихонько присел рядом на пол и положил морду пса себе на колени. Он гладил Джоя и тихонько говорил:

– Дружище, ты сегодня ночью во сне дергал хвостом. Подружка снилась?

Джой лизнул хозяина в ладонь, как будто говоря: «Так себе шутка...»

– Слушай, Джой, такое дело... Мы видим, как тебе больно. Но такое впечатление, что ты... Ну как это сказать... Ну типа – охраняешь наши отношения. Думаешь, мы не понимаем?!

Собака немного приподнялась.

– Джой, это странно, канеш... Смотри, я не могу обещать, но я постараюсь... И она постарается... Как это... Не ссориться. Понимаю, что это очень сложно. Она иногда такая...

Джой тихонько зарычал.

– Понял. Извини. Я люблю ее! Я правда постараюсь, брат. А ты... Ты можешь...

Мужчина замолчал и зарылся лицом в собачью шерсть. Так, чтобы ни фокс, ни любимая не увидели, как предательски увлажнились глаза. Той же ночью собака уснула навсегда.

Джой ему поверил.

Наталья Глазунова

Ты мне нужен

Из ямы несло сыростью и гнилью. Пес лежал внизу. Тощее тело растянулось на вонючих тряпках. Длинные несуразные лапы, словно приделанные от другого, еще большего по размерам пса, тряслись. Серая грязная шерсть стояла торчком. Местами свалаялась, местами вообще отсутствовала. Лохматое чучело, да и только.

– Савельич в этой самой яме и помер, – ткнул пальцем сторож. Невысокий, добродушного вида старичок в соломенной шляпе и безразмерной рубахе представился семье Романовых Иванычем. – Чего он там делал? Ума не приложу. Это ж зимний схрон. Картошку-то еще в марте вытащили, а уже лето. Вон и солома рядом, и доски. Накрой, да и дело с концом! – Старичок в сердцах махнул рукой. – Нашли, говорят, только через три дня. По лестнице. Она из ямы шибко торчала. Пес этот рядом с ним прям так и лежал.

Гостеприимного Григория Савельича и его маленькую домашнюю ферму Романовы нашли случайно. Лет пять назад, когда по дороге в родительскую усадьбу съехали к рапсовому полю фотографироваться. С тех пор каждый раз по пути в Кубанское Предгорье не забывали проведать старика, купить свежего молока и меда.

Заехали и в этот раз.

Прямо у ворот узнали о печальном событии. Сторож разрешил гостям «бедного Савельича» погулять по ферме, «пока ее новые хозяева не снесли». Сам вызвался сопровождать, а то «мало ли что». Прогулка вышла безрадостная. Опустевшие загоны и темные окна дома навевали грусть. Никто здесь больше не мычал, не бляял, не кукарекал и даже не жужжал, а найденный в грязной яме за амбаром пес потряс всех окончательно.

– Вы сказали, Григорий Савельич три недели назад умер, – уточнил Алексей, то и дело поглядывая на сына и жену. – Пес что, все это время в яме лежал?

– Не, – замотал головой Иваныч. – Как Савельича вытащили, так и пес выбрался. В аккурат по лестнице, прямо как цирковой. Метался вокруг носилок, увезти не давал. Потом ждал. Долго. Потом убежал. Видать, хозяина искал. Савельича без него схоронили. А этот... – Сторож снова ткнул пальцем в яму. – Четвертого дня как вернулся. Ночью. Все по ферме шнырял. Вынюхивал. Потом в яму забрался и, как лег, так больше и не встал.

– Вы его не пробовали вытащить? – спросил Женька.

В ломающемся голосе звенела тревога. Да и на месте парнишка устоять не мог. Все ходил по краю ямы, смотрел на пса внизу.

– Чего ж не пробовал? В первый день еще выволочь его хотел, но он не дался – вырвался, за рукав меня хватанул. Больше я его не трогал. Лестницу оставил. Подумал, раз он по ней так ловко туда-сюда снует, так и сейчас, как захочет – вылезет.

– Он хотя бы ест? – Наталья Романова тоже не могла оторвать взгляда от несчастного животного в яме.

– Бог его знает. Я ему куски хлеба да кости кидаю. Только вон они все валяются. Хотя, может, что-то и откусывает. Но воду не пьет.

– Плохо, – она покачала головой.

– Знаю, – согласился Иваныч. – Я поначалу ведро с водой наверху оставил. Подумал, пить захочет – вылезет, а он ни в какую. Потом ведро в яму спустил. Так полное и стоит.

– А что делать-то теперь с ним будете?

– Я? – удивился сторож. – Ничего. Новый хозяин сказал, ежели никто не заберет, пристрели. Пушай не мучается.

– Нет! – Женька побледнел.

– Ну, парнишка, – вздохнул Иваныч, – собачья преданность – она такая. Пес от тоски по хозяину и издохнуть может. Иногда и сделать ничего уже нельзя. Хотя, ежели новые хозяева сильно полюбят, могут и спасти.

– Мам, пап, давайте его заберем, – взмолился Женька.

– Что? – от неожиданности в один голос переспросили родители. – Куда?

– Себе. Нам. Мы же хотели собаку.

– Сын, подожди, – остановил его Алексей. – Пса, конечно, жалко. Но, понимаешь, это не то что взять щенка. Ему сейчас нужна серьезная помощь. Он страдает, тоскует за своим хозяином. Здесь много сил нужно, а может, и врач понадобится. Да и куда мы его? Мы же к дедушке с бабушкой в гости едем.

– Ты что, не слышал? Если никто не возьмет, он или сдохнет, или его застрелят, – не сдавался Женька.

– Черт! – Алексей растер лицо руками и посмотрел на жену.

– Мам, – у Женьки в глазах стояли слезы, – позвони деду Мише. Спроси, можно к ним с бабушкой пса привезти? Только до осени. Потом домой заберем. Я сам буду за ним ухаживать. Я уже взрослый. Ма-а-ам!

Не отводя глаз от мужа, Наталья набрала номер родителей. Разговор был недолгим.

– Что? Вы еще раздумываете? – раздался в трубке голос деда. – Везите его сюда. Разберемся.

Наталья сунула телефон в задний карман джинсов и повернулась к Иванычу:

– Из ямы достать сможете? Здесь вроде не высоко – метра полтора, но пес не маленький и тяжелый, наверное.

– Размером с козу будет, да и весом тоже, – подтвердил сторож. – Не хватанет меня снова? Там пасть что надо!

– Что вы, – отмахнулась Наталья. – Если пес почти месяц в бегах был, как вы говорите, значит, питался плохо, а последние четыре дня вообще не ел и не пил. Да он голову поднять не сможет, не то что укусить.

Притащили веревку и кусок брезента.

– Сейчас люльку сделаем и двумя веревками вытащим, – объяснил Иваныч, увидев вопрос в Женькиных глазах.

До машины несли пса вдвоем. Разместили в прицепе.

– Спасибо, – Алексей пожал руку сторожу. – Сам бы я не справился.

– Да что я, – ответил Иваныч. – Вы герои. Остановились молочка купить, а получили плохое известие и пса в придачу. Мне хоть и жалко было его, да, что с ним делать, не знал. А вы, может, сможете.

– Как его зовут? – спросил Женька.

– Чего не знаю, того не знаю, – пожал плечами Иваныч. – Зовите как хотите.

Романовы сели в машину, просигналили на прощание и осторожно тронулись в путь.

– Теперь до самой усадьбы без остановок, – предупредил пассажиров папа.

* * *

Усадьбой называли большое кубанское подворье деда Миши и бабы Нины. Романовы здесь проводили каждое лето. Деревянный сруб с верандой стоял под горой у реки Уруп. Рядом беседка с печью, баня, сарай, колодец, пасека, сад и огород, подпоясанные высоким забором с резными деревянными воротами. Поместье выглядело так, будто только что выскочило из русской народной сказки. Название к нему приклеилось соответствующее – «Теремок».

Дед Миша распахнул ворота, впуская машину.

– Помнишь, что ты сказал, когда в первый раз сюда приехал? – въезжая во двор, спросил у Женьки папа.

– Спросил, зачем мы приехали к трем медведям, – смутился тот.

– Ему было два года, – улыбнулась мама. – Что он еще мог сказать?

Все горячо обнялись.

– Ну, внучек, ты даешь, – охала баба Нина. – Ростом уже с мать. Ой, а нога, дедунь, ты глянь, не сороковой ли? – Она снова повернулась к внуку: – Ты точно в шестой класс перешел или уже в восьмой?

– Ну, ба, – засмутился Женька.

– Подрос! Скоро и меня, и отца обгонишь. – Дед одобрительно похлопал внука по плечу. – Ну а где друг-то наш новый? Показывай.

– Здесь, – Алексей открыл задний борт прицепа.

Пес не шелохнулся и не открыл глаз, даже когда папа взял его на руки. Он безвольно обмяк и тяжело дышал.

– Ох ты, милый, – запричитала баба Нина. – Давайте его сюда.

Место для пса уже было готово. В углу веранды расстелили тюфяк и поставили две миски – для еды и воды.

– Клади, Алексей, – скомандовал дед Миша. – Наталка, звони-ка Ирине. Дело срочное. Пусть едет.

Иринку, школьную подругу мамы, знала каждая собака в районе, а еще коты, лошади, ослы, коровы и остальная живность. Знали и любили. Она с самого детства мечтала стать доктором, «только не человеческим». В школьные годы тащила домой всех подряд: лечила ранки, капала глазки, чистила ушки. После школы поступила на ветеринара. Закончила с отличием, вернулась в родные места к своим пациентам, получила прозвище Айболит Предгорья и открыла кабинет с таким же названием.

– Давно он такой?

Она осторожно присела рядом с псом. Тот лежал на боку, дышал звучно и прерывисто.

– Не знаем, – Наталья пожалала плечами. – Он с нами всего пару часов.

– Но сторож сказал, что четыре дня назад он бегал и даже в яму сам слез, – добавил Женька.

Наталья поняла, что «не человеческому доктору» нужны подробности, и тут же ей рассказала про ферму, смерть Савельича и яму. Выслушав всю историю, Иринка принялась за осмотр. Ощупала пса, осторожно приоткрыла пальцами глаза, осмотрела пасть, потрогала десны. Достала стетофонендоскоп и долго слушала, особенно в области груди.

– Если бы остался в яме, – она наконец-то поднялась с тюфяка и повернулась к семейству, – ночью бы сдох.

– Так мы успели? Да, тетя Ир?! – Женька с надеждой заглянул ей в глаза.

– Давай так, дружок, – она положила руку ему на плечо и ответила, растягивая каждое слово, словно старательно подбирала правильные: – Ты уже взрослый, поэтому я скажу как есть. Пес сильно обезвожен. Для собак это смертельно. Я сделаю все, что нужно: и капельницу поставлю, и укольчик, но ничего не обещаю. Он очень слабый. Ждем до утра. Дотянет – жить будет. Понимаешь?

Женька молча кивнул. Губы сжались в тонкую полоску.

Следующие пару часов он не отходил от пса. Сидел рядом, смотрел на капли раствора в фильтре капельницы, гладил по жесткой и плотно сбитой шерсти. Иногда наклонялся и что-то шептал. Остался рядом даже после отъезда ветеринара и позднего ужина.

– Что будет? – качала головой баба Нина.

– Справимся, – успокаивал ее дед Миша. – Не с таким разбирались.

Спать с псом на веранде Женьке не разрешили. Баба Нина не стала слушать даже такие веские аргументы, как «тетя Ира сказала» и «вдруг ему помощь понадобится, а нас рядом нет». Вердикт был вынесен: собаки на веранде, люди в доме!

– Ты не переживай, – подбодрил внука дед Миша. – Веранда у нас хорошая, не продувается. Да и ночи уже теплые. Псу здесь хорошо будет. Ну а мне ночами все равно не спится. Часто выхожу, вот и присмотрю за ним.

Скрепя сердце Женька поплелся в свою комнату. Еще через несколько минут дом погрузился в темноту.

Стрелки на часах перевалили за полночь, когда скрипнула входная дверь. Осторожно ступая и все время оглядываясь назад, на веранду прокрался Женька. Он волок за собой огромный тюк.

Бум! Дзынь, дзынь!

Тюк зацепился за стоявшую у дверей стопку ведер. Они упали и со звоном покатались по веранде.

– Чтоб тебя, – Женька замер на месте и зажмурился. – Никто не проснулся. Никто не проснулся, – скороговоркой прошептал он.

И действительно никто не проснулся, не включил свет и не вышел из дома. Убедившись в своем везении, Женька осторожно собрал ведра и оттащил тюк в угол веранды. Это были закатанные в одеяло подушка и плед. Он разложил одеяло рядом с тюфяком, свернув его вдвое, взбил подушку и уместился, завернувшись в плед. Пес все еще лежал на боку. Дышал тихо и ровно.

– Ничего не бойся, я рядом. – Женька протянул руку и осторожно погладил пса.

Через секунду он уже спал мертвецким сном и не видел, как дед Миша тихонечко вышел на веранду и накрыл внука еще одним одеялом.

Кажется, кричали петухи. Долго и пронзительно.

Женька приподнял голову, приоткрыл один глаз и тут же посмотрел на пса. Что-то было не так. Он все так же лежал на боку, вытянув лапы вперед, но его дыхание участилось. Оно стало прерывистым и громким.

Женька бросился к собаке. Он потрогал ее нос и живот, как это делала тетя Ира, и сломя голову рванул в дом.

– Деда! Деда, помоги! – тормошил он старика за плечи.

– Что случилось? – Дед Миша тут же поднялся на кровати. – Чего кричишь?

– Пес, – тараторил Женька. – Он дышит тяжело, и нос у него горячий.

– Что за переполох?

Из соседней комнаты, застегивая на ходу халат, вышла баба Нина, но дед с внуком уже выскочили на веранду.

Иринка приехала через десять минут.

– Хорошо, что я здесь недалеко была. – Она улыбнулась Женьке, убирая в чемоданчик коробочки с ампулами.

– Откуда это ты в такую рань? – спросила баба Нина, переворачивая румяный блин на сковороде.

– Вызов, тетя Нин. У ваших соседей, тут, через полкилометра, ночью телились несколько коров. Устала смертельно. Накормишь завтраком, спасатель? – Она снова улыбнулась Женьке.

– Обязан накормить. – Баба Нина все еще неодобрительно поглядывала на внука. – Такой переполох устроил.

– Я испугался, – уже в который раз объяснялся Женька. – Он же мог... умереть.

– Ты молодец! – Иринка потрепала его по волосам. – Настоящий друг всегда рядом в нужный момент.

– А что было-то? – уточнил дед Миша.

– Тахикардия. Сердце зашло. Но с этим справились. Просто ночь была решающая.

После завтрака Иринка научила Женьку поить и кормить пса из большого шприца.

– Только без иглы, – предупредила она, – набираешь порцию, заправляешь в пасть сбоку от языка. Смотри. Будто за щеку, в уголок рта. И осторожно вливаешь бульон или водичку. Не в горло, а за щеку, чтобы не захлебнулся.

У Женьки все получалось. После того как он аккуратно спойл псу всю дозу регидрационного раствора, она одобрительно хлопала его по плечу и собралась уходить:

– Не забудь сегодня и завтра каждый час вливать одну чашку. А это маме, – она протянула Наталье сложенный вчетверо листок, – написала, чем пса сейчас лучше кормить, с учетом его состояния и породы.

– Породы? – Алексей оторвался от утренней новостной ленты в телефоне: – Я думал, это дворянка. Серая и кудлатая.

– Волкодав, вообще-то, – хохотнула Иринка. – Ирландский. Окрас – да, серый. Чистокровный или нет, утверждать не буду. Тут тест нужно делать. Хотя, возможно, и метис. Уж больно шерсть длинная.

– Волкодав? – Наташа с опаской посмотрела на пса.

– Щенок еще. Ему месяцев десять, не больше. Вот и нескладный такой. Да и исхудал сильно. Он сейчас уже килограммов шестьдесят весить должен, а тут сорок – сорок пять от силы.

– Шестьдесят? – Алексей отложил телефон и принялся рассматривать пса, будто видел его в первый раз. – Десять месяцев, говоришь?

– К двум годам вырастет, красавец будет. Так что кличку ему подходящую ищите. Он же у вас вроде безымянный?

– Типа Лорд? – тут же предложил Женька.

– Это уж ты сам выбирай.

– И насколько он... э-э-э... свирепый? – вернулась к расспросам Наталья.

– Ну ты, подруга, и слово подобрала, – рассмеялась Иринка. – Если по шкале от одного до пяти, то единица.

Мамины брови подскочили вверх.

– Что ж это за волкодав такой?

– Как в анекдоте, знаешь? «Волкодав, говорите? М-да... волки будут от смеха давиться», – продолжала юморить Иринка. – Не агрессивный. Да и сторож, знаешь, весьма посредственный. Но, вообще-то, порода отличная. Мягкий, чуткий, добрый с детьми. Такой безобидный домашний питомец. Правда, это не касается мелкой живности. Тут уж, извините, – она развела руками, давая понять, что коты в округе обречены в первую очередь.

– Что, совсем не агрессивный? – Наташа все еще не верила подруге.

– Ну, как любую собаку, его можно спровоцировать, если на хозяина напасть. Тут он защитник хоть куда.

– Класс! – Женька был в восторге. – Мам, ты слышишь – защитит меня.

– Отстоит косматый исполин и тебя, и родителей, и деда Мишу с бабой Ниной.

– Исполин? – Мамины брови снова взметнулись вверх, и она покосилась на мужа.

– Вырастет – большой будет. В холке – сантиметров восемьдесят ми-ни-мум. А уж если на задние лапы встанет... У вас как, квартира в городе?

– Дом в пригороде.

– То что нужно.

Иринка еще раз попрощалась со всем семейством, погладила пса и направилась к воротам:

– Не провожайте. Если что, звоните.

Следующие несколько дней прошли в заботах о новом жильце усадьбы. Иринка приезжала по утрам, осматривала пса, давала рекомендации. Баба Нина готовила еду по списку. Женька не оставлял друга ни на минуту: кормил и поил. В перерывах между кормежками читал вслух рассказы и повести о собаках, а заодно подыскивал подходящую кличку.

– Бэк классный, да? – Женька лежал на своей импровизированной кровати и читал вслух «Зов предков». – Имя крутое! Может, мы и тебя так назовем? А что? – Женька вскочил и уселся поудобнее. – Тебе понравится, если ты будешь Бэк?

Пес лежал рядом на своем тюфяке с безучастным видом и ни на что не реагировал.

– Тебе не нравится? Давай поищем другое.

Женька отложил книгу, достал из кармана телефон, набрал в поисковике «Самые популярные клички для волкодавов и других крупных собак» и перешел на уже знакомый сайт.

– Так, где мы остановились вчера? – Он снова посмотрел на пса. – Валет, – Женька прочитал новую кличку и осекся: – Ты не можешь быть Валетом. Может, Джек? Или Байл? А может, Сил?.. – Он выдохнул. – Согласен. Имечко так себе. Я бы тоже был не в восторге.

– Что это ты там делаешь? – Дед Миша зашел на веранду. – От самых ворот слышно – галет, валет!

– Я кличку ищу. Подходящую, – ответил Женька. – Не может же он без клички вечно оставаться.

– Как успехи?

– Пока никак, – вздохнул звучно Женька. – Здорово было бы, конечно, его настоящую кличку узнать, ту, которую Григорий Савельич дал. Мне кажется, если бы она нашлась, тогда и пес бы очнулся. А то он будто не с нами. Как привидение – вроде здесь, а вроде и нет.

– Согласен, – ответил дед, усаживаясь за стол. – Ищи. Или его кличку, или ту, которую он примет.

– Бэк! – Женька снова посмотрел на пса, в надежде, что тот все же отзовется, но пес даже не шелохнулся. – Надо что-то еще предпринять. – Женька сел за стол рядом с дедом и принялся накидывать себе в тарелку вареников с сыром. – Взбодрить. Чтобы грусть быстрее уходила.

– Мысли уже есть?

– Буду брать его с собой. Хватит ему одному здесь на веранде лежать. Бабушка мне задание на лето дала – кролей кормить утром и вечером. Вот и будем это делать вместе. Прямо сейчас и пойдем.

– Добро, – согласился дед.

– Сам не пойдет, – заявила баба Нина, подсыпая в тарелку следующую порцию дымящихся вареников. – Вон он, лежит себе да и лежит уж который день. Никто ему нипочем. Гулять не ходит, никого не слушает, кормим насильно, а ты говоришь, с собой возьмешь.

– Если надо, на руках понесу! – раздухарился Женька.

– Тяжеловат он. Не поднять тебе будет.

– Раз-бе-рем-ся, – по-обычному растягивая слово, проговорил дед Миша.

Женька всегда был уверен, что дед знает ответы на любые вопросы и может найти выход из любой ситуации. «Раз-бе-рем-ся», – каждый раз говорил он, когда что-то не клеилось. Дед Миша замирал на секундочку и тут же снова оживал: «Вот, смотри сюда». Женька знал, если он говорил «раз-бе-рем-ся», а потом «вот, смотри сюда», значит, решение есть.

Дед Миша встал из-за стола, чмокнул бабу Нину в пышную щеку «за вареники», а потом нагнулся и шепнул Женьке на ухо:

– Жду в штабе.

Штабом им служил сарай.

– Пароль, – слышалось из-за двери.

– Пирожки с капустой.

– Заходи!

Женька вошел внутрь и остановился.

– Вот, смотри сюда! – Дед Миша продемонстрировал находку.

– Это что, детская коляска? – удивился Женька.

– Мамки твоей. – Дед выставил перед ним красно-белый агрегат. – Раз решил пса с собой таскать, так вот и вози его на коляске, пока он сам не захочет за тобой идти.

– Спасибо, деда! – поблагодарил Женька, уже по-взрослому обнимая его за плечи.

– Владей! Если что, зови всех, подсобим.

Уже через полчаса Женька с папиной помощью перетащил пса в коляску, нагрузил ее кормом и водой и отправился на задний двор. Кроличьи клетки выстроились в два ряда. Женька толкал коляску перед собой по длинному и широкому проходу между клетками и болтал без остановки:

– Представляешь, деда Миша завел сто пятьдесят кролей. Вот это Черныш, – Женька указал на черного лохматого кролика в очередной клетке, – а рядом Ночка. Видишь, как уплетают за обе щеки. Тебе тоже не мешало бы подкрепиться. Что скажешь? Молчишь? Ладно.

Женька толкал коляску к следующей клетке, продолжая знакомить пса с жителями кроличьего города. Серопят, Белка, Стрелка... Он давал имена на лету и тут же на лету их забывал.

– Видишь, всех как-то зовут, – объяснял Женька. – Давай и тебе выберем кличку, – предлагал он и продолжал представлять псу следующих питомцев.

В последней клетке обитали два белых кролика. Женька поставил коляску на тормоз и набрал в руки травы.

– Снежок и Снежинка, – громко произнес он. – С ними тоже не хочешь знакомиться?

Что произошло дальше, Женька не понял. То ли кролики в этой клетке слишком громко шуршали сеном, то ли запах был сильнее, а может, еще что-то, но пес, который до этого момента безучастно лежал, свернувшись калачиком, вдруг поднял морду и посмотрел на клетку. Поднялся. Пытаясь выпрыгнуть, неловко вывалился из коляски, встал на лапы и подошел поближе.

Долго сидел, следил за тем, как белые шкурки снуют из одного угла в другой, и что-то бурчал на собачьем. Не лаял, не выл, а именно бурчал.

Сначала растерянный Женька стоял с охапкой травы и боялся пошевелиться, но потом все-таки решился и сел рядом с псом прямо на землю.

– На твоей ферме были белые кролики, да? – тихо спросил он, но пес ему, конечно, не ответил.

На веранду, удивив всю семью, вернулись пешком. Сияющий Женька катил пустую коляску, а пес шел рядом.

* * *

С тех пор как пес ожил, прошло несколько дней. Он все чаще вставал со своего тюфяка, чтобы попить воды или бульона из мисок или побродить по веранде, когда на ней не было никого из домочадцев.

Во двор пес почти не выходил и покидал пределы веранды, только когда видел, что Женька набивает коляску травой. Тогда он, бурча что-то под свой собачий нос, медленно спускался по ступенькам и плелся в кроличий город вслед за Женькой. Там шел напрямик к послед-

ней клетке, садился напротив нее и сидел, продолжая бормотать и следить за Снежком и Снежинкой, пока Женька не заканчивал кормежку.

Вернувшись на веранду, пес снова уходил в свой угол, укладывался на тюфяк, отворачивался и прикрывал морду лапой. Он по-прежнему не откликался на голоса домашних, когда те пытались с ним поговорить, отказывался к ним подходить и не реагировал ни на одну из предложенных Женькой кличек.

Женька не сдавался. Первая идея принесла успех, и он решил предпринять следующий шаг – выбраться за пределы усадьбы в дедушкины сады.

– Мама говорит, если картинка надоела, нужно ее поменять, – объяснял он псу, перетаскивая его с веранды в кузов «Муравья» – старенького мотороллера. – Так что поедем вместе. Я уверен, тебе там понравится. Набегаешься вволю. Можешь даже полаять на чужаков, если они посмеют приблизиться к нашим владениям.

Сад деда Миши благоухал абрикосами. Они уже всю осыпались тут и там. Пес прилежал в тени дерева. Женька, закончив собирать шестое ведро абрикосов, разложил свой плед рядом с ним и прилегал отдохнуть, а заодно и почитать. Книжки про собак заглатывались как никогда быстро и целиком. Сегодня это был «Белый Бим Черное ухо».

– Эх, бедный пес, – сетовал Женька. – Хозяина потерял. Ищет. Слышишь, Бэк? Сидит, бедный, ждет. А эта тетка, нет бы помочь, милицию вызвала. Ух, я бы ей! – разозлился Женька. – Хочешь знать, что было дальше?

Он перелистнул страничку и продолжил читать вслух:

«Человек и собака шли в милицию.

– Кого же ты ждал, Черное ухо? – спросила она, остановившись.

Бим уныло присел, опустил голову.

– И подвело у тебя живот, милый. Я тебя накормлю, подожди, накормлю Черное ухо.

Вот уже несколько раз назвали Бима «Черное ухо». И хозяин когда-то говорил: «Эх, ты, Черное ухо!»

– Постой! – мысль, словно молния, метнулась в голове у Женьки. – Может, и тебя Савельич называл как-то так... просто... как есть... Может, ты... – Женька осмотрел пса. – Серый? А? Ты Серый? Давай попробуем, – вскочил на ноги Женька. – Серый, сидеть! – скомандовал он. Потом отбежал в сторону: – Серый, ко мне!

Пес встал и, не поворачивая морды, поплелся восвояси.

– Серый! Серый! – громче позвал его Женька, но пес не обернулся – дошел до «Муравья» и лег под кузовом. – Не выходит! – крикнул с досады Женька, а потом схватил очередное пустое ведро и вернулся к сбору абрикосов.

После возвращения из сада пес продолжил свой молчаливый протест и раздумал спускаться с веранды. На кормежку кролей опять поехали на коляске.

– Ну что с тобой сегодня? – возмущался Женька. – Ел плохо. Читать со мной не стал. Ушел, вильнув хвостом. Разве так с друзьями поступают? И снова эта коляска.

Женька сунул очередную порцию сочной травы в кроличью кормушку и шумно закрыл крышку, напугав обитателей клетки.

– Вот что мне с тобой делать? Не слушаешься совсем. И дружить не хочешь.

Как и ожидал Женька, собачья статуя отмерла, как только подъехали к последней клетке. Пес спрыгнул на землю, но к клетке в этот раз не пошел. Он развернулся и потрусил прочь.

– Серый, ты куда? – растерялся Женька. – А ну-ка вернись!

Пес не остановился.

– Назад! Ко мне!

Женька в отчаянии бросил траву на землю и ринулся вдогонку.

– Ах ты, чучело лохматое! – выкрикнул он в сердцах.

Неожиданно пес остановился.

Остановился и Женька.

– Чучело лохматое? – удивленно повторил он.

Пес медленно развернулся, сделал несколько шагов в обратном направлении и снова остановился. Женькины брови подскочили вверх. Он осторожно прошел разделяющие их метры и опустился перед псом на колени:

– Ты – чучело?.. Лохматое?.. – Он попытался заглянуть псу в глаза. – Тебя так Григорий Савельич называл?

Пес не уходил, но все еще отворачивал морду, хотя тут же косил глазами на Женьку, осторожно, словно подсматривал, словно хотел узнать в нем кого-то, убедиться, что не ошибся, прежде чем обернется окончательно.

– Ну конечно! – Женьку осенило: – Никакой ты не Джек, и не Валет, и даже не Серый. Хотя и серый тоже. Ты – Лохматый!

Пес фыркнул, буркнул и повернул морду. Затем потянулся к Женьке и лизнул его в лицо.

В сердце екнуло, а внутри все заклокотало от счастья.

– Лохматый, – Женька обнял пса, принялся гладить его и шептать на ухо: – Лохматый, Лохматый, Лохматый.

Пес положил голову Женьке на плечо и махнул хвостом. Сначала нерешительно. Один раз. Потом еще и еще. И вот уже песий хвост ходил ходуном, а вместе с ним и вся задняя часть, отзываясь на кличку.

– Я нашел! – радовался Женька.

Он улыбался. Он снова и снова обнимал пса, которого точно звали Лохматый.

* * *

После этого вечера все изменилось. Пес теперь жил в вечном движении. Куда бы ни шел Женька, он всегда сопровождал его. Утром, когда нужно было кормить кроликов, Лохматый трусил вдоль клеток вместе с мальчиком. Конечно, задерживался у последней клетки посмотреть и «поболтать». Если настаивала пора ехать в сады, Лохматый тут же запрыгивал в кузов «Муравья» и величественно укладывался, показывая, что он готов. В саду они играли в перетягивание каната, которым служила любая попавшаяся под руку тряпка, или в салочки.

– Догоню! – кричал мальчик и бежал за псом.

Пес отбегал нерешительно, все время оглядывался и искал глазами Женьку. А Женька хлопал его по лохматой спине и бросался прочь.

– Осалил! Осалил! Теперь поймай меня!

И пес бежал со всех лап, догонял Женьку и прыгал на него, порой сбивая с ног. Тот со смехом валился на траву, а пес тут же принимался лизать ему щеки или тыкать носом, чтобы немедленно вставал.

– Хороший, хороший пес Лохматый, – хвалил его Женька и снова затевал игру. – Догоню, Лохматый! Догоню!

Вечером снова кормили кролей. Лохматый не отставал ни на шаг. Перед сном умудрялся даже протискиваться в двери летнего душа, когда Женька там купался. Ужинали всей семьей шумно и весело. В споре «кто быстрее очистит свою тарелку» выигрывал Лохматый, но и Женька не отставал. Баба Нина ругалась и на пса, и на внука, потому что «нечего глотать кусками». Спать оставались на веранде – дед отстоял.

Так незаметно пролетели две недели. Но вот однажды утром пес пропал.

– Когда я проснулся, его уже не было, – тараторил Женька. – Мы с папой проверили всю усадьбу. Были в саду, даже на речку съездили на великах. Деда, где он может быть?

– Заводи машину, Алексей, – дед Миша махнул рукой. – Поезжайте на ферму.

– Думаешь, там? – удивился папа, но, не дожидаясь ответа, пошел в дом за ключами.

– Тута, – подтвердил сторож Иваныч. – Ранехонько прибежал. Все вынюхивал, яму, видать, искал. Да только засыпали ее и уже, вишь, все цементом залили. Стройка началась. Я его на кладбище свел. Тут недалеко. Километр, а то и меньше. Найдете. Последний рядок. Крайняя могилка Савельича и будет. Да и фотография там большая стоит. Узнаете.

Пес был там.

Он лежал на могиле хозяина, вытянув лапы и положив на них голову, будто сам снова собрался подышать.

Женька присел рядом.

– Лохматый, – осторожно позвал он пса. – Ты нашел Савельича.

Пес тихонько поскуливал.

– Тяжело? Знаю, – согласился Женька. – Я тоже долго грустил, когда ушел мой другой дедушка. Я и сейчас грущу, но я знаю, что нужен моей семье. Папе и маме, деду и бабушке. И они мне нужны. И ты... ты мне тоже нужен, Лохматый. Очень. Выбери меня. Пожалуйста. И поехали домой.

Шли минуты, часы. Женька сидел рядом с псом, гладил его по жесткой шерсти и продолжал говорить. Солнце сначала перевалило за середину неба, а потом и вовсе опустилось за горизонт.

– Надо ехать, – раздался за спиной голос папы. Женька обернулся, пес – нет. – Стемнело уже. Бабушка и дедушка волнуются. Я Иваныча предупредил. Он позвонит, если Лохматый снова прибежит на ферму.

– А если не прибежит? – Женька искал причину не уходить.

– Мы в любом случае завтра снова сюда приедем и снова попробуем его забрать, – пообещала мама.

Ком стоял в горле, и проглотить его не получалось.

– Лохматый, – Женька обнял пса и прошептал ему на ухо: – Ты лучший на свете пес. Ты такой хороший. Я люблю тебя.

Он встал и, волоча ноги, поплелся вслед за родителями. Обернулся у самой машины.

– Лохматый! – вдруг громко выкрикнул Женька. – Ты мне нужен! Лохматый! Выбери меня! Выбери меня, Лохматый!

Он кричал снова и снова, пока отец насильно не усадил его в машину. Пес все так же неподвижно лежал на могиле Савельича.

Сначала ехали очень медленно, но потом пришлось прибавить. Машины нервно сигналили, а водители, обгоняя, ругались через окно и крутили у виска.

Спустя пару километров ситуация не изменилась.

– Да что такое? – злился папа. – Едем нормально.

Женька обернулся и посмотрел в заднее стекло. Фары следующей за ними машины высветили на дороге силуэт собаки. Лохматый бежал со всех лап, а водитель машины сигналил без перерыва, пытаясь согнать пса в сторону и освободить себе проезд.

– Лохматый! Это Лохматый! – закричал Женька. – Папа, он бежит за нами. Останови машину.

– Где? – Мама выглянула из-за своего кресла.

– Да вот же он, мам! Папа, остановись!

Алексей включил поворотник и, понемногу сбавляя скорость, притормозил на обочине. Женька тут же открыл заднюю дверь, но выйти не успел. Пес с разгона заскочил в машину. Виляя хвостом и поскуливая, он навалился на Женьку и принялся облизывать его руки, шею и лицо.

– Он выбрал меня, – радовался Женька, обнимая Лохматого. – Выбрал меня!

Как только машина тронулась с места, пес тут же улегся на заднее сиденье и положил голову Женьке на колени. Он вздыхал и прищуривался от удовольствия, когда тот гладил его по жесткой шерсти. И, если бы люди могли слышать мысли животных, то в эту секунду Женька услышал бы, как Лохматый повторяет: «Ты мне тоже нужен».

Екатерина Трефилова

Собака мечты

В один безрадостный промозглый февральский день на меня взглянула собака. Взглянула она с фотографии на странице «Вконтакте».

Шоколадного окраса шерсть, легкое тело на тонких изящных лапках, олений поворот головы, узкая мордочка и большие темные, очень красивые глаза. Семимесячная собачья принцесса по имени Эля.

Фотография была прикреплена к посту, где говорилось о том, что собака очень спокойная, ласковая, но ранимая и нежная, нуждается во внимательном и ответственном хозяине. А еще у нее цистит и, возможно, нездоровые почки. Ее подлечили, но отправлять обратно в приют ее сейчас нельзя, она не выдержит содержания в вольере. «Эля – это собака мечты!» – уверенно подытоживали свой пост волонтеры.

«Ничего себе, – подумала я. – Если такие красавицы в приюте, то куда деваться обычным незамысловатым бобикам?»

Нет, я не собиралась заводить собаку. У нас уже жил воинственный старый лев. То есть, конечно, это был кот, но только снаружи. Внутри него обитал гордый и непокоренный дух большого дикого животного, царя зверей. Из-за того, что ему приходилось ютиться в маленьком кошачьем теле, дух здорово возмущался и регулярно отстаивал свой статус в односторонней войне с ногами. В связи с пожилым возрастом кот стал покашливать и частенько писать мимо лотка, но дух его оставался все таким же воинственным. Так что у нас было весело и без собаки. Особенно в последнее время, когда сын перешел на дистанционное обучение, а я стала чахнуть от бесконечных простуд. Окинув собаку на фотографии сочувственным взглядом, я вздохнула и выключила смартфон.

Но так же легко «выключить» в памяти грустный собачий взгляд не получилось. Я вернулась на страницу, чтобы посмотреть отзывы под постом. Там оказалось около десятка разнообразных комментариев, но все они сводились к пожеланиям везения этой «миленькой лапочке».

– Сочувствовать все горазды, – проворчала я. – Жалко вам, так возьмите ее себе!

Весь день я регулярно проверяла комментарии под постом, но, на удивление, ни одного желающего забрать это чудо не появлялось.

Перед сном я постучалась в комнату к сыну, чтобы серьезно поговорить.

– Понимаешь, – сказала я, устроившись в кресле напротив играющего на компьютере ребенка. – Нам нельзя заводить собаку.

– Угу, – согласно кивнул увлеченный игрой сын.

– Я и с котом-то еле управляюсь, а ты ведь не будешь с ней гулять?

– Ну, может быть, разве только иногда, – сказал сын, не отрываясь от экрана.

– Ну вот видишь, – уныло подтвердила я. – К тому же кот у нас дикарь редкостный. Невзлюбит собаку, будет ее гонять. Какая ей от этого радость, правда?

Сын кивнул.

– Ну вот, я и говорю. Да и старый он к тому же, кот наш. Вдруг не он ее будет гонять, а она его. Он же тогда помрет от унижения собственного достоинства, а смерть его будет на моей совести.

На этот раз сын промолчал.

– Да и не уложимся мы чисто материально, – привела я последний довод. – Это же собака! Не воробей, не мышь. Ее мясом надо кормить.

– Какая собака? – поинтересовался наконец сын.

Я протянула смартфон:

– Вот эта. Понимаешь, нам ее никак нельзя. Но, только если ее никто не возьмет к себе в дом, она погибнет – у нее почки больные.

Сын скосил глаза на экран смартфона, а потом развернулся на стуле и посмотрел мне в глаза:

– Мама, нам нельзя собаку!

– Я знаю.

– Тебе забот мало? Тебе меня мало? И так болеешь постоянно!

Я покорно и виновато кивала.

Сын убедился, что достаточно повлиял на восстановление здравого смысла в моей голове, и снова отвернулся к компьютеру.

Сын был прав. Я так и сказала ему:

– Ты прав, сын. Нам нельзя заводить собаку. Только, знаешь, если бы это была здоровая собака, я бы не предложила. А этой собаке нужна помощь. Если бы у нас были больные почки, мы бы не прожили в открытом вольере и десяти дней.

Сын посмотрел на меня долгим взглядом.

– Чего ты хочешь? – спросил он.

– А вот этого я не знаю, – призналась я. – Я не могу допустить, чтобы ее отправили в вольер на мороз. И не могу взять к нам. Я же все понимаю – к нам ее нельзя.

– И что делать?

– Может быть, мы подождем, пока кто-то откликнется? Ну должен же кто-нибудь! Тут написано, что еще две недели она будет жить на передержке. Не может быть, чтобы за две недели не нашелся человек, который захотел бы ее забрать. Такая милая псина! Но, если все же никто не найдется, мы ее заберем, хорошо?

Сын вздохнул:

– Если скажу да, ты от меня отстанешь? – спросил он.

Я возмутилась:

– Слушай, это же совсем не ерунда! Взять собаку в дом – это большая ответственность. Я не просто так с тобой разговариваю, не поболтать ради.

– Тогда нет.

– Но погоди! – сказала я.

Сын снова отвернулся от компьютера и посмотрел мне в глаза:

– Ты просто влюбилась в эту собаку, вот и все. Так что иди отсюда, готовь там ей подстилку, кашу вари или что она там ест.

* * *

Прошло целых четыре дня. У меня в очередной раз подкачало здоровье, так что четыре дня я протерпела без труда. Комментариев под постом прибавлялось с каждым днем все меньше, а будущий хозяин так и не объявлялся. На пятый день, выздоровев, я позвонила по указанному номеру. Ответил милый женский голос девушки-волонтера Марины (так было указано в объявлении):

– Да, Эля ждет хозяина. Правда, она сейчас болеет и писает на пол, вы уверены, что готовы к этому?

Я скрипнула зубами. Нет, я не была уверена – мне вполне хватало и кошачьих луж, но собака шла со своими лужами в комплекте, так что деваться мне было некуда.

– Скажите, а что, никто больше не звонил? Не хотел ее забрать?

– Звонили, – честно сказала девушка. – Но там семья с тремя детьми, я отказала. Эля очень пугливая, ей нужно в спокойную обстановку. Еще звонил мужчина. Он одинокий, ему нужен друг. Это очень подходит. Но он сказал, что пока будет думать.

Я поняла, что уже всем сердцем ненавижу этого – по какой-то причине одинокого – мужчину.

– Хорошо, – сказала я. – Мы тоже немного подождем. Вдруг найдется хозяин более подходящий, чем мы. А то у нас кот.

– Эля хорошо ладит с животными, – успокоила Марина. – Они уживутся, вы зря волнуетесь.

– Да, – сказала я. – Но мы подождем, хорошо?

– Хорошо, – девушка нас не осуждала. – Но через две недели я уеду. Если вы не откликнетесь или еще кто-нибудь не найдется, Эля вернется в приют.

– Ей нельзя в приют, – с беспокойством сказала я, поглаживая свою поясницу. – При почках противопоказан холод.

– Да, все верно, – согласилась Марина. – Но, что поделать, другого выхода нет.

– А можно я буду звонить вам и узнавать? Если не найдется хороший хозяин, мы обязательно заберем Элю. Но вдруг он найдется? Я очень хочу, чтобы он нашелся, потому что мы, вообще-то, не планировали обзаводиться собакой. Но если хозяина не будет, то мы обязательно обзаведемся. Элей.

Девушка помедлила с ответом, видимо размышляя о том, все ли в порядке у меня с головой:

– Можно, – наконец сказала она.

Моего терпения хватило еще на два дня. На третий день вечером я пришла в комнату сына, чтобы дрожащей рукой набрать номер Марины – той самой девушки, у которой жила сейчас Эля.

– Марина, Элю забрали?

– Нет.

– Почему? А мужчина? Он передумал?

– Он больше не позвонил. Думаю, что передумал.

– А больше никто?

– Нет, больше никто не звонил.

В голове пронесся ряд образов: прикованные к моей руке ведро с тряпкой, шипящий вздыбленный кот, платежная карточка с отсутствием денег на счету. Эту цепочку сопровождали скомканные обрывки мыслей: «время есть», «впереди еще неделя», «что ты делаешь, дура, остановись». И я выдохнула:

– Мы ее берем.

– Вы ведь можете взять ее на передержку, не навсегда, – сказала Марина.

Видимо, я думала очень громко, так что мысли пролетели сквозь эфир и достигли Мариных ушей. Мне стало немножко стыдно.

– Проверьте себя. Если не сможете, свяжетесь с куратором, и будем искать хозяина дальше.

Телефон стоял на громкой связи, сын все слышал, смотрел на меня с крайним осуждением, но молчал. Тогда я решила пойти на рискованную провокацию. Если сейчас сын не пошлет меня по очень далекому маршруту, значит, собаке точно быть.

– Мы приедем сейчас, вдвоем с сыном, – сказала я, боязливо зажмурившись в ожидании громкого протеста.

Но сын почему-то промолчал и на этот раз.

* * *

Вспоминая этот вечер, я каждый раз переживаю заново нашу судьбоносную встречу. Мы идем поздним вечером по скользкому тротуару под порывами мерзкого холодного ветра. Вдвоем. Сын, который терпеть не может гулять и совсем не любит животных, идет рядом, отворачиваясь от непогоды. Почему он пошел вместе со мной за собакой? Почему он поддержал меня, вместо того чтобы заявить категорическое «нет»? Я задаю себе эти вопросы всю дорогу, но вслух спросить не решаюсь. Наверное, мне просто везет.

Приходится несколько раз созваниваться с Мариной, потому что мы заблудились между домами. И вот наконец мы сворачиваем за угол пятиэтажки и в свете фонаря видим девушку, на поводке у которой... гигантский паук-инвалид с четырьмя лапками вместо восьми. Паук стоит в сугробе, подняв на длинных суставчатых ногах маленькое тельце, и весь трясется.

Мы замираем на месте, растерянно разглядывая это непонятное. «Это же собака», – твержу я себе и сама себе не верю. На фотографии была запечатлена вполне стандартной комплектации псуля, а это... это что?

– Почему она такая? – наконец выдавливает из себя сын, видимо разделяя мои сомнения.

Я к тому времени уже различаю остренькую головку и тощий хвост – эти приметы меня успокаивают.

– Ну, она же еще шенок. Подросток, – философски замечаю я, скосив глаза на такую же подростково-нескладную фигуру сына. – Подрстет – выправится.

Марина замечает нас и машет рукой. Мы подходим.

– Вот, знакомьтесь, это Эля, – весело говорит Марина.

Вблизи становится понятно, почему издалека Эля так нелепо выглядела. Она действительно подросток с длинными лапами, но к тому же еще и вся скрючена от страха – хвост поджат, живот подведен, длинная спинка выгнута дугой. Я протягиваю руку. Собачка вежливо нюхает и с чувством выполненного долга тянет к подъезду.

– Эля выросла в приюте за городом, – поясняет Марина, – поэтому в городе ей страшновато. Слишком шумно. Но вы приучайте, она привыкнет постепенно, ничего страшного. Ну что? Вы решаетесь?

Я киваю. А что тут скажешь? Несчастное маленькое существо и несчастные большие мы. Но у нас есть дом, где мы можем переждать непогоду, у нас есть еда, у нас есть поддержка друг друга, а у нее ничего этого нет.

Марина говорит, что проводит нас до дома. Мы решаем идти пешком – неизвестно, как Эля воспримет поездку на автобусе. К счастью, дойти вполне реально.

Эля, и без того испуганная, очутившись вблизи проезжей части, впадает в иступление от ужаса и начинает неистово рваться вперед. Марина удерживает ее с трудом, но успевает весело разговаривать с нами, отворачивая лицо от порывов колючего ветра:

– Элю уже забирали два раза и снова возвращали. В первый раз из-за того, что она делала лужи. У нее цистит и почки, мы писали. Я вам с собой лекарство положила, его надо будет давать. А потом у Эли была хорошая хозяйка, прямо идеальная. Молодая девушка. Она и на природу ее возила на машине, и занималась с ней. Но у нее развилась страшная аллергия на собачью шерсть.

Я с грустью смотрю на собаку. Каково-то ей будет после идеальной хозяйки попасть к нам? Я не молодая, не энергичная, да и машины у нас нет.

Эля ростом по колено Марине, тонкокостная, да еще и по-подростковому худая, но силы, видимо, умеренной. Марина поспешает за ней, как за хорошим боксером, а собака рвется вперед, вытаращив глаза и вытянув тонкую шею. Иногда какая-то мысль вдруг приходит ей в голову, и она резко бросается назад, повисая на поводке, как на удавке.

– Не бойтесь ее тянуть, – успокаивает Марина, – шея у собак очень прочная, голову вы не оторвете.

Это звучит слишком оптимистично, я недоверчиво щурюсь, и Марина протягивает мне поводок:

– Держите ее ближе к ноге, так будет легче вести.

Я не успеваю подтянуть ее поближе – меня уносит за безумным паровозом по гололедице. Мы уверенно обгоняем мчащийся по мостовой автомобиль.

– Ближе, ближе к себе! – кричит Марина.

– А-а-а! – ору я.

– Держись! – вопит сын.

Он догоняет меня, и вдвоем у нас получается обуздать маленького худосочного щенка.

Дальше всю дорогу я учусь управлять собакой. Против меня настроено всё – голый лед под ногами, сдувающий с ног ветер и скользящие подошвы красивых сапог, которые я надела, чтобы произвести на собаку хорошее впечатление.

Эля хрипит и тяжело дышит, но не сдается. «Меня ведут на собачью смерть, – транслирует она каждой стоящей дыбом шерстинкой. – Но я буду бежать! Я не дамся им живой!» Сын держит меня, чтобы я не скатывалась с тротуара на мостовую, а Марина взволнованно бегаёт вокруг и переживает за каждого.

Таким безумным коллективом мы медленно, но верно приближаемся к нашему дому.

– Давайте-ка я зайду вместе с вами, – с беспокойством говорит Марина, глядя на мое изможденное прогулкой лицо.

Мы поднимаемся на лифте (собака чуть не падает в обморок, оказавшись замурованной в шипящем железном ящике) и готовимся войти в квартиру. Но, едва я открываю дверь, Эля делает мощный рывок назад и скребет лапами обратно, по направлению к ужасному лифту. Я сразу же понимаю в чем дело – ее шокировал запах. Незаметный для человеческого носа, но для собаки этот за многие годы пропитавший всю квартиру запах кота оказался сродни электрическому удару. Мне становится жалко до слез эту зашуганную малышку, кочующую между квартирами и людьми, больную, растерянную, испуганную, не знающую, что приготовила ей сегодня судьба. Ей отчаянно хочется обратно к Марине – в уже известное, во вроде бы безопасное. А если и не к Марине, то ей хочется куда угодно, но только не сюда, не в это чужое, враждебное, с отвратительным запахом.

Но отступать уже поздно, и мы входим.

* * *

Ночь прошла на удивление спокойно. Кот, возмущения которого я боялась больше всего, словно испарился. Я заглядывала на шкафы, под шкафы и внутрь шкафов, перевернула все постели, но его не было нигде, даже его постоянного покашливания не было слышно. Я всерьез испугалась, что он как-то незаметно выскочил из квартиры, но тут наступила босой ногой в свеженькую, еще теплую лужицу у порога. «Дома, хороняка», – подумала я и впервые с благодарностью затерла его метку.

Собака, умученная вечерним нервным потрясением, без сопротивления позволила уложить себя на старое одеяло и обреченно уснула.

Никто не скулил, никто не шипел, никто даже не шевелился.

А в пять утра в мою спящую ладонь робко ткнулся холодный нос. Я открыла глаза, увидела цифры на часах и поняла, что новая жизнь весело стучится в мои двери, чтобы привнести в нее возможное счастье и неперемное самопожертвование.

– Пошли, собака, – сказала я, спуская ноги и натягивая заранее приготовленные вчера рейтузы.

Это сейчас я ловлю кайф, выползая на темную улицу, набираю полную грудь ее заспанной свежести и улыбаюсь. А в тот день утренняя улица показалась мне самым отвратительным местом во вселенной. Ежась от холода, спотыкаясь, я заскользила за энергично тянущей вперед собакой. Очень скоро я поняла, куда мы спешим, – Эля тянула по обратному маршруту, к Марининому дому.

– Э нет, – сказала я, хватаясь рукой за ближайшее дерево и натягивая поводок.

Эля оглянулась.

«Да!» – светилось в ее целеустремленном взгляде.

– Не-ет, – повторила я твердо и громко, чтобы придать себе уверенности. – Так дело не пойдет. Давай делай собачьи дела и пойдем обратно.

Мы уныло походили по улице, обреченно играя в «перетягивание поводка», и ни с чем возвратились домой. В лифт собака отказалась заходить категорически, и я поняла, что новая жизнь озаботилась еще и тем, чтобы подкачать мою мускулатуру.

Войдя в квартиру, Эля быстро прошла на свое одеяло, легла и замерла в позе сфинкса. Я присела рядом на корточки, разглядывая ее. Сейчас, когда она немного успокоилась, я опять заметила, как же она хороша! Подростковость исказила пропорции, но все равно было заметно, что она как-то не по-собачьи, а по-оленьи грациозна. На небольшой аккуратной голове торчали большие остроконечные уши. И острая мордочка с темными влажными, словно бы подведенными глазами казалась произведением искусства, а не собачьей головой. Воистину принцесса. Такой собаке жить бы во дворце, лежать на шелковых подушках, есть специально приготовленную для нее пищу, подаваемую лакеями. А она попала к нам, непутевым хозяевам, у которых не то что лакеев нет, но даже силы и время в огромном дефиците. Что я могу ей дать? Зачем я ее взяла? Может быть, еще день-два – и нашелся бы человек нам не чета. А я поспешила, украла у собаки надежду на счастливую жизнь. Мне стало так отчаянно тошно от ощущения своего бессилия, что я всхлипнула.

– Как нам быть-то с тобой, чудушко? – спросила я, протягивая руку.

И собака, которой было, скорее всего, гораздо тошнее, чем мне, обратила на меня взгляд своих влажных глаз, дотронулась до руки носом и вильнула хвостом. Она, неприкаянная и несчастная, утешала меня!

* * *

Есть специально приготовленную для нее пищу, поданную мной, собака отказалась. Вернее, она вежливо отъела немного каши, не поднимаясь с одеяла, но совсем немного, не больше двух глотков.

Зато неожиданно нашелся кот. Он обнаружился прямо посреди кухни, где спокойно и с достоинством ждал свою пайку.

– Ты где был, разбойник? – спросила я его.

«Мя», – презрительно ответил кот, что в переводе со звериного означало: «Тебе не постичь».

Кот аппетита нисколько не потерял и сожрал не только свой вискас, но и остатки собачьей каши.

– Это ты брось, – сказала я, повернувшись и заметив опустевшую миску. – Теперь ты не один здесь хозяин, понял? Это не твоя миска, это миска Эли. Пойдем, будем знакомиться.

Я подхватила кота под пушистое брюхо и понесла в комнату.

«Муууау», – угрожающе прорычал кот, поставленный перед носом собаки.

Эля вежливо отводила взгляд и нервно сглатывала. Она явно не была готова к серьезному разговору с хозяином дома.

«Муууау», – повторил кот, хлестнув себя хвостом по боку.

По всей видимости, он требовал ответа на вопрос: «какого черта тебя сюда принесло?».

Эля не выдержала психологического давления и встала, чтобы покинуть незаконно занятую жилплощадь. Свалить всю вину на людей, которые силой приволокли ее сюда, она не смогла, ей не позволила врожденная вежливость.

Я погрозила коту пальцем:

– Но-но, нашелся тут диктатор. Чтобы не обижал Элю, понятно! А то у меня тряпка есть, ты помнишь? И брызгалка!

Я показала коту тряпку и распылитель с водой. Они всегда находились под рукой, потому что только это средство помогало усмирить в коте его львиную натуру. Раз по пять в день кот воображал себя охотником и нападал на пробегающую дичь, то есть на ноги. Нападал он все-ррез и дрался без пощады, до появления первой крови жертвы. Он бы, может, и дальше продолжал борьбу – до полного ее, жертвы, издыхания, но, как правило, после появления первой крови его настигал холодный водяной душ из распылителя или хлопок тряпкой по заднице. Кот нехотя оставлял поле битвы и удалялся в укрытие кашлять и зализывать моральный урон.

Кот взглянул на распылитель, содрогнулся вздыбленной шерстью и боком удрал на батарею. А я принялась успокаивающе поглаживать собаку и думать.

Мне пора было идти на работу. Как их оставить вместе? Похоже, что Эля не ест кошек, но вот насчет кота меня терзали сомнения.

Я взяла одной рукой Элю за ошейник, другой подхватила с пола одеяло, и мы пошли стучаться в комнату сына.

В седьмом часу утра ребенок был неприветлив и дезориентирован. Он никак не мог понять, какую собаку, где и почему он должен охранять от кота до моего прихода, и поэтому говорил громко и рассерженно. Эля, только что пережившая разговор с котом, окончательно потеряла присутствие духа, подобралась, поджала хвост под живот и опять стала похожа на паука с четырьмя лапами. Я решительно положила возле стены одеяло и посадила на него собаку.

– Если с ней что-нибудь случится, я сама поеду в приют, закроюсь в вольере и помру от воспаления почек, – пригрозила я и, закрыв за собой дверь, отправилась на работу.

* * *

Честно говоря, я не помню, как работала в тот день. Помню только, что перед моим мысленным взором одна за другой возникали картины жуткого смертоубийства, произошедшего по причине рассеянности сына, который пошел на кухню и забыл закрыть дверь в свою комнату. То мне представлялся удушенный кот, то расцарапанная на мелкие лоскутки собака. Кое-как дождавшись окончания смены, я побежала домой.

Квартира встретила меня абсолютной тишиной. Я настороженно осмотрелась и недоверчиво заглянула в комнату. Ни одного трупа и никакой крови: ни свежей, ни замытой.

– Эй! – позвала я. – А где все?

– Я здесь, – откликнулся из комнаты сын.

– А Эля? – спросила я, успокаивая дыхание и переставая держаться за сердце.

– Не знаю, – беззаботно ответил сын.

Я снова схватилась за сердце:

– Она что, не с тобой? Почему ты ее выпустил?

Сын выглянул из комнаты и увидел мое испуганное лицо:

– Она не хотела у меня сидеть! Скулила и просилась наружу. Что, я ее силой должен держать? Да не переживай ты, она небось под диваном сидит.

Мы заглянули под диван. У самой стены скрючилась собака, из темноты посверкивая на нас глазами.

– Ты ее не выгуливал днем? – спросила я.

– Почему это я должен ее выгуливать, это же твоя собака.

– Почему это моя? Это общая собака!

– Нет уж, – решительно сказал сын, поднимаясь на ноги, – ты ее взяла, значит, ты и хозяйка. А у меня уроки.

Возразить было нечего.

– Как же ты вытерпела без дневной прогулки? – сочувственно спросила я собаку. – Пойдем, я тебя накормлю – и на улочку!

Но, войдя на кухню, я сразу поняла, как она вытерпела. Посреди кухни раскинулось большое озеро. Лужей это было не назвать, лужа – это что-то маленькое, что-то, что иногда оставляет по углам кот, а это было озеро. Я вздохнула и пошла за ведром и тряпкой.

* * *

Наш подъезд выходил на оживленную улицу. Сразу за дверью начиналась шумная городская суета – спешащие по делам люди, грохочущий по мостовой транспорт. Если утром мы погуляли сравнительно спокойно, то днем Эля мгновенно впала в такую же панику, какую мы наблюдали накануне. Она начала метаться на поводке, пытаясь убежать одновременно во все стороны. Пришлось подтянуть ее максимально близко, иначе мы мешали прохожим.

С большим трудом мы добрались до перекрестка и свернули в более тихий проулок – чуть дальше, через два дома, находится парк. Было по-прежнему скользко, и, чтобы удержаться на ногах, мне приходилось останавливаться и ждать, пока Эля перестанет метаться. Она переставала. Но, как только я делала несколько шагов вперед, она принималась то неистово тянуть, то бросаться мне в ноги.

Рядом с нами остановилась старушка.

– Молодая собачка, – прокомментировала она приветливо, – бегать ей надо. Что ж ты ее на поводке-то? Смотри, вон как шею-то вытянула, того и гляди удавится. Отпусти, дай ей побегать.

– Она еще не привыкла к улице, – объяснила я. – Деревенская, боится.

Старушка ушла. Но вскоре к нам подошел дядечка.

– Что же вы собаку-то мучаете? – упрекнул он гневно. – Отпустите поводок длиннее, дайте ей свободы!

– Я не могу отпустить, – уже сквозь зубы объяснила я. – Она меня уронит. Она боится, понимаете? Потому и рвется.

– И-эх, – сказал дядечка, – не могут с собакой справиться. Поназаводят, а потом выбрасывают!

Метров через пять женщина вежливо спросила, не задохнется ли мой пес, а потом хотел подойти парень, но я взглянула на него так, что он мгновенно изменил маршрут, для верности перейдя на другую сторону улочки.

Остальные прохожие оставляли свое мнение при себе, но смотрели на нас все без исключения: на собаку сочувственно, а на меня осуждающе.

Когда мы вернулась с прогулки, я взглянула на себя в зеркало. Я выглядела как лохматая краснокожая дикарка, а чувствовала себя так, будто только что разгрузила пяток вагонов, причем незаконно и на виду у осуждающей меня толпы.

Эля подождала, пока я отстегну поводок, и сразу же забилась обратно под диван.

Вечер прошел за приготовлением корма для всей семьи и вытиранием еще двух луж разного размера. После чего я в изнеможении упала на диван, чтобы слегка отдохнуть перед вечерней прогулкой. Но тут позвонила Марина:

– Как вы там? Как Эля? Справляетесь?

– Не очень, – пожаловалась я. – Эля ужасно тянет на прогулке, прямо как безумная. Я не могу ею управлять. И она ничего не ест. Забилась под диван и не выходит. Похоже, что ей у нас очень не нравится.

– Да? – огорчилась Марина. – Понимаю. Эля очень боится машин. И людей тоже боится. – Марина жалостливо вздохнула. – Нужно терпение. Ну, не отчаивайтесь! Ведь это первый день. Завтра все будет совсем по-другому. Я вам говорила, что у Эли уже была идеальная хозяйка? Как жаль, что аллергия не позволила им быть вместе.

Упоминание об идеальной хозяйке Эли ножом вонзилось мне под ребро. Я сглотнула и ответила:

– Конечно. Мы не отчаиваемся. Спасибо за поддержку.

– Я вам завтра еще позвоню, – сказала Марина.

И отключилась.

А мы пошли на прогулку играть в «перетяни поводок».

* * *

Вопреки уверениям Марины, следующий день отличался от предыдущего разве что в худшую сторону. Эля сидела под диваном и ничего не ела. Кот бродил где-то в параллельных мирах, появляясь только для того, чтобы пометить территорию и покушать за себя и за собаку. А потом случилось страшное. Сын вышел за какой-то надобностью на кухню, и вдруг из-под дивана раздалось глухое угрожающее рычание.

– Это что еще за новость? – удивилась я.

– А она сегодня весь день на меня рычит, – наябедничал сын.

Я озадаченно заглянула под диван. Эля вежливо пошевелила хвостом и облизнулась.

– Ну-ка, выйди еще раз, – попросила я сына.

Сын вошел к себе и вышел снова. Эля зарычала, глядя мне в глаза.

– Да забей, – сказал сын. – Она же не бросается, просто рычит.

– Не хватало еще, чтобы бросалась! – ужаснулась я.

Я заползла под диван и вытащила Элю наружу. Сын ушел к себе и снова вышел, Эля зарычала, на сей раз смущенно отводя взгляд в сторону.

Я решила, что такую проблему нужно душить в зародыше. Эля была прицеплена на поводок у входной двери, а сын уговорен на череду спонтанных выходов из комнаты.

Эксперимент показывал стабильные результаты. Сын выходил – собака рычала.

– Лёня хороший, Лёня друг! – стала вопить я и кидаться на ребенка с крепкими родительскими объятиями.

– Фу, мама, что за телячьи нежности, – кривился и отбрыкивался ребенок.

– Терпи, это нужно для положительного примера. Давай-ка еще разок.

Эля с недоумением взирала на повторяющуюся раз за разом церемонию встречи. Рычать она перестала, как мне кажется, чисто от удивления. В конце концов сын поставил точку в наших тренингах, зарычав не хуже собаки и гневно хлопнув дверью перед моим носом.

Я так и не поняла, решила я проблему или только осложнила их отношения, поэтому временно оставила попытки и повела собаку в зоомагазин за шлейкой.

Шлейка – это такая штука, которая надевается не на шею, а на плечи собаке. Я подумала, что шлейка может помочь, потому что уже просто не было сил смотреть, как она задыхается в петле ошейника. Поскольку в шлейках на тот момент я ничего не понимала, то взяла с собой Элю, чтобы решить этот вопрос на месте.

Лучше не рассказывать, как мы дошли до магазина, – это будет очень долгий и грустный рассказ. Скажу только, что в магазин я заносила собаку на руках. Не знаю, почему мага-

зин показался ей ошеломительно страшным местом. Она тряслась от страха, упиралась всеми четырьмя лапами и даже хвостом.

– Ой, какая милая собачка! – пролепетала продавщица, глядя, как я заносу в двери брыкающегося обезумевшего монстра.

– Нам шлейку по размеру, – прохрипела я. – Пожалуйста, быстрее.

Как ни странно, оказавшись в шлейке, Эля почувствовала себя спокойнее. Мы даже почти нормально дошли обратно домой. Именно это заставило меня совершить ошибку.

Я подумала, что собаке не помешало бы свободно размяться, а то все на поводке и на поводке. Мы ушли в парк, и я отстегнула карабин. Ласково сказать «иди погуляй» я уже не успела – собака сорвалась с места немедленно. Не прошло и мгновения, как она скрылась из вида в конце аллеи. Правда, через некоторое время она вернулась, пронеслась мимо меня и скрылась в другом конце. Когда она побежала мимо меня во второй раз, я попыталась ее позвать, но это было все равно что звать летящий в небе самолет. Ничего, кроме обреченно стоять и ждать решения судьбы, мне не оставалось. Или Эля вернется, или я буду со стыдом признаваться волонтерам, что потеряла собаку, не продержав у себя и недели.

Примерно через полчаса энергия в собаке закончилась, но Эля даже не подумала вернуться ко мне. Она начала прочесывать кусты. Я звала ее, уговаривала, делала вид, что сейчас уйду, пыталась поймать, но все это были только нелепые жалкие попытки. В конце концов мы забрели в самую глухую часть парка, где в кустах возле забора располагалась небольшая свалка мусора.

– Фууу! – заорала я во всю глотку, глядя, как собака с аппетитом заглатывает нечто совершенно неудобоваримое.

Эля недоуменно оглянулась и полезла в куст, где на белом снегу темнело самое гадкое из всего, что можно себе представить, – человеческое дерьмо. Тут-то меня и спасли Провидение и свежескупленная шлейка. Шлейка зацепилась за ветку! Я и не подозревала, что могу преодолеть стометровку, перепрыгнуть через пару кустов и успеть схватить собаку за шерсть в одно мгновение – за секунду до того, как шлейка отцепится от ветки, а собака погрузится в вожделенную гадость, но я смогла. Это было потрясающе. Правда, на гордость у меня уже не хватило сил.

Еле живая от пережитых волнений, я повела собаку домой. Едва я в изнеможении рухнула на диван, как позвонила Марина.

– Как вы сегодня? Справляетесь? – спросила она голосом человека, у которого в жизни уже наведен порядок, но осталось еще достаточно сил, чтобы помогать близким.

Я завистливо вдохнула побольше воздуха, чтобы выдохнуть с оптимистичным: «Справляемся, а как же!» Но выдохнулось из меня неожиданно совсем другое:

– Нет, Марина, все плохо. Эля сидит под диваном и дома ничего не ест. Зато на улице готова есть всякую дрянь. Не слушается, убежала от меня сегодня, я еле смогла ее поймать. Мне кажется, я взялась за задачу, которая мне не по силам. Может быть, еще раз дать объявление о поиске хозяина? Может быть, найдется семья, которая ей подойдет больше, чем мы?

– Ой, как жаль, – огорчилась Марина. – А я думала, что все уже хорошо. Может быть, подождем? Мне показалось, что вы очень подходите друг другу.

– Мне бы хотелось так думать, – вздохнула я. – Конечно, мы подождем. Я не отказываюсь от Эли, она мне очень нравится. Вот только я, похоже, не очень подхожу на роль хозяйки. Я с ней не справляюсь. И еще она почему-то рычит на сына, это меня беспокоит.

– А я разве вам не говорила? – спросила Марина. – Эля очень боится мужчин. Видно, обидели однажды. Она на всех мужчин рычит. Должно со временем пройти. Ну хорошо, я вас услышала. Завтра поговорю с куратором.

Я нажала на отбой, положила телефон и горько расплакалась. Пришел сын, постоял, погладил меня по голове.

– Ничего, мам, прорвемся, – смущенно пробасил он.

Он пошел в ванную за тряпкой и вытер очередную лужу.

Ночью я долго не могла уснуть, несмотря на усталость. Я думала о том, что вот оно как обернулось. Собака мечты оказалась мне не по зубам. С самого начала все пошло наперекосяк. Неудачное начало... Да нет, неудачное – это когда хоть что-то получается. А это начало провальное. Эле нужна уверенная рука сильного человека. А у меня рука слабая. Ни на что я не способна, кроме как вытирать лужи.

Часы показали полночь, когда под диваном раздался скрежет когтей по полу. Собака выползла наружу, подошла, осторожно положила голову на краешек моей постели, коснулась руки холодным носом. Я отогнула одеяло. Эля благодарно вскарабкалась на постель, прижалась ко мне шерстяным теплым боком. Я почувствовала, как во мне поднимается чувство огромной приязни. Обняла ее, начала почесывать за большими ушами. Эля расслабилась, вытянулась во весь рост, положила на меня мохнатые лапы. Я шмыгнула носом и неуверенно улынулась. А потом снова раздался шорох. Не пойми откуда в комнате возник кот. Он вспрыгнул на постель, брезгливо обогнул собаку, укоризненно покашлял мне в ухо и улегся на свое место – на подушку возле моей головы.

Я, замерев, лежала между ними, слушала их дыхание и думала: «А кто, собственно, сказал, что у меня слабая рука? Ничего она и не слабая. И ничего еще не потеряно – подумаешь, провальное начало, со всяким бывает. Все у нас будет хорошо. Это моя собака. И никому я ее не отдам».

* * *

На следующий день нам позвонила куратор Рита, чтобы спросить, оставим ли мы собаку у себя, пока она займется поиском хозяев, или нужно у нас ее забрать.

– Отбой, – сказала я уверенно. – Не надо никаких объявлений, мы оставляем собаку и обязуемся сделать ее счастливой.

– Вы уверены? – с сомнением спросила Рита.

– Да, – сказала я. – Это же не просто собака – это собака мечты. Разве можно от нее отказаться?

Мне кажется, Рита мне тогда не до конца поверила. Она еще не раз потом звонила, чтобы узнать, как мы справляемся, дать совет или просто подбодрить, пока не убедилась, что мы на правильном пути.

А мы медленно, со скрипом двинулись вперед. Провели курс терапии против нефрита, учились не подбирать с земли гадость, не убегать на прогулке, пробовали самые разные способы дрессуры, тысячу раз ошибались, ссорились, мирились и учились понимать друг друга. Не скажу, что было просто. Собака, которая росла рядом с человеком, сильно отличается от щенка из приюта. У нее нет такого кредита доверия и совершенно другой опыт коммуникаций. Отчаяние накрывало меня еще много раз.

* * *

Сейчас, когда я рассказываю вам эту историю, Эле исполнилось три года. За окнами не зима, а лето, да и настроение у меня не в пример лучше, чем в тот февральский день. В пятне солнечного света лежит собака, у нее под боком развалился кот. Мы с сыном сидим на диване и отдуваемся. Только что мы закончили отмывать квартиру. Квартиру пришлось мыть, потому что до этого мыли собаку. Такое уж это дело – мытье собаки, что после него и квартиру приходится мыть. А перед этим... Впрочем, лучше рассказать с самого начала.

Началось с того, что ранним субботним утром мы с сыном поспорили, чья очередь гулять с собакой. Я немного заспалась и увидела его с собакой на поводке возле входной двери.

– Эй! – сказала я, цепляясь за поводок. – У меня на сегодняшнее утро большие планы! Я хотела исследовать дворы в новостройках!

– Так ты спишь! – возмутился сын. – Она тебе не резиновая, чтобы столько терпеть. И у нас тоже планы. Мы собрались на железку плющить монетки.

– Не хватало еще таскать собаку на железную дорогу! – ахнула я. – Нечего гулять с ней по опасным местам. Это, вообще-то, моя собака!

– Это общая собака! Мы пошли. Погуляешь завтра.

Я сменила тактику и решила давить на жалость:

– Завтра может пойти дождь, а ты же знаешь, как я легко простужаюсь.

– Не ври, – сказал сын, но поводок разочарованно бросил. – Ты стала здоровее меня.

Я быстро оделась, и мы пошли погулять в новом, еще неизведанном нами направлении. Вдоволь нагулявшись по свежим утренним улочкам, мы завернули на зеленый дикий лужок позади новостроек. Там гуляла прекрасная афганская борзая, и я захотела познакомиться с ней поближе. Высокая шелковистая красавица была идеально воспитана, с разрешения хозяина она величаво подала мне изящную лапу. Я очаровалась настолько, что потеряла бдительность и допустила промах – спустила Эльку с поводка. Я повелась на честное слово, которое светилось в ее ангельском взгляде.

«Я хорошая собака, – говорил этот взгляд. – Ну разве я подводила тебя когда-нибудь? Сейчас я быстренько умотаю эту шелковистую воображуню и сразу же вернусь обратно».

Ошибка моя была не в том, что я дала Эле свободу, а в том, что я не посмотрела, где я эту свободу ей дала. Я не заметила находившегося за кустами водоема. Это была довольно грязная речка, с заросшими кустарником берегами, отмелями серой чачи и пеной неизвестного происхождения.

Поначалу все шло хорошо. Эля продемонстрировала всем свои непревзойденные беговые способности. Ее новая знакомая, прекрасная собака по кличке Ария, тоже была не из черепах, и первое время они бегали на равных, но уже через пять кругов по лужайке Элька развила такую скорость, что стала сливаться в неопределенную серую линию. Уставшая к тому времени Ария попыталась следить за товаркой взглядом и чуть не отвертела себе голову.

Угоняв Арию, Эля должна была гордо подойти ко мне, чтобы пристегнуться на поводок, – мы так договаривались! Но не тут-то было. Эля решила, что показала себя еще недостаточно, и огляделась в поисках подвига. В это время ветер дунул, пошевелил кусты на берегу, и солнечный луч отразился от водной глади Эльке прямо в глаз.

«Вода!» – всем телом завопила моя собака и кинулась в речку. Для нее не было большего наслаждения, чем поплавать.

Подозрительная на вид речушка оказалась не такой уж необитаемой – там сидела утка. Сначала никто о ней не подозревал – она тихо мечтала возле покрытого серой пеной берега. Но, когда моя собака с шумом и плеском ворвалась в ее одиночество, утка взмахнула крыльями и выразилась нецензурно.

От неожиданного счастья у Эльки даже дыхание перехватило. «Добыча!» – светилось в ее глазах, это было видно даже сквозь затылок. Собака тут же переквалифицировалась из гончей в охотничью – принести утку хозяину стало для нее делом чести. Однако она не учла, что охотничьи собаки носят подстреленных уток, эта же была живая.

Сквозь кусты мне было плохо видно происходящее. Хозяин Арии был выше и стоял удобнее. Он периодически восклицал нечто вроде: «Смотрите, она плывет!» или: «Утка ее утопит». Я же ход событий представляла в основном по звукам. Судя по всему, Эля предприняла несколько атак – время от времени возмущенная брань утки переходила в истерические вопли, раздавался неистовый плеск крыльев и пинки ногами по мокрому телу. Почему утка не уле-

тела, я до сих пор гадаю, возможно, она защищала кладку, потому что это была здоровая и сильная птица.

Убедившись, что утка ей не по зубам, *Элька* вернулась на берег и выразила свой восторг бешеным бегом по лужайке, после чего опять вернулась в речку, только уже в другом, еще более грязном месте – подальше от ненормальной утки.

– Пожалуй, мы пойдем, – сказал хозяин Арии, и я не могла его осуждать.

Однако Ария уперлась и не позволила себя увести. Она, как замороженная, стояла на берегу и смотрела, что вытворяет моя собака.

Неподалеку на камешке сидели два бомжа. Кажется, они там что-то пили и закусывали, но поведение Эли полностью приковало и их внимание тоже.

Элька перемежала водные заплывы с дикими плясками на берегу – это было совершенно бесплатное и захватывающее шоу, такого они не видели никогда. Они четыре раза спросили меня, как ее зовут, а когда мокрая и грязная, как бес, *псина* выскочила из воды в шестой раз, один из них вынул изо рта кусок недоеденной корки и потрясенно сказал:

– Какая красивая у вас собака!

Я в это время металась по берегу в безуспешных попытках поймать одержимого пса, но при его словах остановилась и гордо выпрямилась:

– Еще бы. Ведь это не просто собака, это собака мечты, – сказала я.

Ровно в эту секунду прекрасная Ария вышла, наконец, из ступора. Она подпрыгнула на месте и, вырвав поводок из руки не ожидавшего подвоха хозяина, ринулась вслед за *Элькой* во взбаламученную речную слизь.

Я никогда еще не слышала таких выражений, которыми сыпал несчастный хозяин бывшей шелковистой собаки. Наверное, он так экзотически благодарил нас за неоценимый приобретенный опыт. А впрочем, мне было некогда задавать ему вопросы – я заметила, что моя собственная собака, кажется, немного устала, и немедленно воспользовалась этим, чтобы наконец-то ее поймать.

Оказавшись снова на поводке, *Эля* нисколько не огорчилась. «Поймала так поймала. Все по-честному», – сказала она и затрусила по направлению к дому.

И вот мы, отдуваясь, сидим в абсолютно чистой квартире, а перед нами лежит идеально чистая собака в обнимку с довольным котом.

– Как ты думаешь, – спросила я у сына, – а что делают по субботам люди, у которых нет такой вот собаки?

– Не знаю, – меланхолично отозвался сын. – Скучают, наверное.

– Ты погуляешь с ней днем? – попросила я. – А то я чего-то уже без сил.

– Почему это я должен с ней гулять? Это же твоя собака.

– Это наша собака, – сказала я, улыбаясь, и сын снисходительно промолчал.

Галина Капустина

Черанга

Вкусный запах мечты

Во сне Женька часто возвращался в тот день, когда Альма, овчарка соседки тети Клары, оценилась. Ему тогда лет пять было, и он с трудом дотянулся и заглянул за деревянную перегородку вольера.

Мама взяла с него слово не клянчить щенка. Потому что, во-первых, они породистые и ужасно дорогие, а во-вторых, Женька сам еще маленький. Вот когда он подрастет и когда у них будет свой дом, а не крохотная однокомнатная квартирка, тогда...

Из вольера пахло чем-то сладковато-теплым, нежным.

– Мам, чем это пахнет таким вкусным от щенят?

– Скажешь тоже, Жень, вкусным. – Мама улыбнулась и принялась: – Не знаю, может, опилками и молоком?

Дерьмо случается

Женька торопился к магазину на Цветочной.

Мама обнаружила, что закончилась соль.

В Москве послала бы его этажом выше к хозяйственной тете Кларе – у нее всегда все было. Но на новом месте они еще ни с кем из соседей не успели познакомиться.

Дорогу он уже выучил – пару раз ходил то за молоком, то за хлебом.

Сейчас проскочит по Спортивной мимо небольшой площадки – там мальчишки с утра до ночи пинали мяч – и свернет на Цветочную.

Тяжелый мяч прилетел откуда-то с неба и обрушился на бритую макушку Женьки с такой силой, что в глазах потемнело. Он шлепнулся на задницу самым позорным образом и ошарашенно затряс головой, чтобы прийти в себя.

Какие-то длинные тени загородили от него солнце.

– Слышь, мелюзга, у тебя что, руки не из того места растут, мяч подать не можешь? – проговорила ломким фальцетом одна из теней.

И мяч уже не так сильно, но больно ударил Женьке в лицо. Рот наполнился солоноватой жижей.

– Гляди, у него сопли потекли, – хихикнула вторая тень. – Платочек мама положила в кармашек, а, хлюпик?

– Да ладно, ребя, пошли, играть охота, – гнусаво проныл кто-то третий, шмыгнув носом.

– Нет, подожди, – возразил фальцет. – Он нам десятку должен за простой. А ну, выверника ему карманцы, Гнус.

– А что все я-то, – прогнусавил заложенный нос.

Но сделал, что велели. И Женька почувствовал, как кто-то ощупывает его карманы. Забряцала мелочь, выданная мамой на магазин.

– Да он нищесброд – одна мелочь, – презрительно проворчал Гнус и ссыпал монеты назад в карман Женькиной рубашки.

– Ну, значит, будешь нам должен, – изрек Фальцет. – Пошли, ребя!

Тени растаяли, словно их сдул порыв ветра.

Женька поднялся на ноги и, не глядя в сторону спортивной площадки, шмыгая носом и отплеываясь кровью, поплелся в магазин.

Почему-то он чувствовал нестерпимый стыд, как будто сделал какую-то гадость. Стыдно было, что он такой слабак.

Хорошее настроение растворилось, словно мираж.

Находка

Женькины ступни по самую щиколотку погружались в плотный пестрый ковер из клевера. Если не вытащить ногу вовремя из травяного плена, не поднять повыше, то непременно споткнешься.

Плечом к уху Женька прижимал телефон, руки нужны были, чтобы отгонять комаров, с самого утра озверело кидающихся на одинокого путника.

– Да, мам... конечно, мам. Да хорошо мне одному, не беспокойся. Нет, мне не страшно. Если уж ты так переживаешь, давай возьмем собаку из приюта. Почему не начинать? Ты сама говорила, как переедем в дом.

Веснушчатый нос сморщился.

– Мам, я все п-поним-маю, не маленький. П-просто ты сама н-начала про д-друга.

Волнуясь, Женька начинал заикаться. А тема собаки была болезненной и для него, и для мамы.

Каждый раз, когда Женька затевал разговор о том, чтобы завести собаку, момент оказывался неподходящим, и он должен был понять это, ведь в тринадцать становишься почти взрослым, по крайней мере для того, чтобы понимать и принимать причины отказов. Понимать, что у мамы новая работа, что у нее временные финансовые трудности в связи с переездом, а может быть, и на переезд мама решила именно из-за них. Хотя о своем доме они мечтали всегда.

Женьке правда нравилось гулять в одиночестве.

Нет, конечно, он был бы рад прогуляться с кем-то из друзей, потрындеть о новом доме, о том, что у него теперь отдельная комната, да еще и в мансарде. А из окна видны пестрое от клевера поле и лес. А еще можно заглянуть во двор соседнего дома и понаблюдать, как в тени дрыхнет огромный дог с блестящей шоколадно-серой шерстью. А рядом в гамаке раскачивается с книгой в руках девочка с длинными волосами такого же шоколадного оттенка. И это забавно.

Он уже знает, что девочку зовут Марина. Неплохо бы познакомиться, конечно. Но как? Она, кажется, никогда не выходит со своего участка.

Словом, Женька нашел бы, о чем поболтать с другом. Но все его друзья остались в Москве. А новых не так-то просто завести, особенно когда твой рост ниже среднего и ты заикаешься от волнения.

Женька уже несколько дней планировал разведать, что там за лес сразу за полем.

Судя по гугл-карте, лес был самым настоящим, хоть и совсем недалеко от поля его прорезало шоссе, бегущее через Обнинск и Балабаново дальше, в Наро-Фоминск.

Подступы к лесу заросли густым труднопроходимым кустарником.

Женька похвалил себя за то, что предусмотрительно надел джинсовку, хотя июньский день и обещал быть жарким.

Куртка защищала от хлестких ударов веток и колючек. Вот только из-за невысокого роста приходилось защищать не только руки и тело, но и лицо. Мальчик пробирался сквозь заросли, выставив вперед локти и зажмурившись, чтобы сберечь глаза.

Возможно, поэтому Женькино сердце скакнуло в пятки, когда он споткнулся обо что-то большое и мягкое и, не удержавшись на ногах, брякнулся коленями и ладонями о выпирающие из земли корни.

Боли почти не почувствовал – ужас сработал как обезболивающее.

И Женька тут же сгруппировался, ожидая нападения со спины, потому что он споткнулся обо что-то живое – в этом сомнений не было.

Но вместо яростного рыка потревоженного зверя, раздался глубокий вздох, а потом тихий утробно-низкий стон.

Страх Женьки мгновенно испарился от горячего сочувствия. Мальчик развернулся и на четвереньках, не вставая, чтобы быстрее обнаружить страдальца, полез назад.

Буквально в двух шагах в траве лежал большой мохнатый зверь. Его бок вздымался и опадал, ритм сбивался вздохом и протяжным стоном.

Животное приподняло голову от земли, и на Женьку уставились два круглых янтарных глаза. Вытянутая морда, будто припудренная сединой, подрагивающие от напряжения треугольные уши.

– Х-хор-рошая собака, б-большая б-бедная собака, – скороговоркой забормотал Женька, чтобы придать себе уверенности. Ему было страшно. Страдающее животное может укусить – это он знал.

Но собачья голова, словно отяжелев, опустилась в траву. И острая жалость в Женьке поборолла страх.

Он подполз совсем близко. На собачьем боку рядом с передней лапой безобразно бугрилась засохшей кровью страшная рваная рана. Вторую мальчик нашел у самого уха.

Осмелев, он протянул к собаке открытые ладони. Подвижные ноздри черного кожного носа затрепетали, принюхиваясь.

И вдруг теплый шершавый язык доверчиво лизнул пальцы мальчика.

Женька от такой ласки растаял, приподнял тяжелую собачью голову, осторожно, чтобы не разбередить рану, почесал за ушами, обдумывая между тем разные способы, как добраться до ветеринарки.

С виду собака напоминала немецкую овчарку и выглядела большой и страшно тяжелой.

Женька решительно поднялся на ноги.

– Пойдем со мной, – позвал он собаку, постучав ладонью по бедру. – Пойдем!

Но собака не сдвинулась с места. Даже отвернулась, прикрыв глаза и вытянув вперед морду.

Женька стянул с себя джинсовку. Расстелил на траве вплотную к собачьей спине. Осторожно, чтобы не причинить боль, засунул обе руки под тот бок, на котором лежала собака. На этот раз Женькина худоба, над которой вечно посмеивались одноклассники – «руки-ноги, как спички», – очень пригодилась.

Ему удалось подсунуть руки под горячий тяжелый собачий бок, нащупать плотную ткань куртки и протаскать ее под распластанным телом.

Теперь собака лежала на куртке.

Но сдвинуть ее с места не получилось. Рывок, потом еще.

Собака заскулила, попыталась подняться, но задние ноги плохо слушались ее, и она завалилась на бок.

Женька обнял ее, успокаивая:

– Ничего-ничего! Я сильный, мы справимся. Главное, д-до шоссе д-дотянуть. А там уж можно позвать на помощь.

Пальцы погрузились в плотную длинную шерсть на холке и неожиданно наткнулись на что-то твердое.

Ошейник?

Женькино сердце пропустило удар.

Значит, у собаки есть хозяин?

Мальчик нащупал на ошейнике металлический прямоугольник и почти уткнулся носом в пахучую шерсть, чтобы рассмотреть гравировку.

– «Че-рэн-га», – нараспев прочел Женька.

Написано было странно, с большой буквой «А» в середине слова.

– Выходит, тебя зовут Черанга, – обратился Женька к собаке. И она ударом хвоста подтвердила его предположение.

Под кличкой был выгравирован номер телефона.

Женька присел на траву рядом с собакой. Вытащил телефон из кармана, повертел в руках, медля решением.

Но набрал не номер с ошейника, а другой, хорошо знакомый:

– Ало, м-мам! М-мне нужна т-твоя п-помощь!

Звери и люди

– Ищи! – требовательно шепчет над ухом родной голос. – Ищи, Черанга.

Странный запах, выбивающийся из гаммы привычных, настораживает, тревожит Черангу.

Она вытягивает вперед морду, дышит чаще, чтобы втянуть в себя больше воздуха, учуять чужой, но в то же время чем-то знакомый дух.

Она неторопливо приближается к людям, столпившимся у шуршащей, тихо постукивающей ленты, – к этим звукам Черанга уже привыкла, она среди них живет.

К ней подбегает неуклюжий маленький человечек, детеныш, и она обнюхивает его.

Странно.

Черанга оглядывается на Хозяина.

Детеныш пахнет неправильно.

Вот его хватает большой человек. От него пахнет страхом и угрозой одновременно. А еще чем-то острым, тревожащим Черангу. Это его запах осел на детеныше.

Большой человек двигается ловко и собранно, он напряжен, готов к нападению. Люди чем-то похожи на зверей – это Черанга усвоила за годы службы, а если зверя загнать в угол, он атакует.

Черанга прислушивается и принимает, наблюдает.

Теперь некогда оглядываться на Хозяина. Важно заметить каждое, даже едва уловимое движение большого человека, в котором проснулся зверь.

Вот он передает детеныша невысокой самке. Наклоняется к ноге, приподнимает одежду – у людей нет своей шкуры, они кутаются в одежду, это их вторая кожа.

Незнакомо-знакомый запах нарастает, теперь он бьет в нос, перебивает все другие запахи, словно в мире остался только он, и в нем Черанга слышит угрозу.

Рука большого человека вытягивает из-под одежды, сжимает что-то маленькое.

И Черанга сразу же узнает этот предмет – он плюется огнем и отбирает жизни.

Предупредить Хозяина некогда.

Черанга пружинит сильными задними ногами и взвизгивает в воздухе. Она наваливается на большого страшного человека всем телом, удерживает зубами руку со смертоносным предметом. Но человек опередил Черангу и успел выплюнуть огонь ей в грудь.

Жарко – жала ста пчел застряли в ней.

Держать, держать, держать.

Заботы

Мама аккуратно захлопнула заднюю дверь машины, чтобы не побеспокоить задремавшую после врачебных процедур и капельниц Черангу.

– Это же надо, – сказала мама негромко, устроившись на водительском месте и выразительно встряхнув стопкой рецептов и чеков в руке. – Оказывается, в наше время вылечить собаку ничуть не дешевле, чем купить билеты на самолет в Сочи и обратно. Ты уже звонил по телефону с ошейника? Надеюсь, хозяин не бросил свою собаку, она просто заблудилась и попала под машину на дороге.

Женька отрицательно покачал головой:

– Черанга – немецкая овчарка, мам, она ни за что бы не заблудилась. Я думаю, хозяин плохо с ней обращался, мучил, бил. Поэтому она и сбежала.

– Ну, это только твои предположения, сын. Всякое бывает с собаками, даже очень умными. Представь себе, как хозяин за нее переживает. Так что давай-ка звони.

Женька нехотя достал телефон.

Надежда, что его мечта наконец сбудется, и у него появится собака, таяла, как фруктовый лед в жару.

Механический голос автоответчика проговорил: «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Довольная Женькина улыбка не укрылась от маминых глаз.

Поэтому она тут же взяла с него обещание дозваниваться до хозяина Черанги в течение дня.

– Пойми, Женя, у нас все равно не получится оставить собаку у себя. Ей нужен уход, лекарства. Смотри, сколько выписали, и это только на первые две недели. А нам бы самим этот месяц как-нибудь протянуть. Ты же у меня уже взрослый мальчик, все понимаешь.

* * *

Черанга проспала целый день на устроенной ей импровизированной лежанке из старого Женькиного одеяла и зимней куртки, из которой он уже вырос. Иногда она просыпалась, с трудом поднималась на вялые ноги, пила воду из большой алюминиевой миски и тут же ложилась снова.

Женька со смартфоном устроился рядом с ней на диванных подушках. Набрал в поисковике: «Как ухаживать за немецкой овчаркой». Как он и предполагал, собаки этой породы отличались умом и выносливостью, а еще преданностью хозяину. Последняя информация и радовала, и огорчала Женьку. Еще когда они в школе проходили «Каштанку», его просто выворачивало от возмущения, как хозяин обращался со своей собакой. Казалось бы, она должна была возненавидеть его за такие муки.

Но нет, как только Каштанка отыскала хозяина, она бросилась к нему со всех ног.

Из этого выходило, что, как бы хозяин Черанги ни относился к ней, она все равно будет по нему скучать.

Эта мысль засела в Женькиной голове и не давала ему покоя, словно назойливый комариный писк. Чтобы отогнать ее, Женька сбегал в магазин и купил на свои скудные сбережения из копилки сухого собачьего корма. Он-то полезнее для собаки, чем молоко, которое мама велела подогреть для нее.

Но от корма Черанга упрямо отворачивалась. Пришлось проверить мамину версию, и она сработала. Черанга вылакала целую миску теплого молока, даже не заметив подмешанного к нему лекарства.

В новом доме Женька больше всего полюбил свою комнату в мансарде, куда вела с первого этажа узкая лестница со скрипучими ступеньками и тонкими шаткими перилами.

Женьке нравилось, что ступеньки скрипят и предупреждают его о незваных посетителях.

Но теперь крутая лестница стала помехой для общения с собакой. Вряд ли можно было рассчитывать, что Черанга взберется по ней в ближайшие несколько дней. А кто его знает, сколько вообще у них времени осталось, чтобы побыть вместе.

Поэтому Женька забыл на время о своих привычных занятиях, и если и поднимался в свою комнату, то только затем, чтобы взять что-нибудь полезное, книгу или тетрадку, куда решил записывать самые важные моменты из их совместной с Черангой жизни, свои наблюдения за собакой и размышления.

Почему, например, собаку зовут Черанга? Может быть, это какое-то сокращение? Что-то вроде Черной Анги? Но тогда что такое Анга?

Женька погуглил и вразумительных ответов не нашел.

Незаметно наступил вечер. За окном все еще сияло солнце.

О времени напоминала лишь спадающая жара.

Черанга вдруг навострила уши, напряженно прислушиваясь к чему-то. Потом неожиданно бодро вскочила на ноги и, постукивая когтями, взволнованно прошлась до одного из окон, затем до другого. Потянула носом, будто призывая все свои органы чувств на помощь, чтобы обнаружить что-то важное для нее. И замерла в стойке, полуприсев на задних ногах и вытянув вперед шею.

Старинные часы, которые мама не забывала ежедневно заводить, подтягивая железные шишечки на цепочке, с шипением пробили пять раз.

Черанга еще раз беспокойно прошлась по комнате. Подошла к двери, постояла, прислушиваясь.

Затем с тихим стоном устало опустилась на пол.

Все попытки Женьки добиться от собаки хоть какой-то позитивной реакции – удара хвостом о пол или хотя бы настороженного трепетания нежно-розовых изнутри ушей – не увенчались успехом.

И Женька сам почувствовал в душе тяжелый черный ком подступившего отчаяния.

Он вспомнил о данном маме обещании и снова нехотя нажал на вызов номера, выгравированного на собачьем ошейнике.

Но хозяин Черанги все еще был вне зоны действия сети.

Собачье сердце

– Уберите собаку! – властно крикнул врач, указывая чемоданчиком с красным крестом на Черангу.

Он торопился к пациенту, но, увидев оскаленную пасть овчарки, замер.

– Да кто ж ее уберет – это собака брата Даниила, только его будет слушать, – развел руками высокий худой монах со взъерошенной бородой. – Они служили вместе когда-то.

– Раз служили, должна команды понимать.

Врач присел, распахнул чемоданчик, быстрыми выверенными движениями отломил головку капсулы, наполнил лекарством шприц.

Протянул бородачу:

– Это успокоительное. Для собаки тоже сгодится. Берите шприц – колоть нужно в холку.

– Что, я? – Послушник попятился.

Врач недовольно фыркнул:

– Ну а кто же? Вас она знает, подпустит. Нам ждать больше нельзя.

* * *

Скорая затарахтела, сделала круг по монастырскому двору и потащилась к дороге.

– Ишь как тебя пришибло-то, – виновато проговорил бородатый послушник, присев возле собаки.

Та уже который раз попыталась встать на ноги.

Взялся за ошейник, помог.

Черанга сделала несколько неуверенных шагов вслед за удаляющейся, подпрыгивающей на ухабах машиной.

К удивлению послушника, собака не остановилась, а двинулась вперед сначала медленно, словно в полусне, затем все быстрее и быстрее.

– Стой, Черанга, куда же ты! Хозяина не догнать. Иди сюда! Ждать! Сидеть!

Но Черанга уже не слышала его.

Запах воска

Спал Женька, несмотря на протесты мамы, рядом с собачьей лежанкой, приткнувшись к теплому боку Черанги и приобняв одной рукой, чтобы чувствовать ее дыхание. Вдруг ей опять станет хуже.

Мама встала рано. По кухне старалась ходить тихо, чтобы не разбудить Женьку.

Но он к тому времени уже порядком отлежал бок, соскользнув со своей неудобной лежанки из диванных подушек, так что сразу проснулся.

Черанга по-прежнему лежала тихо, безучастно глядя куда-то в угол.

Мама поставила перед Женькой тарелку с овсянкой:

– Женечка, звони сегодня целый день, вдруг хозяин объявится.

Женька кивнул, хотя в душе тут же запротестовал. Что этот хозяин знает, чего не знает он, Женька? Делает все, что ветеринар сказал. Значит, поправится собака, нужно только время.

После маминого ухода Женька еще немного повалялся рядом с Черангой, листая ленту новостей на телефоне.

И тут с собакой случилась та же история, что и прошлым вечером.

Она вскочила на ноги, зацокала по дощатому полу, заходила из угла в угол, останавливаясь то у окна, то у дверей. Теперь она, казалось, вопросительно поглядывала на Женьку, будто спрашивала, чего он медлит.

Мамины часы отсчитали восемь.

– Тебе пора гулять, да, Черанга? – догадался Женька. – С тобой гуляли ровно в восемь?

Он открыл дверь и подождал, пока Черанга выйдет на крыльцо.

Вопреки его ожиданиям, собака не кинулась вперед к некошеной высокой зеленой траве и отцветшим кустам сирени, разросшимся на их участке.

Черанга неловко потопталась на крыльце, оглядывая местность. Затем все-таки спустилась, прошла, принюхиваясь, по тропинке до калитки и обратно. Ненадолго забежала в сиреневые заросли, снова вернулась к крыльцу и улеглась с тяжелым вздохом.

На Женьку опять накатило отчаяние. Он уже не был так уверен, что сможет выходить Черангу, что понимает ее лучше мамы или ее неизвестного хозяина.

Ему захотелось отвлечься, заняться чем-то привычным и приятным. Он точно знал, что придало бы ему сил и вернуло уверенность в себе.

Два года назад в школе на уроке художественного мастерства он впервые расплавил воск на водяной бане, добавил туда чуть-чуть красного красителя, затем отлил из воска тонкие лепестки и слепил свою первую свечку-розу в подарок маме на Восьмое марта. С тех пор создание необычных свечей стало его самым страстным тайным увлечением.

Тайным, потому что не будет уважающий себя пацан направо и налево рассказывать, что свечки отливает. Это тебе не дзюдо или футбол. В общем, не мужское это дело.

И все-таки оно его по-настоящему увлекло.

Забравшись к себе в мансарду, Женька быстро собрал все необходимое для изготовления свечи, на ходу придумывая форму и дизайн, помчался по лестнице вниз и чуть не споткнулся о Черангу, уже преодолевшую несколько ступенек и с любопытством принохивающуюся, вытянув вперед морду и раздувая ноздри.

Встретив Женьку, она ткнулась мокрым носом в его ладонь с воском и облизала шершавым горячим языком.

Женька вспомнил, что точно так же собака повела себя в лесу, когда он нашел ее. А ведь тем утром он разбирал свои сокровища – те свечи, что привез из Москвы.

– Выходит, тебе нравится запах воска, да, Черанга?

Женька погладил собачью морду, подставил вторую ладонь собачьему языку:

– Где же ты жила и что там делали из воска? Может, тоже свечки отливали?

Как же не хватает сейчас человека, с которым можно было поговорить про собаку и посоветоваться.

Тут Женьку осенила новая идея, и он, перескакивая через несколько ступенек, помчался наверх в свою мансарду.

Марина

В комнате он подбежал к окну и заглянул во двор соседнего участка. Дог и девочка с книжкой были на своем месте.

Женька решительно распахнул окно, не давая себе времени на размышления.

– Эй, п-привет! – крикнул он, высунувшись в окно чуть ли не по пояс и рискуя свалиться в кусты.

Девочка, казалось, не слышала его. Только дог приподнял голову и наострил изящные уши.

– Ма-ри-на! – во все горло завопил Женька, отчаянно проклиная себя и чувствуя, как пылают уши.

Но девочка продолжала раскачиваться в гамаке, уставившись в книжку.

«Наверное, в наушниках», – решил Женька.

Выбора не было.

Он взвесил в ладони небольшой кусок воска – тот самый, что приготовил для отлива свечи, прицелился и запустил его так, чтобы кусок упал девочке на колени.

Марина подскочила от неожиданности. Дог тоже тут же оказался на ногах.

Девочка покрутила в руках кусок воска, даже понюхала. И наконец подняла голову, вынув из ушей наушники-затычки.

– П-привет! – снова выкрикнул Женька.

И помахал, нелепо улыбаясь. Он уже представлял, как Марина крикнет в ответ что-то типа: «Ты зачем кидаешься, дурак?»

Но она неожиданно улынулась ему в ответ:

– Это воск, да? Запах такой приятный, как будто медом отдает. Пчелиный?

Женька кивнул.

– Мне очень нужен совет, – выпалил он без предисловий. – П-по п-поводу собаки.

– А что с твоей собакой? – тут же отозвалась Марина, подойдя вплотную к забору, чтобы было удобнее разговаривать.

А Женька уже слетел с лестницы, торопясь навстречу госте.

* * *

Марина сидела на корточках возле Черанги и почесывала собаку за ушами. Черанга лежала неподвижно, разрешая себя гладить, но никак особенно не реагируя на появление девочки.

– Она тоскует, – уверенно заявила Марина, склонившись над собакой. – Видишь, морда совсем седая, а значит, собаке уже много лет. Кто знает, сколько они с хозяином вместе прожили. Может, он заболел, ну, помнишь, как в «Белый Бим Черное ухо». А собака искала его, пока из сил не выбилась.

– И что же теперь делать?

Женьке стало стыдно, что он все это время не особенно усердно звонил и искал хозяина Черанги.

Собака теряет силы, тоскует, а он только о себе и думает.

Он снова набрал заветный номер. Без изменений.

Марина откинула тяжелую прядь длинных волос.

– Может, пойти к тому месту, где ты ее нашел? – предложила девочка. – Вдруг она почует след или что-то вспомнит.

Женьке идея показалась гениальной.

* * *

До места, где Женька нашел собаку, они не дошли.

Марина остановилась передохнуть, смахнула блестящие бисеринки пота над верхней губой:

– Фу, жара какая сегодня! – Она бросила взгляд на модные смарт-часы на запястье: – Скоро пять, бабуля чай накроет, подожди, я ей напишу, а то переживать будет.

Вдруг Черанга сделала стойку, присев на задние лапы и вытянув морду вперед, прислушиваясь к чему-то слышному только собачьему тонкому уху.

– Вот-вот, смотри! – возбужденно шепнул Женька. – Вчера точно так же было в пять вечера. Только вчера она как будто искала знакомый звук. А сейчас, видишь, она слышит что-то!

Он замер, прислушиваясь.

– Мне кажется или...

Марина не успела договорить. Собака взвыла протяжно – певуче, словно подпевая кому-то или чему-то.

А потом рванула с места и, быстро набирая скорость, помчалась через поле, но только не назад к дому, а значительно левее. Согласно навигатору там, за лесополосой, начинались ого-

роженные высокими заборами солидные коттеджи деревни Белкино, а за Белкинскими прудами уже и окраины Обнинска.

Пока Женька с Мариной спотыкались о заросшие клевером старые борозды где-то на середине поля, Черанга, наращивая темп, оказалась уже на его краю. Черная собачья спина растворилась в тени деревьев.

– Мы так потеряем ее! – в отчаянии крикнул Женька, оглядываясь на отставшую Марину. Та махнула рукой, указывая куда-то выше крон деревьев.

– Я, кажется, знаю, что она слышит! Вон, смотри!

Он оглянулся в ту сторону, куда показала девочка. Там за вершинами деревьев поблескивали расплавленным золотом в жарких солнечных лучах церковные купола.

– В храм? Черанга бежит в храм? – от этой мысли Женька опешил. С чего бы это собаке...

– Колокола! – коротко ответила Маринка. – Побежали быстрее, а то она там всех распушает.

Пазл из разрозненных странных фактов про Черангу сложился в голове Женьки в один момент:

– Она ждала колокольный звон вчера в пять. И не услышала! И утром ровно в восемь снова ждала. А потом свечи! Запах воска – Черанга его любит. Значит, она жила при храме!

Женька почувствовал восторг, птицей забившийся в груди. Он разгадал тайну Черанги, как какой-нибудь Эркюль Пуаро.

– Может быть, ее узнают в церкви! – выкрикнула Марина.

В деревне она обогнала Женьку, и развевающийся подол ее цветастого сарафана маячил теперь перед ним на затененной деревьями узкой улочке, сбегаящей к прудам.

На какое-то время церковные купола потерялись из виду. И, только спустившись к самым прудам, ребята увидели, как грунтовая дорога на другом берегу вьется вверх по зеленому холму к церковным стенам, упрятым в строительные леса.

На холм они взбирались уже шагом, не в силах больше бежать. Черанги нигде не было видно.

Двери в храм были прикрыты. Наверное, служба уже началась.

Но на дворе толпились люди.

Черанга стояла на церковном крыльце, настороженно приюхиваясь к толпе, будто сосредоточенно искала какой-то особый, только ей одной известный запах.

– Куда пришла, иди прочь, уходи!

Пузатый мужчина с красным распаренным от жары лицом подкинул в руке только что поднятый с земли камень.

Женька метнулся к крыльцу:

– Стойте! Это моя собака, не смейте ее обижать!

– А раз твоя, так и держи ее при себе! Совсем совесть потеряли, собаку в Божий храм тащить!

– Не тащим мы собаку в храм, – возразила подросшая Марина, придерживая Черангу за ошейник и отводя подальше от мужчины. – Мы просто ищем тех, кто знает эту собаку.

– Да, – поддакнул Женька. – Может, это собака священника?

– Окстись, мальчик! – вмешалась в разговор пожилая женщина, опирающаяся на палку. – Да можно ли собаку на церковном дворе держать, не дай Боже в церковь забежит! А ну, пошла прочь! – И женщина погрозила палкой, потому что Черанга снова вытянула морду, приюхиваясь.

Женька заметил страх в глазах женщины и в глазах других людей, ожидающих, когда же можно будет пройти в храм.

– Простите, – извинился он. – Пойдем, Черанга.

Черанга помедлила, словно решая что-то про себя, но потом понуро последовала за ним.

Сражение

Они решили срезать путь и возвращаться уже не через поле, а вдоль дороги и дальше по знакомым улицам, малолюдным в такую жару.

Возле магазина Марина остановилась:

– Подождешь? Хочу бабушкины любимые пряники купить, ей приятно будет. И колы нам куплю, хочешь?

Женька молча кивнул.

Черанга без всяких слов поняла, что будет остановка, и улеглась в тени, тяжело дыша.

Женька не сразу заметил знакомые длинные тени на асфальте.

– А, нищеврод! Это ты кстати тут оказался! Гони долг! – зазвенел знакомый фальцет.

Женька оглянулся, раздумывая, куда бы спрятаться. Сердце вдруг забилось, как сумасшедшее.

На крыльце магазина стояла Марина, в недоумении глядя на обступивших Женьку парней.

– Ничего я тебе не должен!

Женька заставил себя расправить плечи, хотя инстинктивно хотелось скукожиться, стать еще меньше или вообще исчезнуть.

Рядом с Фальцетом стоял толстый рослый парень и тот, другой, что вечно шмыгал носом, Фальцет называл его Гнусом.

Драться сразу с тремя – смертельный номер.

– Поглядите-ка на этого нахала, он нас уже второй раз дурачит, – прогундел Гнус. – Сам карманы вывернешь или тебе помочь?

Толстый усмехнулся и погладил свой живот, словно собирался проглотить Женьку.

– Гляди, ребя, да он с дамой, – с издевкой протянул Фальцет, бесстыдно разглядывая Марину, прижимающую к груди две банки колы и пряники. – А дама-то уже и колу нам купила! Налетай!

И Фальцет развернулся к растерявшейся Марине.

– Не смей ее трогать!

Женька в один прыжок преградил ему путь, сам изумляясь своей прыти.

– А ну, пшел, блоха прыгучая! – выдохнул ему прямо в нос мятной жвачкой Фальцет. И Женька с ужасом почувствовал его влажные сильные пальцы на своей шее. – Не то придушу, как кошку драную!

Фальцет попытался оторвать Женьку от земли одной рукой, сдавливающей горло. Боевиков насмотрелся. Только, как в фильмах, у него не получилось. Вышла глупая сцена: Фальцет тянет Женьку вверх, вцепившись ему в горло, а Женька стоит на своих двоих, красный как рак, обеими руками пытаясь отодрать сжимающие шею пальцы.

Неожиданно Женьку осенило. И, коротко размахнувшись, он заехал коленом в мягкий пах врага.

– Ааааай! – в еще более высокой тональности, чем обычно, заверещал Фальцет, отпустив свою жертву и ухватившись за причинное место. – Вот ведь гаааад! Бей его, ребя!

Гнус стоял совсем рядом с Женькой, но не успел нанести удар.

Черанга выверенным прыжком сбила его с ног и прижала к асфальту, обнажив желтые клыки в беззвучном устрашающем рыке.

Так ее учили когда-то обезвреживать врага.

Гнус, всхлипнув, по-детски вскрикнул «мама» и замер, покорно растянувшись на асфальте. Двое его подельников в ужасе отступили.

– Слышь, парень, – вполголоса проговорил Фальцет, забыв о своей боли. – Прикажи ей отпустить. Она ведь загрызть его может.

Женькина душа ликовала.

Он оглянулся на Марину, но на ее бледном лице отразились только тревога и растерянность.

– Прикажи ей, Женя, – одними губами прошептала девочка.

– Черанга, фу! Ко мне!

Собака послушно отпустила врага и села рядом с Женькой.

«И все-таки это победа! – подумал Женька, дотронувшись до собачьей холки. – Спасибо, Черанга!»

Вольер или приют

– Женя, ну как же так?

Мама сжала тонкие пальцы в замок так сильно, что побелели костяшки. Глаза ошарашенно распахнуты, губы подрагивают.

– Они первыми напали, ма!

Его слова почему-то прозвучали как оправдание.

Полицейский, то и дело оттирающий пот со лба скомканным платком, в который раз повторил скучающей интонацией:

– Ваша собака угрожала жизни мальчика. Его родители подадут в суд, если вы не примете меры. Вот заявление, прошу ознакомиться.

Он протянул маме какую-то бумагу. А она только растерянно кивала.

– Богданов, между прочим, мужик серьезный, лучше ему дорогу не переходить, юристов наймет, не отвертитесь, – продолжал полицейский, хмурясь. – Согласно закону, подросток до четырнадцати лет не может разгуливать с собакой без сопровождения взрослого.

– Но я работаю, – возразила мама неуверенно.

– Значит, пока вас нет, собака может гулять только на территории вашего участка.

Второй полицейский, стоявший у окна, обернулся и оглядел двор.

– Заборчик хлипенький, не подойдет для выгула. Придется вам установить специально оборудованный вольер. Это несложно, можно из рабицы, – добавил он. – И обязательно купите поводок с намордником для прогулок.

Мама кивнула. И все-таки попробовала договориться:

– Послушайте, собака не наша, пробудет у нас совсем недолго. Может быть, обойдемся без вольера?

– В законе нет указаний на время пребывания собаки. Она и за один-то день вон каких дел натворила.

* * *

Когда полицейские ушли, мама бросилась на диван и зарылась лицом в подушку.

– Мам, ну что ты! – простонал Женька, обнимая ее за плечи.

– Ох, Женька! – Мама повернулась к нему: – Я же тебе говорила! Я так и думала, что с этой собакой у нас еще будут проблемы. И, даже если она справедливо наказала тех оболтусов, полицейские правы. Выбора нет, Жень. Завтра отвезем собаку в приют.

– Мама, нет!

Все слова испарились у него из головы, остался только горький привкус поправной справедливости.

Ему не хотелось выполнять требования полицейских, ссылающихся на какие-то глупые правила. И все-таки это лучше, чем совсем собаки лишиться, лучше, чем приют.

– П-п-пожалуйста, м-ма! В п-п-приюте Черанге п-плохо будет, ей же еще лечение т-т-требуется. Т-ты сама сказала, еще н-неделю м-м-можно, чтобы Черанга у нас жила! У нас уговор был!

Женька недаром упомянул про уговор. Уговор нарушать нельзя. Это правило неукоснительно соблюдалось в их семье.

Именно поэтому с мамой было сложно договориться и обещания она давала крайне редко.

Мама молчала. И Женька продолжил свой натиск:

– Д-давай выполним, что полицейские сказали, и все отстанут от нас. Т-только не в приют!

Мама медлила с ответом. А когда заговорила, голос прозвучал твердо. И Женька понял, что пути назад уже не будет.

– Женья, звони, пожалуйста, ищи хозяина Черанги! Напиши объявление в соцсетях. Подождем еще неделю. Если никто не откликнется, отвезем собаку в приют.

Вольер из рабицы появился у них во дворе уже к концу следующего дня. Черанга по-прежнему выглядела вялой, она улеглась в вольере и не захотела возвращаться в дом. Так что Женька перенес в вольер ее импровизированную лежанку. А заодно свою подушку и мамин старый коврик для фитнеса.

Они с Черангой, как и прежде, спали вместе, только теперь их домом стал вольер.

Побег

Женька с Мариной сидели в вольере. Черанга растянулась рядом, безучастно уставившись куда-то вдаль.

Марина погладила собаку по спине:

– Женька, это неправильно и вообще глупо! Нельзя сбегать из дома! Что вы будете есть, где спать?

– Ерунда! Сейчас лето. Я уже все продумал и не отступлю! А потом, может, и мама переживает. – Женьке хотелось выглядеть уверенно. – Спать будем в палатке, у меня есть старая. Из еды куплю консервы, кашу, что подешевле.

– И где ты возьмешь деньги на кашу и консервы? – настаивала Марина.

Это было слабое звено в цепи Женькиных рассуждений.

– Есть у меня одна идея, – сказал он, смущенно взглянув на Марину. – Хочешь, покажу кое-что?

Увидев Женькину коллекцию свечей, Марина не сразу смогла найти слова. Брала в руки гладкие блестящие свечи – ракушки, нежнейшие лилии с тонкими лепестками – и в восторге охала.

– Женька, – наконец выдохнула она, – это же сокровище! У тебя настоящий талант! Буду заказывать у тебя подарки ко всем дням рождениям. Подружкам, маме, бабуле, всем-всем.

Женька отвернулся, чтобы она не заметила его смущения. Но пылающие уши никак не спрячешь на бритой голове.

– В-в-вот это и есть м-м-моя идея! – сильно заикаясь от волнения, выговорил он. – Я хочу п-продать в-все. С-сделаю ф-фотки и р-р-размещу на Авито.

– Давай попробуем! Я помогу, буду твоим агентом!

* * *

Результат оказался настолько фееричным, что Женька невольно задумался о своем бизнесе. За какие-нибудь пять дней он заработал пятнадцать тысяч. И люди продолжали звонить и писать.

Но это ничего не меняло.

Каждый день мама не забывала напоминать Женьке о данном обещании.

– Ты уже разослал объявления? Кто-то ответил?

Объявления Женька разместил в нескольких группах собачников. Откликов не было.

Отведенная им с Черангой неделя стремительно таяла, как и надежда, что маму как-то удастся уговорить.

* * *

Поздно вечером, лежа рядом с Черангой и то и дело отмахиваясь от назойливых комаров, Женька решил еще раз набрать номер с ошейника – так, для очистки совести, чтобы доказать себе, а еще больше маме, что настоящий хозяин собаки теперь он.

Вместо ожидаемого автоответчика вдруг послышались длинные гудки. Женька в волнении вскочил на ноги, телефон выскользнул из рук и отлетел в дальний угол вольера. Когда Женька снова прижал его к уху, то услышал мужской голос: «Алло, алло, вас не слышно» – и нажал на значок отбоя.

Почти тут же телефон зазвонил.

Женька отключил звук и, когда звонок завершился, заблокировал номер.

И тут же почувствовал отчаянную решимость осуществить свой план побега.

Пусть он эгоист, как сказала мама, и думает только о себе!

А тот человек, который не выходил на связь так долго и бросил свою собаку на произвол судьбы, он, выходит, не эгоист?

Ворочаясь с боку на бок, Женька еще долго произносил про себя оправдательную речь, как будто стоял перед судом, и в конце концов заснул, то ли договорившись с несговорчивой совестью, то ли измотав ее.

На следующее утро, едва дождавшись, когда мама уедет на работу, Женька вывел Черангу из вольера.

День был безоблачный.

Впереди у них маячила новая, полная приключений жизнь. И Женька снова повеселел, забыв о тревожностях последних дней.

Только когда Черанга вдруг резко остановилась и развернулась мордой в сторону храма, он вспомнил о ее восьмичасовом утреннем ритуале.

Новенький собачий поводок болтался у Женьки на боку, пристегнутый к ремню.

– Черанга, ко мне, – позвал он собаку.

Но было уже поздно.

Она двинулась на призывный колокольный звон.

Женька рванул за ней. История повторялась. Только теперь мальчик точно знал, куда направляется собака.

Шансов поймать ее на поле не было. Женька решил сократить путь, свернув на трассу, по ней он сможет бежать быстрее.

В этот час дорога оказалась оживленной.

Женьке пришла в голову мысль, что на машине он точно сможет опередить собаку. Он встал у обочины и вытянул руку в бок.

Почти тут же рядом притормозила машина, приветливо распахнулась задняя дверь, и Женька, не раздумывая, прыгнул на сиденье.

– Что, пацан, опять один со своей собакой шатаешься, пока мать на работе?

В голосе полицейского звучало осуждение.

Женька хотел было соврать, что он без собаки, но полицейский уже заметил поводок, свисающий с ремня. Не отвертись.

– Иваныч, вызывай отлов, собаку нужно поймать, пока она опять на кого-нибудь не напала, – распорядился полицейский, обращаясь к напарнику, сидевшему на переднем сиденье. – А нас с пацаном в отделение закинь. Позвонишь матери, заберет тебя, – бросил он Женьке.

Спасение

– М-м-ма-ма, с-с-спаси Черангу! – Женька не мог остановить слезы, то и дело всхлипывал и от этого заикался сильнее обычного.

Мама сдержанно ответила, что уже едет в отделение. Но Женька понимал, что это никак не поможет Черанге.

У мамы не было телефона хозяина Черанги. Она вообще не знала о том, что он вышел на связь. Об этом знал только он, Женька. Телефон должен был сохраниться в истории звонков.

Женька нашел номер и нажал вызов, еще не зная толком, что и как будет объяснять. Но хозяин Черанги понял все мгновенно, без ненужных расспросов. А в конце разговора даже добавил обнадеживающе:

– Не переживай, Женька, найдем мы нашу Черангу, и все будет хорошо.

Так и сказал «нашу Черангу».

Женька забыл, как еще вчера ненавидел этого человека.

Теперь он больше всего на свете хотел услышать в телефонной трубке именно его голос с хорошими новостями.

* * *

Хозяин Черанги позвонил не скоро, уже ближе к вечеру, чтобы уточнить Женькин адрес.

– Сейчас подъедем с Черангой, и все в подробностях расскажу, – пообещал он. – Меня, кстати, Даниилом зовут.

Когда Даниил вылез из своей старенькой «тойоты», Женька был огорошен его одеянием, одновременно гордясь своими дедуктивными способностями.

На госте была серая монашеская ряса в пол. Выходит, правильно они с Мариной догадались про связь хозяина Черанги с церковью.

В комнате Черанга сразу устроилась у ног Даниила и не отходила от него больше ни на шаг, взволнованно наблюдая за каждым движением и жестом хозяина.

Глядя на оживленную Черангу, Женька почувствовал укол ревности. С ним собака никогда не выглядела такой счастливой.

– Черангу-то я воспитывал со щенячьего возраста, – сутулясь, словно стесняясь своих широких плеч, рассказывал Даниил, устроившись на краешке дивана и с удовольствием шумно глотая воду с лимоном, которую принес ему Женька. – Как только увидел ее, сразу понял: отменный помощник из нее получится. Я тогда служил в аэропорту «Внуково» в зоне досмотра. Знаете, собака запах и звуки лучше любого человека улавливает, а Черанга не только чуяла любой контрафакт за версту – она человека вычисляла. Однажды мы с ней группу террористов обезвредили с бомбой, схлопотали пулю. Ей легкое пробило, а у меня пуля рядом с сердцем застряла. Когда подлечились, выдали нам по медали и комиссовали. Так что Черанга – настоящий герой, мой Черный Ангел! Куда я без нее...

– Черный Ангел! – повторил Женька. – А я-то все думал, что значит Черанга. Догадался, что имя составное, что первое слово Черный, а вот Ангела не отгадал.

Даниил опустил на колени и обнял собаку за шею, а она положила седую морду на его плечо и вздохнула. Совсем не так, как раньше. Теперь в ее вздохе чувствовался покой и удовлетворение. Она нашла своего хозяина.

Женька отвернулся, чтобы никто не заметил навернувшиеся на глаза слезы.

– И все-таки как же получилось, что Черанга потерялась? – Марина трянула головой, словно освобождаясь от очарования собеседника и возвращая себе ясность мысли. – Женька нашел ее чуть живой.

Даниил задумчиво погладил собачью морду.

– Свалила меня та самая пуля, что застряла во мне, – тихо ответил он. – Ни с того ни с сего зашевелилась, едва довезли меня до больницы. Неделю в реанимации, думали, не выкарабкаюсь.

Он еще больше ссутулился.

– Я ж, как только узнал, что Черанга сбежала, кинулся искать. Нашел ту бригаду скорой, что меня забрала. Они и рассказали, что Черанга за ними гнала прямо по трассе. А потом, когда силы ее оставили, упала прямо на дороге. Джип сзади ехал, вильнуть не успел, задел ее, и Черанга в кювет слетела. Не остановился! Ребята на скорой что могли сделать? Меня нужно было спасать. Но место запомнили, спасибо им. Я, конечно, туда. Трупы нет, и то хорошо. Все надеялся, что кто-то найдет ее, больную, позвонит. А тут твой звонок, Женька! Если бы не ты, не выжить бы ей.

Он дотянулся и затряс Женькину руку в своих больших горячих ладонях.

– Я что думаю, – закончил свою речь Даниил, – думаю, если и есть ангелы на земле, так это собаки.

«Если и верить в ангелов, – подумал в унисон с ним Женька, – то в таких, как Черанга».

Запах опилок и молока

И угораздило же родиться в сентябре!

Женька только что вернулся из школы. Первые дни в новой школе и в новом классе оказались не такими паршивыми, как он себе представлял.

Шайка Фальцета теперь и близко к нему не приближалась. А Гнус даже подошел поздороваться – наверное, на всякий случай.

Они еще помнили Черангу.

И с Мариной они оказались в одном классе.

Значит, все будет хорошо.

Черанга.

Женька подумал, что теперь он уже совсем взрослый. Наверное, это нормально в четырнадцать уже не думать о подарках на день рождения.

Просто из головы сегодня не идет Черанга.

Даниил обещал позвонить. Но что-то пропал.

Как они там?

Женька заглянул на свой сайт, привычно ответил тем, кто разместил новые заказы.

У него теперь свой бизнес, свои деньги.

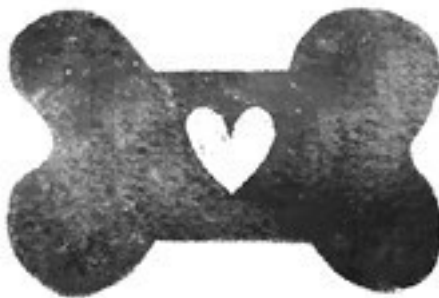
Наверное, уже можно поговорить с мамой о собаке.

Вот только Черанга не идет из головы.

Он не заметил, как возле калитки остановилась старая запыленная «тойота».

Даниил оглянулся с водительского кресла назад – на пассажирских сиденьях растянулась Черанга. Узкая морда с любопытством тычется в картонную коробку, пахнущую опилками и молоком.

Там, в недрах коробки, копошится что-то родное и теплое.

Андрей Лобов

Терри 2.1

Старая металлическая дверь гулко гудела от многочисленных ударов. Лера начала было стучать ногами, но тут раздался щелчок замка, и дверь наконец-то отворилась. На пороге стояла Таня с выпученными глазами.

– Ты че, Лерчик, рехнулась? Звонок, что ли, не работает?

– Ну его... – выругалась Лера и вихрем вбежала к подруге в квартиру, потирая раскрасневшиеся кулаки. – Он мне, гад, жизнь сломал, понимаешь?! Ладно сломал, так еще и в душу плюнул, мразь!

* * *

Небо сливалось в единую серую массу с нависающими поодаль небоскребами, громадами надземных путепроводов, перемежающимися с высотками, и редкими остатками скрюченных деревьев. На их фоне еще сильнее привлекали внимание сотни ярких вывесок и экранов. Все двигалось, мерцало, переливалось: «Элитные дома», «Лучший адвокат», «Арендуй собаку – повысь рейтинг». Леру так утомляла вся эта рекламная пестрота, что она лишь изредка отрывала взгляд от залитого дождем тротуара. В воздухе пахло сыростью, остальные запахи в маске с тремя фильтрами почти не ощущались.

Ливень закончился минут двадцать назад, но ноги все равно вымокли. Лера, погрузившись в размышления, умудрилась несколько раз наступить в лужи. Судя по прошлогодним заявлениям мэрии, все улицы города должны были покрыть неоасфальтом, впитывающим воду и во что-то там ее преобразующим. Но то ли до Одинцово цивилизация не добралась, то ли, как постоянно ворчала ее соседка, нелегальные андройды уложили асфальт не той стороной вверх.

Мимо Леры пронесся парень на гравискутере и чуть не врезался в грузную даму, вышедшую из двора с маленькой собачкой.

– Ах ты гаденыш! – выкрикнула она и на удивление ловко вцепилась в руль гравискутера. Тот дернулся было, но она его удержала, и парень полетел кубарем на тротуар. – Я те покажу, как на этой ерундовине разъезжать!

– Ну, вы это, гравик-то отдайте, – взмолился ломающимся голосом парень.

– Я твой гравик тебе сейчас засуну куда надо, урод! Тусю чуть не раздавил, тварь. Я ж тебе...

Не дожидаясь атаки сумкой и продолжения угроз, парень побежал за дом, потирая на ходу ушибленную руку. Дама отпустила гравискутер и взяла в руки свою собачку:

– Туся, Тусенька, этот плохой мальчик тебя обидел. Не волнуйся, мамочка тебя защитит от всех этих недоумков, Тусенька, – причитала дама и гладила собаку.

– Здравствуйте, все в порядке? – поинтересовалась Лера, подойдя ближе.

– Чуть не убил Тусю. А он же у меня такой ранимый, – вздохнула женщина и тут же перешла на полусшепот: – Мы с мужем даже стараемся по вечерам громко не разговаривать, когда Туся засыпает. У него очень нежная нервная система.

– А к ветеринару водили? – поинтересовалась Лера.

– Ну какие еще ветеринары, девушка? Я этим извергам Тусечку своего не дам. Они ж собачек мучают. А еще, – наклонилась дама поближе и снова перешла на шепот: – Подменяют. Только тихо, не пугайте Тусю.

– Поймите, такое поведение для робопса нетипично, у него могут быть проблемы, – возразила Лера и тут же отшатнулась, увидев выражение лица собеседницы.

– Да это у тебя проблемы! Сама ты пес! Разоделась вся, как будто сегодня солнце должно светить по графику, – разгорячилась дама, крепче прижимая собачку к себе. Вдруг она замолчала, прищурилась и медленно произнесла: – Я все поняла. Это ты в доверие втираешься, а сама потом собак ворует на запчасти!

Сперва Лера попыталась что-то возразить, но собеседница не дала и слова вставить.

– Мне пора, делайте как знаете, – сказала Лера и пошла быстрым шагом, обогнув по дуге шумную даму.

– Чтoб я тебя не видела здесь больше! Тусенька, Туся, обидела тебя тупая тетя, дрянь такая!

Лера пыталась дышать размеренно и даже стала напевать модную песню, только бы не слышать снова стихающий позади крик. Мимо, на приличном отдалении, снова проехал тот самый парень, видимо уллучивший момент, пока дама отвлеклась на Леру, и забравший свой гравискутер.

Раздалась тихая знакомая мелодия, и Лера впервые за день улыбнулась. Она приняла звонок, нажав на датчик за ухом. Оказалось, просто голосовое:

– Привет, Лер. Я уже не сплю. Договорился сегодня пораньше приехать, чтобы вечер освободить... для нас. Мои вчера на неделю из Штатов прилетели, сегодня встретиться предлагали, но я категорически всем отказал. Потому что... мы с тобой... пойдём в «Скибби». Я там уже столик забронировал. В честь годовщины знакомства. До встречи, солнце.

Несмотря на непрекращающуюся пятый день серость и постоянный гул от пяти автострад над головой, Лера шла и улыбалась. Она остановилась у очередной лужи размером почти во всю ширину тротуара, посмотрела на мокрые насквозь ноги, затем оглянулась по сторонам.

Рядом никого не оказалось. Со смехом Лера пропрыгала лужу на одной ноге. Брызги разлетались, холодили ноги, кроссовка задорно чавкала. И только курящий на балконе многоэтажки старик покачал головой и, казалось, с завистью посмотрел на лужу.

На работу Лера влетела вся запыхавшаяся, и тут же ее окружил аромат корицы, аниса и гвоздики. Но, как только она поднесла руку к сканеру, запах стал слабее и вскоре полностью исчез. Лера никогда не понимала этой экономии на мелочах, тем более что хорошо представляла, какие деньги проходили через компанию. Управление всеми системами здания было настроено так, что запахи распылялись при входе в помещение, но, если датчики распознавали сотрудника, подача ароматов прекращалась.

– Валерия Ефимова, опоздание семь минут, – произнес размеренный голос андроида.

– Не считается, – махнула рукой Лера и прошла в открывшиеся двери с зеленой окантовкой огней.

Позади раздался недовольный шелест минибота-уборщика, вылезшего натереть до блеска испачканный Лерой пол в холле.

Быстро надев стерильный комбинезон в раздевалке и собрав волосы в пучок, Лера побежала в хирургический кабинет.

Со вчерашнего дня осталось еще два заказа от одной из контор догшеринга. Такса и ретривер лежали наполовину разобранные на полках. Внешние корпуса все во вмятинах, внутренности ретривера наполовину выгоревшие, а у таксы живого места внутри не осталось после взрыва аккумулятора.

Лера включила свет над хирургическим столом, активировала сенсорные панели, из-под столешницы выдвинулись ящики с инструментами. Она надела на глаза очки с подсветкой и адаптивным увеличением.

Первого на гладкую поверхность стола по кивку Леры андроид перенес ретривера.

– Вот ведь гады, – покачала она головой, в очередной раз разглядывая повреждения собаки.

– Привет. Это ты о ком? – раздался позади голос Тани, традиционно забежавшей по дороге в бухгалтерию поздороваться с подругой. – О владельцах или догшерингах?

– Привет, – не оборачиваясь, вздохнула Лера. – Да обо всех. Одни собак уродуют, а вторым лишь бы денег с каждого робопса побольше снять. А ветеринарам потом лечить. Вот этого точно избивали, а потом еще и утопили.

– Так они ж не живые, чего им будет-то, – пожалала плечами Таня, но быстро ретировалась, не желая вступать в спор. – Забегай на обед.

– Ага, дождешься здесь обеда, – сказала Лера и закусила губу, пытаясь удалить сожженный чип, к которому полвечера вчера подбиралась. Она задержала дыхание и смогла его подцепить микроманипулятором. – Все гады, – повторила Лера, но тут же подумала о Коле, о том, что он приготовит на годовщину их знакомства. И это удивительным образом помогло. Проклятые догшеринги, с которыми руководство подписывало контракты на обслуживание, двинутые на голову клиенты, которые совсем не заботились о собаках, и даже невероятных размеров вселенская несправедливость отошли куда-то на второй план, растворились и исчезли. Лера улыбнулась и с новыми силами продолжила разбираться с ретривером.

– Чего такая довольная-то? – спросила Таня, насыпая в кофе очередную ложку сахара. – Медаль, что ли, дали?

– Лучше, – подмигнула ей Лера, пытаясь разобраться с автоматом, надевающим на ботинки антигрязевую защиту.

– Да оставь ты, – с нетерпением сказала Таня. – У нас в бухгалтерии и то грязнее, чем у тебя в кабинете. Чего светишься-то? Колька предложение сделал?

– Ну ты чего, Тань?! – вздрогнула Лера и, оставив в покое робота, вытерла ботинки о коврик и прошла на кухню. – Я еще сама не пойму, готова я или нет.

– Слушай, тебе уже двадцать шесть. Пока будешь дозревать, Коля твой учешет к какой-нибудь дамочке быстрого приготовления.

– В «Скибби» мы идем сегодня, вот.

– Ха! И ты будешь мне рассказывать, что он пробил место в таком ресторане не ради предложения? Ничего ты в мужиках не понимаешь.

– Да ну тебя, – закатила глаза Лера и распаковала обед, доставленный пять минут назад. – Ты же знаешь, что не могу я быстро решиться.

– Лерчик, то, что твой отец козлом был, еще не значит, что все остальные мужики такие же, но шансы есть, – пожалала плечами Таня, но, заметив, что Лера перестала улыбаться и ссутулилась, тут же перевела разговор на другую тему: – А я вот тут собаку по подписке хочу взять.

– Робопса? И ты туда же? – нахмурилась Лера. – Друг на пять минут, пока тариф действует?

– Лерчик, ну ты и ретроград, никто, кроме тебя, собак так уже не называет, – покачала головой Таня и добавила себе в кофе коньяк из маленькой бутылочки. – Вон третий месяц уже, как государственную программу запустили при поддержке догшерингов. Если есть собака, то социальные баллы накапливаются в пять раз быстрее.

– Мозги промывают.

– Фиг с ними, было бы чего промывать. Ты лучше скажи, Лерчик, какую собаку мне взять. Ну так, на недельку. Больше не потяну. Причем так, чтобы можно было и в театре покрасоваться, и на набережной, а еще чтобы мужиков привлечь.

– Да им все равно, – ухмыльнулась Лера.

– Много ты понимаешь в мужиках.

– Ладно, бульдога или мопса, если подешевле. У них прошивка новая. Из крупных можно овчарку, им модельный ряд обновили не так давно. Из элитных – дога, но там ползарплаты уйдет за два дня. Правда, материалы, контроллеры и движок совсем другие.

– Ой спасибо, Лерчик, – протянула Таня, сразу открыв голограммы моделей собак. – Возьму на вечер дога. На меня кто-нибудь клюнет и подписку дальше оплатит.

– Смешная ты, Таня. Мужчины и так за тобой бегают.

– Это потому, что я не парюсь, как ты...

Лера нахмурилась и начала ковыряться в пюре с котлетой, оказавшейся явно куриной, а не говяжьей, как в заказе. Мама тоже такие когда-то готовила, говорила, что так больше нравится. Котлеты, Танька со своими мужиками... Воспоминания подхватили Леру и почти против воли понесли в холодную осень двадцатилетней давности. Сердце сжалось. В животе все свернулось в комок.

Теплые шершавые ладони обнимают меня, стоящую в одной тоненькой куртке на улице. Я выбежала искать Терри и просто набросила на себе первое попавшееся. Руки прижимают меня к доброму, безграничному, к целой вселенной с легким запахом табака, машинного масла и каких-то специй – к папе. Рядом с ним тепло. Никто не страшен. И Терри обязательно найдется. Вот папа сейчас согреет и почти сразу найдет его. Потому что папа умеет. Он волшебник.

Резкая боль. Пустота. Холод. Ненависть, захлестывающая и с каждым разом все больше вымывающая те самые крохи памяти о волшебстве и тепле. Она ненавидит его. Всем своим существом. Отец не только предал их с мамой, но и забрал Терри. Он...

– Эй! Ты меня слышишь, Лерчик? – ткнула ее в бок Таня.

– А? Чего? – мотнула головой Лера, пытаясь стряхнуть наваждение.

– Ты б лучше не в облаках витала, а про то, как к свиданию сегодняшнему готовиться, подумала бы.

Не успела Лера запустить в подругу остатками пюре, как в кухню ворвалась Светка:

– Ой, а вы слышали, что мы контракт с еще одним догшерингом заключаем?

– Откуда нам слышать-то? – поморщилась Таня. – Ты у нас главный новостной канал.

– Нам тех, что уже есть, мало? – побледнела Лера и замерла с остатками пюре на вилке.

– Шеф сказал, что клиника загибается. Люди своих собак уже не хотят заводить, поэтому надо заполучить еще одного постоянного клиента, – протараторила Светка. – Мне мой Толик сказал.

– Ага, клиента, который постоянно мозги выносит и платит ниже рынка.

– Зато стабильно, – сказала Светка. – Ой, Лерусь, забыла совсем. Вадим Палыч просил тебя зайти взять заказ.

– А чего я? Скворцов вон без работы сидит, его ж очередь, – возмутилась Лера.

– Да там старье какое-то, – поморщилась Светка. – Вадим Палыч говорит, что с такой ружлядью только ты можешь сладить. Ладно, побежала я, еще снабженцам про контракт не рассказала.

– Ага, давай, – махнула рукой Таня и, когда дверь на кухню уже закрылась, вздохнула. – Вот же Светка, хуже, чем всплывающая реклама в линзах. Лерчик, ты куда побежала? А кофе? У меня еще чутка на доньшке коньяка осталось.

– Не, Тань, спасибо. Мне ж сегодня пораньше освободиться надо, чтобы в порядок себя привести. Сбегаю заказ у Палыча оформлю, поковыряюсь чутка со старыми и побегу, – засобирилась Лера и улыбнулась.

Она снова вспомнила о Коле. Где-то в глубине памяти откликнулась болью тень из прошлого, но почти сразу ретировалась. Лера знала, верила и пыталась ни на секунду не сомневаться, что Коля другой. Ей так хотелось, чтобы в этот раз все получилось не так, как раньше.

Андроид притащил запечатанный пакет с новым заказом, когда Лера уже почти закончила с удалением пораженных частей ретривера. Она кивнула на стерильно белую полку в дальнем углу, и андроид послушно поставил туда пакет.

Лера бросила быстрый взгляд в угол и вновь погрузилась в работу. Не отвлекаться. Заказ, конечно, интересный. Это не ширпотреб для догшерингов пересобирать. Там сервисный интерфейс старше, чем она. И это круто! А не то что...

Стоп! Хватит. Лера выдохнула и попыталась отвлечься, сосредоточившись на главном. Что надеть вечером? Жалко, что она все же не купила то платье неделю назад. Но ведь и не подумала, что Коля вот так возьмет и не забудет, да еще и в ресторан позовет. А все же отличное было платье. Подчеркивает фигуру, вдобавок скрывает небольшие недостатки. Адаптивная модель, пик сезона.

Теперь поставить новые чипы. Работы на час, не больше, и можно бежать. Или все же заказать платье? А что? Она его уже примеряла – точно подойдет. Тогда и туфли нужны, но их она тоже присмотрела. С тревогой вспомнилось, сколько они стоят, но от этих мыслей Лера отмахнулась.

– Ничего, для себя заказы после работы брать буду. Пару месяцев – и даже не замечу, – убеждала она себя.

И в тот самый момент, когда она мысленно перебирала подходящие к платью украшения (хотя давно уже решила, какое кольцо лучше всего подойдет), в тот самый миг, когда осталось только перепроверить прошивку собаки и закончить с работой, – раздался звонок.

– Привет, солнце, – согрел ее теплом Колин голос.

– Привет! А ты же в костюме будешь, да? – сразу решила прояснить Лера, чтобы не выглядеть совсем уж странно в вечернем платье рядом с молодым человеком в джинсах и футболке.

– Костюме? Ах да... – протянул Коля и замолчал. – Тут вот какое дело...

Внутри у Леры все сжалось. Несправедливо! Только не говори ничего такого! Сознание било тревогу, с подобных слов никогда ничего хорошего не начинается.

– Д-да, Коленька. Что-то случилось?

– Шеф лютует, проект сдать надо срочно. Ну и вот, – вздохнул Коля. – Извини, солнце. Не получается сегодня.

Казалось, что прекрасный витраж будущей жизни, сложенный из мечтаний, любви и радости, тот самый, что еще недавно сверкал и переливался цветными стеклышками на солнце, витраж ее счастья разбился в одно мгновение.

– Хорошо, может, перенести на попозже?

– Не, там же запись прям плотная. А завтра, ты же помнишь, я на неделю в командировку. Но ты не обижайся, ладно?

– Конечно, ничего страшного, – осипшим голосом произнесла Лера и попробовала улыбнуться.

Как же теперь собрать этот витраж? Неужели и Коля такой же? Такой же, как отец? Сегодня обнимает, а завтра с легкостью променяет, бросит?! Она сжала кулаки и попыталась не пускать такие мысли в голову, иначе потом их не выкорчевать.

– Ты не грусти, Лер. Я что-нибудь придумаю, и мы обязательно сходим.

– Все нормально, Коля, все нормально.

– Тогда до связи!

– Пока!

Руки сами опустились, Лера из последних сил пыталась сдержать слезы. Доверять. Работать над собой. Как бы Таня ни ругала психотерапевтов, но они реально помогли Лере после

последнего расставания. Тогда мир был мрачен и пуст настолько, что жить не хотелось. Если бы Таня вовремя не откачала... От этих мыслей сейчас становилось жутко, а тогда...

– Ладно, зато не придется работать сверхурочно, – попыталась взбодриться Лера. – Ну его, это платье...

Пока настроение окончательно не пропало, Лера встала из-за хирургического стола и подошла к пакету с новым заказом. Для догшеринга завтра доделать можно, время позволяет. Раз торопиться не надо, то можно в свое удовольствие покопаться в древнем механизме.

Лера вскрыла пакет и выложила на полку потрепанного и исцарапанного, но без особых повреждений и вмятин когда-то белого терьера. Совсем как Терри. Даже модель вроде схожая. Внутри стало тепло и приятно, почти как в детстве. Лера улыбнулась и повернула терьера на другой бок, машинально проведя пальцем за ухом. Скользя по зацарапанному пластику, палец нырнул в небольшую ямку на стыке уха и головы. Ту самую ямочку, что появилась после падения с лестницы. Лера побледнела, улыбка тут же исчезла, как будто ее и не было.

– Т-т-терри? – дрожащим голосом произнесла она и трясущимися руками попыталась подключить планшет через переходник к сервисному интерфейсу. Но, проделав это, она замерла в нерешительности. Терри...

Самое начало лета. Мне уже целых пять лет. Дома праздник. Съехались какие-то взрослые. К запаху уюта и праздничных булочек добавились ароматы духов, дезодорантов и чего-то неприятного. Но это неважно. Главное, что сегодня дома и мама и папа. Он улыбается, а мама не плачет. Это счастье. Последнее время, когда он уезжает на работу на целую вечность – неделю, мама сердится и плачет. Когда возвращается, чуть меньше, но тоже плачет. Сегодня все счастливы. И больше всех я. Папа подмигивает и говорит:

«Кто себя хорошо вел? И чего не хватает самому послушному ребенку на свете?»

«Собаки», – отвечаю искренне и безапелляционно. Разве не понятно?

Оказывается, что понятно, папа протягивает коробку, которая открывается нажатием на кнопку, и там...

«Это Терри! Я буду звать его Терри!» – кричу от радости. Папа совершает какие-то волшебные пассы руками, как тот фокусник с экрана. Женский голос сообщает: «Установка привязки к новому хозяину завершена».

«Теперь он полностью твой. Можешь погулять с ним», – улыбается папа. Я смеюсь и выбегаю с Терри на мокрую от недавнего дождя лужайку. Трава щекошет лодыжки, а рядом бежит мой пес и радостно лает. Вселенная остановилась, замерла. Она оказалась не в силах осознать и воспринять это безграничное счастье. Наше счастье. Мое и Терри.

Осень полгода спустя. Красивая, теплая. На улице пахнет листьями и прохладой. Я учу Терри приносить палку. Он вроде понимает, хватается ее, но до меня не доносит. Грожу ему пальцем, смеюсь, а он радостно машет хвостом и лает.

«Так и знала, что тебе денег только на бракованную псину хватило», – доносится откуда-то мамин голос. Раньше я этого не помнила или не осознавала, но теперь всплыло в памяти.

«Ну чего ты опять, а? Смотри, как он ей нравится».

«Лучше бы чем-то полезным занялась или с детьми общаться начала, а то на уме один этот Терри».

Я спотыкаюсь. Выставляю вперед ладошки и падаю прямо на дорожку из мелких камушков. Сперва просто страшно. И сразу же больно. С ужасом смотрю на ладошки – на них царапины, грязь и проступает кровь. Слезы бегут сами.

«Р-гав», – подбегает ко мне Терри и пытается тыкнуть мордой в бок, но промахивается и падает рядом со мной.

«Ой, Терри, ты не ударился, мой хороший? Где болит? Сейчас я тебе помогу», – вытираю рукавом слезы и глажу собачку, лоя пальцами ту самую ямочку под ухом. Мне кажется, что Терри очень любит, когда я его там глажу.

Лера чихнула и мотнула головой, словно пытаюсь стряхнуть воспоминания. Она снова оглядела лежащего на полке робоса и, выждав несколько секунд, вспотевшими пальцами запустила сервисную программу.

– Терри! – воскликнула с облегчением Лера, когда увидела данные на экране. – Мой малыш!

Она подхватила его, выдернула переходник и закружилась по комнате. Прижималась к Терри, плакала и смеялась:

– Ты нашелся! Ты живой! Ой, что это я, давай тебя включим.

Именно из-за невозможности включить и обратились к ветеринару. Лера аккуратно положила терьера на стол, покопалась минут сорок, отыскала подходящий временный аккумулятор и подсоединила его. Поставила собаку на пол и включила. Появились электронные глаза, Терри завилял хвостом. Лера улыбнулась и потянулась к нему, но собака отбежала назад, опустила передние лапы и зарычала.

– Ты чего? – подошла к нему вновь Лера. – Не узнаешь?

– Р-р-р, – отступил Терри еще на шаг.

Дверь в кабинет открылась, и вошла Таня.

– Лерчик, ты чего тут эксперименты ставишь, к ресторану ж еще готовиться надо. Или ты так собралась идти?

– Ну... надо закончить, – произнесла Лера и отвела взгляд.

– Так давай скорее, хочешь, подброшу до дома?

– Не, Танюш, мне еще часа на пол работы.

– Гляди, а то опять со старьем своим закопаешься. Мне кажется, собак надо вовремя сдавать в переработку, чтобы они не засоряли город.

– Вот и Коля так говорит, – вздохнула Лера, твердо решив не спорить, чтобы подруга поскорее ушла.

– Умница он. И все больше мне нравится, – усмехнулась Таня. – Побегу тогда. Коле привет. И аккуратнее с этим хламом – у него, похоже, даже обязательное дружелюбие не встроено.

– Точно, – закатила глаза Лера. – Как же я отвыкла от нормальных собак!

Таня уже выбежала, а Лера подобралась к Терри, отступившему к самой стене, и ловким движением открыла сервисную панель. Песик все равно умудрился это заметить и попробовал цапнуть за руку.

Толком кусать эта модель не умела, да и зубов как таковых у Терри не было, но Лера скривилась и попятилась. Родной, близкий, самый лучший друг... укусил ее!

– Что за!.. – рассердилась она, быстро подсоединила переходник и заблокировала собаку. – Не может быть... Не верю... Так не бывает...

С каждой новой строчкой на сервисном планшете ярость внутри нее накалялась все сильнее. Стиснутые губы побелели, и если бы сейчас сюда кто-нибудь вошел, то ему бы очень сильно не повезло. Лере хотелось, чтобы появился главбух или директор, подписавший очередной дурацкий контракт с догшерингом, – даже Светка подошла бы. Гнев требовал выхода, но, как назло, никто так и не вошел.

Лера стояла рядом с выключенным Терри, стиснув кулаки, и ругалась:

– Тварь! Мразь! Вот, значит, как... Вот же тварь!

Старая металлическая дверь гулко гудела от многочисленных ударов. Лера начала было стучать ногами, но тут раздался щелчок замка, и дверь наконец-то отворилась. На пороге стояла Таня с выпученными глазами.

– Ты че, Лерчик, рехнулась? Звонок, что ли, не работает?

– Ну его... – выругалась Лера и вихрем вбежала к подруге в квартиру, потирая покрасневшие кулаки. – Он мне, гад, жизнь сломал, понимаешь?! Ладно сломал, так еще и в душу плюнул, мразь!

– Кто? Колька?! – захлопнула Таня дверь и уставилась на подругу.

– При чем тут Коля?! – удивилась Лера и скинула кроссовки. – Он тоже оказался еще тем... Но я не о нем.

– Погоди, про кого ты, вообще?

– Да отец мой! Ты понимаешь, мало того что меня с мамой кинул, сбежал, как ветер в поле. Так он себе еще и дочку завел! Как тебе?! – вцепилась она в Танин халат и заплакала. – Поменял меня, как собаку в догшеринге, тварь. У-у-у!

– Ничего не понимаю, – пробормотала Таня и обняла рыдающую подругу.

Они простояли так пару минут, после чего Таня встрепенулась и поволокла Леру на кухню. Усадила ее за стол и достала универсальную рюмку. Поглядела снова на подругу и парой нажатий преобразовала рюмку в стакан.

– На вот, выпей. Полегчает, – налила она коньяка, который наполнил кухню легким приятным ароматом. – Французский. От предпоследнего кавалера остался.

– Н-не хочу, – отодвинула Лера стакан и всхлипнула.

– Глотни, говорю. И расскажи толком.

Лера пригубила коньяк, потом сделала небольшой глоток и скривилась:

– Ты понимаешь, он мою собаку... Терри... он его... ей...

Она снова зарыдала в голос, Таня сделала пару глотков из бутылки и села рядом с подругой.

– Понимаешь, Танюш. Он дочку себе завел и собаку мою ей подарил.

– Какую собаку-то?!

Лера вытерла покрасневшие глаза. Глубоко вздохнула несколько раз, снова отпила из стакана и, сжав кулаки, сказала:

– Терри! Помнишь, я тебе рассказывала? Палыч сегодня заказ принял – оказывается, это мой отец, тварь такая, Терри в ремонт сдал. Я в бэклоге покопалась, все совпадает. И хозяйка сейчас у него прописана – семилетняя Надя Белкина.

– Так и что?

– А то, что он даже со мной не связался ни разу! Терри назло забрал. И это из-за него вообще мне в жизни не мужики встречаются, а одни козлы-ы-ы... у-у-у...

– Вот это точно, Лерчик, – вздохнула Таня и наполнила стакан до краев.

Когда заспанная и слегка опухшая после вчерашнего Лера вошла в свой кабинет, то сразу, не переодеваясь, пошла к Терри.

Пять минут работы – и старые данные, которые так никто и не удалил, восстановлены, а новые записи отправлены в архив. Лера задумалась и активировала пункт по уточнению внешнего вида. Она включила Терри, и тот просканировал ее повзрослевшее лицо.

– Гав-гав! – радостно залаял Терри и замахал хвостом.

– Узнал! – улыбнулась Лера и погладила его.

Песик радостно забегал вокруг, немного припадая на правую ногу.

– Ты вернулся! – схватила его Лера и обняла.

Ей хотелось плакать, смеяться, мечтать и простить всех. Или почти всех.

– Палыч, – набрала она приемщика. – Здесь такое дело. Собаку вчера, помнишь, сдавали? Да, старую. Ага. Безнадежная. Там все внутри сгорело, аккумулятор кинула временный, но сервоприводам конец, проц на грани. Проще две новые купить. В общем, его только в утилизацию. Вернуть? Нет-нет, не сможем. В этот раз все по закону – в утилизацию. Да, доки на компенсацию хозяевам я подам, через неделю-полторы придет департамент. Ага, давай.

Лера вся светилась. Правда, и сама не могла понять, чему радовалась больше, – тому, что снова встретилась с другом, или тому, что отомстила отцу. Хотелось верить в первое, но противное липкое и одновременно приятное ощущение мести все равно не покидало. Это было как-то неправильно, не так, как ее учили.

– Ну и ладно, вот остался бы со мной и воспитал бы правильно, – отмахнулась она от надоедливой совести.

Собака ведь и впрямь старая, не сегодня завтра утилизируют. Кто Терри для них? Очередная игрушка? Друг на час? Дурацкая прихоть избалованной сводной сестры? А может, подарок от нечего делать? Для них он бездушная кукла, с которой можно поиграть и отложить подальше. А для Леры друг и целый мир. Тот самый мир, где светло, где тебя поддержат и пожалеют, помогут и не дадут в обиду. Где от мамы пахнет духами, а от настоящего папы – табаком. Мир, где все счастливы, и счастью этому, словно Вселенной, нет предела.

– Я тебя почию, мой хороший. Потерпи немного. Почистищу, приводы пересоберу. Будешь как новый. Вот же затаскали тебя, бедняга.

В голове рисовались картинки, как пухлая истеричка Надя (почему-то сестра представлялась именно такой) пинает Терри за то, что тот не выполнил вовремя команду. Пес и впрямь был с небольшим браком, как уже потом выяснила Лера, часто встречающимся в этой модели. Или, быть может, эта Надя просто споткнулась о Терри, не замечая, как тот стоит и просит, чтобы с ним поиграли.

А может, специально пыталась сломать ему ногу, не обращая внимания, с какой преданностью в это время смотрит на нее Терри и виляет хвостом. Вот ведь гадость мелкая! Самой бы ей руки пооткручивать. Ну ничего!.. Больше Терри ей не достанется, теперь у него есть настоящая хозяйка!

Светило яркое солнце, и на редких проблесках неба, что мелькали среди бетона и стекла, не было ни облачка. Лера шла на работу и пела вполголоса. Она уже почти перестала обижаться на Колю, который последние два дня только и делал, что присылал из командировки сообщения с извинениями. А дома ее ждал радостный и преданный Терри.

Рядом со входом в клинику стояла незнакомая машина. Так рано клиенты обычно не приезжали. Послышался детский плач. Лера оглянулась по сторонам, но никого не увидела. Она даже остановилась и прислушалась. Тихие всхлипы доносились из открытого окна машины.

– Ты чего плачешь? – спросила Лера, заглянув внутрь. Сзади, поджав ноги, сидела девочка с длинными волосами и вытирала непрекращающиеся слезы. – Тебе, может, помочь? Маму позвать. Она там?

Девочка только замотала головой и заплакала сильнее.

– Сейчас я пойду и найду твоих маму или папу, – решительно сказала Лера и тихо добавила: – Сыпать бы таким родителям.

– П-па-апа с-сейчас при-идет, не н-надо вс-сыпа-а-ать, – сквозь рев выдавила девочка.

– Хорошо. Ну успокойся, пожалуйста. Может, тебе воды принести?

– Н-не н-на-адо...

– Ой, вы извините, дочка совсем расстроилась. Мы ветеринара дождемся и поедем, – раздался сзади мужской голос, и потянуло забытым запахом табака.

Внутри все сжалось. Голова начала кружиться, а ладони тут же вспотели. А может, не виноват? Может, извинится... Ну объяснит как-нибудь, и у нее получится простить? Может...

Лера превратилась в сжатую пружину. На немеющих ногах она развернулась и попыталась как можно увереннее произнести:

– Я-я... я ветеринар.

Голос не послушался и сорвался. Но это было неважно. Перед ней совсем другой и совсем такой же папа. Ей будто снова пять, и она, как тогда, смотрит на него глазами полными слез, сжимая в руках развалившуюся на две половинки тарелку. И эти половинки никак не хотели склеиваться обратно. Ни каша, ни замоченная в воде мука не помогали. Но, может, папа ее простит и не скажет маме?

– Здорово как, а то мне сказали, что вы только через полчаса будете, – улыбнулся он.

И, как всегда, улыбка оказалась на одну сторону больше. Все как раньше, только морщинки заметнее.

– Ч-что? – непонимающе спросила Лера.

– Да не переживайте вы так из-за нее, она уже второй день ревет. Скоро успокоится, надеюсь. Мы ведь и приехали сюда из-за этого.

Ее как будто столкнули в холодную воду. Все сжалось. В глазах потемнело. Не узнал... или притворяется? Но нет. Похоже, что и впрямь не узнал. Родную дочь. И как только она могла подумать о прощении?! Простить вот эту вот...

– Очень нужна ваша помощь. Понимаете, дочка у меня в гараже собаку нашла, старую такую. Заставила меня инструкцию к ней отыскать. А как ее включили и запрограммировали, так уже полтора года они не разлей вода. Вот никак не оторвать ее от Рекса. Даже спят в одной кровати.

– Рекса?

– Да-да, она его так назвала. И тут вот какое дело... Давайте немного отойдем, – заговорил он шепотом и отошел от машины. – У нас гости были, и Рекс после этого включаться перестал. Вы бы видели Надю, она чуть с ума не сошла. В себя пришла только тогда, когда мы клинику нашли, где за такую старую собаку возьмутся. А вчера сказали...

Он замялся и потупил взгляд. Точно так же, как порой делал при разговорах с мамой.

– Сказали, что его в утилизацию надо. Нет-нет, я все понимаю. Сломался, не работает. Но можно мы его все равно заберем? Пусть он больше не бегает, аккумулятор можете удалить, чтобы опасности не создавать. Но Наде очень нужен ее Рекс. Ну как память, что ли... Понимаете?

О да, она понимала. Ей, значит, нужен, а Лере тогда не нужен был?! Память... Как он вообще смеет?! Какое он право имеет?! Да кто он такой!

– Нет, – сухо произнесла Лера. – К сожалению, ничем помочь не могу. Пса позавчера утилизировали, документы на компенсацию получите через две недели. Прощайте.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и под усилившийся рев почти побежала в клинику, стараясь не расплакаться от накатившей волны отчаяния и обиды, от всей этой несправедливости и подлости.

Ветер свистел, поднимал пыль и с легкостью пробирался сквозь куртку. Лера стояла рядом с бетонной опорой пятого кольца и старалась дышать ровно и не спеша. По ту сторону дороги высилась пара сохранившихся многоэтажек-собянинок с небольшими зеленеющими дворами.

Она вся замерзла, но так и не решилась сдвинуться с места. Взять бы и уехать, но зачем тогда было приезжать сюда? Раздался звонок, отвлекая ее от мучительных переживаний.

– Коля?

– Привет, солнце! Пойдем сегодня в «Скибби»?

– Что? Ты ведь еще два дня в командировке.

– Да ну ее! Я на Закира все скинул. Пусть разгребает, а с меня хватит. Хочу к тебе.

– А как же бронь?

– Ну я ее чуть заранее перенес, но все не знал, удастся ли вернуться пораньше. Ты уж прости, что не получилось в день годовщины.

– Да ладно, проехали уже давно. Но ты уверен, что...

– Уверен, Лер. Больше всего на свете я уверен, что никто и ничто не сможет мне заменить такого чудесного и удивительного человека, как ты! От носа до кончиков пальцев уверен! С макушкой в придачу. Я люблю тебя и хочу быть только с тобой!

– Коленька... я...

Слова в голове смешались, хотелось плакать от счастья, купаться и утонуть в бескрайнем ощущении радости.

– Солнце, жду тебя вечером. Объявили регистрацию! Спешу к тебе! Пока.

– Пока, любимый.

Витраж внутри нее изменил очертания и формы, но снова засветился под солнечными лучами. Все остальное в одно мгновение стало неважно, и она пошла к многоэтажкам. Среди утренних прохожих попалось несколько спортсменов с взятыми в догшеринге собаками для пробежек, проковылял старик с ротвейлером старой модели. Прошла навстречу девушка в строгом платье и с левреткой на руках.

Лера подошла к седьмому подъезду и позвонила в сто двадцать вторую квартиру.

– Кто вы? – раздался детский голос.

Лера понимала, что девочка, скорее всего, с недоумением рассматривает ее голограмму в домофоне, но не могла так легко пересилить себя.

– Кто вы? – повторила девочка.

– Скажи, а дома... папа? – смогла наконец произнести Лера.

– Да, сейчас!

– Здравствуйте. Что вы хотели? А вы ведь из ветеринарной клиники?

– Да. Знаете, мне удалось спасти Те... Рекса.

– Ура!!! – раздался радостный крик на заднем плане.

– Правда? Ой, да заходите скорее, что же я все не открываю?

– Не стоит. Спуститесь, пожалуйста. Коробка тяжелая, да и мне уже бежать надо.

Не дожидаясь ответа, Лера отключила домофон и бережно поставила рядом с дверью большую коробку с надписью: «Наде Белкиной. Люби и дорожи настоящим другом, который никогда не предаст».

Еще секунду Лера постояла рядом, развернулась и быстро пошла, смахнув слезу. На душе стало легко и светло. Она была уверена, что у Терри снова появится настоящий друг, который считает его тем, кто он есть на самом деле.

Когда Лера села в метро, она снова погрузилась в воспоминания, которые память на долгие годы заблокировала, а теперь вот они всплыли, такие невероятно яркие.

Осенний мокрый, холодный вечер. В коридоре стоит потупившийся папа, почему-то одетый, а мама рядом – вся раскрасневшаяся и злая. Я должна спать, но, услышав шум, прокралась потихоньку и подсматриваю.

«Это конец, понимаешь?» – едва сдерживалась мама.

«Но...»

«Так больше не может продолжаться. Все решено. Уходи сейчас же. Я тебя никогда не прощу, понял?! – шипит мама, должно быть стараясь меня не разбудить. – Чтобы к нам больше ни ногой и про Леру забудь. Только попробуй с ней связаться! Засужу!»

Папа, понурившись, пытается еще что-то сказать, но даже я знаю, что в такие моменты маму не переубедить.

«И псину эту свою забирай, чтобы глаза мои больше ее не видели! И так уже с ума Лерочку свела. Уходи».

Папа вздыхает и открывает дверь. Мне хочется закричать, броситься к нему на руки, остановить это все, непонятное и непоправимое. Но что-то меня удерживает, и я только и могу, что замереть и тихонько плакать. А может быть, все это сон? Да конечно! Просто ночной кошмар. Нужно вернуться в кровать, закрыть покрепче глаза, и я проснусь уже в нормальном мире.

Лера обычно рассматривала пассажиров в метро, от скуки пересчитывала андроидов в вагоне, вспоминала типы прошивок всех встреченных собак. Но теперь она просто улыбалась и смотрела в одну точку. И из этой далекой невидимой точки выросло ее счастливое будущее. Нет, она все еще не простила отца, который мог ведь, в конце концов, пойти против маминой воли, нарушить судебные запреты, отыскать ее, когда она уже стала старше. И неважно, что мама сменила им фамилии, неважно, что продала их дом и уехала в столицу. Все равно мог бы. Вдобавок Лера все еще обижалась на него за то, что он ее не узнал. Но при этом понимала, что это все уже не глубоко ранит и, возможно, скоро пройдет. В ее жизни появился настоящий мужчина, и, кажется, постепенно возвращается на свое законное, давно пустующее место в витраже тот самый главный человек – папа. А рядом с ним на тоненьких Надиных ручках лежит сложенный из стеклянных разноцветных плиток Терри и виляет хвостом.

Вера Плауде

Мишка

Огромное оранжевое солнце, скользя лучами по зеркальным стенам зданий, скатилось за невидимый горизонт. В воздухе пахло майскими дождями, городской пылью и еще чем-то неосоздаемым – надеждами, ожиданиями чего-то... или кого-то.

Андрей объехал очередной раз вокруг зданий в «Москва-Сити» и стал напротив выхода из башни «Око». Включил аварийку. Раз в час Оля писала очередное сообщение, чтобы он подождал еще чуточку. И еще чуточку. Заваливала смайликами. А он злился. Это была абсолютно бессильная и беспомощная злоба. Потому что злился он не на себя и не на Олю – на нее злиться было вообще бесполезно, и Андрей это знал. Он отчаянно злился на свою чертову зависимость от этой девушки. Только когда ее не было рядом, как сейчас, он мог более-менее трезво оценивать свое жалкое положение.

«Олень и тряпка! – думал он. – Опять об тебя вытирают ноги... А ты сидишь и ждешь. Для чего? Уезжай прямо сейчас и езжай туда, где ты должен быть...» И он представил, как его бывшие однокурсники поднимают кружки с пивом, поздравляют Макса с днем рождения.

Автомобиль продолжал мигать аварийкой. На улице быстро стемнело, но в окружении сотен окон, уходящих далеко ввысь, это было почти незаметно.

«Все, на фиг!» – решительно подумал Андрей.

И хотел уже было отъезжать, как стройная девушка с копной ярко рыжих волос, в неоновом салатном мини-платье выскочила из стеклянных дверей башни «Око» и юркнула в машину.

Она быстро взглянула на парня – тот сидел, высунув локоть в открытое окно машины, и, сдвинув брови, барабанил пальцами по рулю.

– Ну, Лю-ю-ю, – виновато начала девушка, она протянула руку, чтобы поправить парню челку, но он отодвинул ее руку. – Ну я же не знала, что там все так затянется, – сначала Лику долго ждали, потом гримировались, потом съемка... туда-сюда... – оправдывалась девушка.

Парень глубоко вздохнул и отвернулся. Девушка порывисто и крепко обхватила его руками и звонко чмокнула в ухо. Добро пожаловать в тюрьму!

Он аккуратно убрал завитки ее волос со своего лица. Сзади кто-то посигналил.

Парень выключил аварийку, отъехал от тротуара.

– Лю, не сердись! Ну мур-мур-мурrrrr, – ластилась девушка, широко улыбаясь идеальными белыми зубами.

Она пыталась поймать взгляд парня, но он сосредоточился на дороге. Кончиками длинных ногтей она начала легонько гладить ему шею, затылок, нос, чесать за ухом.

– Ну ладно, Оля, – наконец произнес он, но совсем не так твердо, как ему хотелось бы. – Я не могу понять, почему я должен часами тебя ждать. Если так сильно задерживаешься, можно же просто взять такси? – Парень недовольно покосился на Олю. – Я еще неделю назад обещал Макс, что буду сегодня, а в результате что?.. – спросил он.

– Ну, Лю, мне приятней ехать с тобой, а не в занюханном такси, – сказала девушка, капризно кривя губки. Жесты у нее были манерные, движения плавные, и она прекрасно осознавала свою безраздельную власть над ним.

Девушка провела руками по своим длинным и гладким ногам, скинула туфельки и, перехватив зачарованный взгляд Андрея, с улыбкой начала разминать пальцы ног с яркими ноготками. – А Макс этот твой... – Она фыркнула. – Я, конечно, понимаю, что институтский друг и все такое, но за столько лет вы как бы немножко изменились. Кто-то взлетел наверх, а кто-

то скатился вниз! Я люблю и уважаю людей, которые не стоят на месте, а растут! Развиваются, апгрейдят себя! – с вызовом сказала она, откинув назад волосы.

– Оль, Макс апгрейдит себя. Он офигенный математик и ведущий инженер-программист в Яндексе.

– Андрей! – перебила его девушка. – Ты тоже программист и инженер и все такое, но у Макса воняют носки. Фу, короче! – выпалила девушка и отвернулась.

Какое-то время они ехали молча.

Андрей следил за дорогой и поглядывал украдкой на Олю. Когда она была рядом, голос критики умолкал. Он становился робким и податливым, как под гипнозом. Оля тем временем поднимала телефон, сворачивалась на сиденье клубком в разных ракурсах – делала селфи и сразу выкладывала в «Инстаграм».

– Между прочим, у Лики полтора миллиона фолловеров! – тараторила Оля. – Полтора миллиона! Прикинь! После сегодняшней сессии с ней у меня тоже вырастет подписота!

Она обняла Андрея и осыпала поцелуями его щеку.

– Спасибо тебе, что оплатил мне эту фотосессию с ней!

От ее прикосновений по телу Андрея пробежала волна волнующей нежности.

– А сейчас сколько у тебя подписчиков? – спросил он, разглядывая Олино лицо.

– Ой, не помню точно. – Девушка отстранилась от него и поправила волосы, глядя в телефон. – Сто или двести – неважно, сейчас важна цель! А цель – миллион!

Она запрокинула голову, закрыла глаза, на лице заиграла мечтательная улыбка. Она глубоко вздохнула, потом сделала несколько жестов руками перед лицом.

– Что это ты делаешь? – спросил Андрей, млея от умиления.

– Отправляю запрос во Вселенную! Я накапливаю энергию, запрашиваю Вселенную, а Вселенная мне все дает... через тебя. Ты реализуешь все мои запросы! Так это и работает!

Андрей еле сдержался, чтобы не засмеяться.

* * *

Они оставили машину в подземном паркинге и за несколько секунд взлетели на сверкающем металлом и зеркалами скоростном лифте на двадцать третий этаж. Вошли в квартиру.

– Погоди, не включай свет, – прошептала Оля.

Она взяла Андрея за руку и подвела к огромному окну во всю стену – внизу до самого горизонта рассыпались, подмигивая, миллионы огней.

– Выглядит захватывающе, грандиозно. – Девушка провела рукой по стеклу.

Парень в темноте пожал плечами. Он дышал тонким ароматом ее волос, и какая разница, что она при этом говорила?!

– Может, все-таки купим эту квартиру? – спросила она.

Андрей вздохнул:

– Оль, ты же знаешь, что те деньги, которые я получил за проект... Я мечтаю о доме в Подмосковье: свежий воздух, простор, квадроцикл...

Андрей глубоко вздохнул. Он отвлекся от девушки и посмотрел в окно. Где-то там, далеко внизу, он нашел глазами еле заметную в темноте крышу дома, где он жил до встречи с Олей.

«Там ты спокойно, без всех этих качелей, пил пиво на кухне с Максом, ходил в футболке с пятнами, ночами работал, тренировался и мечтал», – подумал он с тоской.

Девушка будто почувствовала, что кто-то покушается на ее власть. Она резко повернулась и крепко впиалась в парня.

– Скучная деревенская жизнь не по мне, – засмеялась Оля. Ее тело было такое теплое, податливое и притягательное. – И когда-нибудь я смогу тебя переубедить, – добавила она, глядя ему в глаза – близко-близко.

«Или я тебя...» – подумал Андрей.

* * *

Через час Оля с чалмой из полотенца на голове, накинув крошечный шелковый халатик, заглянула в кабинет, где, склонив голову, сидел перед тремя большими мониторами Андрей, – он был увлечен работой.

– Лю, ты же помнишь, что у нас завтра? – спросила она.

– Конечно помню, – отозвался Андрей, с трудом отворачиваясь от мониторов. – Завтра день рождения у самой милой, красивой и крутой девочки в мире.

Оля запрыгнула к нему на колени и обхватила его шею руками.

– Какой ты хочешь подарок? – Андрей погладил ее по волосам.

– Очень-очень хочу один подарочек! Уже выбрала! – зашебетала Оля.

– Показывай.

Девушка вскочила, подхватила с дивана свой телефон, вернулась на колени к парню и показала на экран.

– Оль, это что, настоящий щенок? Ты хочешь собаку?

– Да, Лю! Это щенок породы самоед, – Оля восхищенно рассматривала фото бело-снежных щенков.

– Сам себя ест? – спросил Андрей, разглядывая фотку невероятно пушистого и совершенно белого щенка с черным глянцевым носом и задорной щенячьей улыбкой.

– Очень смешно. Это самоедская лайка – вообще-то, это северная ездовая собака.

– Мы собираемся ездить на севере? – иронично спросил Андрей.

– Ну, Лю! На них не ездят уже. Посмотри, это же таки-и-и-е милые мимишечные песики! Добрые, ласковые и красивые! У Лики шпиц Кекс, белый и пушистый, благодаря ему она и стартанула в инсте – делала обзоры о щенке и его повседневной жизни. Подписота была в восторге!

– Оля, – строго сказал парень, пересаживая ее с коленей в кресло рядом. – Ты хочешь завести собаку для фоток и постов в инсте?

– Ну нет, конечно, Лю! – быстро ответила девушка, отводя глаза. Потом положила руки парню на колени: – Это я так...

Оля поелозила в кресле. Хныкнула, как ребенок, и продолжила уже грустным голоском:

– Посмотри, как мы живем? Работа, рестораны, дом... и все!!!

– Это не дом, а квартира. Еще я занимаюсь спортом, мы ездим отдыхать, – возразил парень. – А собака, тем более такая крупная, это большая ответственность. Ее нужно учить, мыть, кормить, за ней нужно убирать! С собакой лучше жить в своем доме, – и в этот момент у него промелькнула искра надежды. – Но ты же не хочешь дом, – быстро добавил он, отодвигаясь.

Девушка на мгновение задумалась, замерла, хлопая длинными ресницами.

– Ну... я не то чтобы прям не хочу, но я же никогда не жила в доме. Бунгало на Мальдивах ведь не считается, – улыбнулась она, глаза ее бегали. – Если ты подарешь мне такую собаку, мы, может, и подумаем насчет дома.

– Ну ладно, – сказал Андрей, придвигаясь к девушке. – Смотри, квартира эта съемная, и далеко не факт, что нам разрешат здесь завести щенка, – это раз. Кто будет гулять с собакой и заботиться о ней – это два. Щенок же как ребенок! – Парень заглянул ей в глаза.

– А я бы очень хотела посмотреть, каким ты будешь папой! – сказала игриво девушка. – Владельцы квартиры разрешили – это раз!

– В смысле?

– Да, я им позвонила и попросила! И они разрешили, Андрей!

– Мне нужно подумать... и закончить работу, – сказал парень и повернулся к компьютеру. Девушка встала с кресла, обняла его за плечи и прошептала:

– Я обещаю, что буду заботиться о собаке, и гулять с ней, и кормить – это два! Я всегда так мечтала о собаке, ну пожалуйста! Ну, Лю!

* * *

На следующее утро Олина страничка в инсте была заполнена ее фотографиями в коротенькой розовой пижамке с букетами цветов разной величины. Бесконечно сыпались поздравления и смайлики: поздравляли красотку, принцессу, милашку, кошечку, лапочку, леди и желали ей всего, всего, всего!

Оля с Андреем припарковались во дворе многоэтажки, возвышающейся напротив Ваганьковского кладбища.

Поднялись на нужный этаж и позвонили в квартиру.

– Лю, я так волнуюсь, – сказала Оля, сжимая руку парню. Дверь открыла маленького роста женщина с короткой стрижкой, из-за спины у нее выглядывала крупная мохнатая белая собака.

– Это у нас мама малышей, – сказала заводчица, широко улыбаясь и пригласила: – Проходите сюда.

В отдельной комнате за деревянным ограждением возились три щенка.

– Две сестренки и братик, выбирайте.

Щенки тявкали, подталкивали друг друга носами, подпрыгивая и заваливаясь на бок.

– Какие же они классные! Карпузики! – воскликнула Оля и захлопала в ладоши.

Женщина насыпала немного корма в миски. Подталкивая друг друга, щенки пушистыми шарами покатались к еде и начали громко хрустеть.

Андрей присел на корточки перед ограждением. Вдруг один из щенков обернулся и посмотрел прямо на него своими глазками-угольками. Парень улыбнулся ему, щенок отвернулся от миски и, переваливаясь на толстых и широких лапах, подбежал к нему и ткнулся холодным носом в ладонь.

Андрей подхватил крупного лапастого щенка на руки, тот лизнул его в щеку.

Парень окунулся лицом в чистую белоснежную щенячью шерсть.

– Ой, какой хорошенький! – сказала Оля и погладила щенка по спине.

– Мы этого выбираем! – сказал парень, поворачиваясь к заводчице.

– Это мальчик, – она подошла и отвернула маленькое треугольное ушко, – здесь клеймо от клуба. Вот документы, ветпаспорт и щенячья карта. В ней прописано имя Мэйс.

– Посмотрите, он же настоящий Мишка! – сказал Андрей и потрепал крошечные треугольные ушки.

– Да-да, Мишка! – Оля захлопала в ладоши.

– Вы можете придумать свое имя, а в документах будет официальное.

– Он – Мишка!!! – почти одновременно сказали Оля и Андрей.

– Хорошо-хорошо, – улыбнулась заводчица. – А владельца вы впишете вот здесь: фамилию, имя, отчество, телефон.

– Меня, меня, – сказала Оля. – Это же пупсик мне в подарок!

Заводчица пожала плечами и передала Оле документы.

Они выслушали от заводчицы подробные рекомендации, а потом Андрей перевел заводчице деньги за щенка.

Через час Мишка уже топал у них по квартире, принюхиваясь и поскуливая. А вечером под лаунж-ритмы, смех Олиных подружек и звон бокалов Мишка, устроившись на бархатной лежанке, разбирал свои подарки – мячики, косточки, веревочки. Оля бегала за ним и снимала все на видео.

От шампанского ее щеки порозовели. Сидя на широком диване в гостиной, ее подружки перешептывались, смеялись и снимали бесконечные видосы, решая, куда поехать, – в клуб или ресторан.

В какой-то момент Мишка начал бегать по всей квартире, принюхиваясь и скулить. Обнимашки и сюсюканье Олиных подружек не помогали – щенок плакал все громче.

– Да что с ним такое? – негодовала Оля.

– Он ищет маму и сестер, – ответил Андрей. – Хреново ему сейчас.

Парень забрал щенка и ушел с ним в свой кабинет. Посадил щенка на диван, гладил по спинке, чесал за ухом, Мишка привалился к нему под бок и закрыл глаза. В комнату тихо зашла Оля.

– Лю, мы решили поехать в «Джипси» потанцевать! – прошептала она.

– Лучше Мишку не оставлять сейчас одного, он испугается, – ответил парень.

– Ну я тогда с девочками поеду, можно? – сказала Оля, потрепала шерстку Мишке, чмокнула Андрея и поспешно вышла.

* * *

Всю следующую неделю Оля ходила на прогулки с Мишкой, размещая бесконечные репортажи о нем в инсте. Курьеры коробками приносили Оле товары от спонсоров – костюмчики для прогулок, игрушки, мисочки, комбинезоны для Мишки. Один за одним приходили фотографы для фотосессий. Количество подписчиков в инсте и «Тик-токе» Оли день ото дня росло.

Мишка уже освоился и начинал свой день запрыгивая к ним на кровать. Он тянул одеяло, лаял и облизывал лицо то Оле, то Андрею.

– Лю-ю-ю-ю, выйди сегодня с ним, пожалуйста, – сонно прошептала девушка, убирая с лица волосы и перекладывая щенка поближе к Андрею. – Мне нужно будет сегодня на весь день уехать в «Тик-ток-хаус»... Еду к Лике. Может, запилим пару видосов. Кстати! – Девушка подпрыгнула, ухватила телефон. – Ты в курсе, Лю, что подписота резко выросла – больше тысячи на сегодня! Золотые вы мои!

– Но... – возразил было сонный Андрей.

Девушка залезла на него:

– Лю! Ну, пожалуйста, число фолловеров растет! Понимаешь? Останавливаться нельзя ни на секунду!

Она вскочила на кровати.

– Ой, кстати, а на следующей неделе мне нужно в Питер съездить, ну, может, дней на пять.

– Погоди, как на пять дней? А кто будет Мишкой заниматься? – Сон Андрея улетучился мгновенно.

– Лю, ну возьми отпуск на пару дней. Ты же можешь работать удаленно?

Не дожидаясь ответа, Оля расцеловала Андрея и Мишку, спрыгнула с кровати и хлопнула дверью в ванной.

Мишка, поскуливая, ткнулся холодным носом Андрею в щеку и привалился рядом. Щенок пах чистым, свежим и беззаботным детством, молоком и репкой.

– Идем-идем! – сказал Андрей, вставая и натягивая спортивные штаны. – Собираемся на прогулку, заодно посмотрим, не оставил ли ты лужи и мины сегодня на полу.

Щенок весело запрыгал за ним.

* * *

Лето выдалось сухим и жарким. Густой асфальтовый смог смешивался с выхлопными газами и неподвижно висел в раскаленном воздухе. Дома, улицы, парки, мосты, машины и люди – все, казалось, замерло и тихо плавилось, как забытый на лавочке пломбир.

Внедорожник съехал с МКАД и несся по широкому шоссе все дальше от города. Внутри дул прохладой кондиционер. Андрей сосредоточенно вел машину, Оля записывала сториз. На заднем сиденье в специальном гамаке Мишка, наострив треугольные уши и далеко высунув розовый язык, с интересом наблюдал за дорогой. Проехав так с полчаса, Андрей наконец свернул с шоссе, к шлагбауму.

– Мы почти на месте, – сказал он.

Оля оторвалась от телефона и огляделась. Куда ни глянь, тянулись поля, у самой линии горизонта угадывался лес. Машина въехала в поселок и покатила по улочке, по обочинам которой росли высокие, ухоженные деревья и кусты; кое-где небольшие фонтанчики осыпали искрящимися каплями свежую молодую короткостриженую траву.

– Тадам! Вот мы и на месте! – сказал Андрей, открывая пультом кованые ворота.

Машину запарковали у ворот на вымощенной плиткой площадке.

Мишка нетерпеливо гавкнул, переминаясь с лапы на лапу. Парень с девушкой вышли из машины. В лицо пахло вкусным насыщенным настоем трав, ветром. Сразу за площадкой покачивался ряд тонких, как свечи, кипарисов. А за ними начиналась небольшая лужайка. Справа Оля увидела бревенчатый дом, увитый виноградом, солнце поблескивало в его больших окнах. Андрей, улыбаясь, потянулся и выпустил Мишку. Тот ловко выпрыгнул из машины и, перекатываясь, как шар, припустил по лужайке. Он резвился на траве и бегал по кругу, заваливаясь на спину. Щенок был в восторге. Оля, прижимая к груди телефон, скептически, но с интересом осматривалась вокруг. Они пошли к дому по деревянной дорожке-трапу.

– Ну вот здесь мы и переждем жару, – сказал Андрей, оглядываясь на девушку.

– Хороший сюрприз, Лю! Интересно, а что там внутри? А бассейн здесь есть?

– Бассейн вон там, – показал он рукой на лужайку побольше по другую сторону от кипарисовой стены.

Небольшой бассейн синел водой. По периметру забора росли сосны, напротив дома была просторная беседка.

– Там есть мангал! – сказал Андрей, потирая руки. – Кстати, этот дом продается.

Оля сделала вид, что не услышала. Она пошла ко входу, включив трансляцию в «Инстаграме».

В доме было прохладно, пахло древесиной.

– Дом совсем небольшой, но милый и уютный, – говорила она постановочным голоском. – Это первый этаж, здесь гостиная и кухня. – Оля медленно обвела телефоном вокруг, демонстрируя каждую деталь. – Здесь посудомойка, холодильник. Ой, а это же настоящая деревянная печка!.. Представляю, как здесь здорово зимой... Сидеть вот в этом кресле, в бокале – винчик, смотреть на огонь, а там за окном пусть метет пурга... Ой, главное самой не нести пургу. – Она засмеялась.

Телефон она держала так, чтобы десятку ее зрителей была видна ее рука с ярким маникюром и стильным набором колечек и браслетиков. Девушка взбежала по деревянной лестнице на второй этаж, ступеньки скрипнули.

Андрей снизу слышал, как она описывает спальню, прыгая на кровати, ванную и гардеробную, а вот кабинет, видимо, оказался неинтересным для обзора.

– Подписоте тут нравится! – сообщила Оля Андрею.

Через пару дней за завтраком Оля сказала, не поднимая глаз на Андрея:

– Лю! Мне очень нужно в Москву. Там будут семинары по блоггингу – помнишь, мы с тобой обсуждали, обучение семь дней? Мне очень, очень нужно там быть.

Андрей неторопливо отпил кофе. Он никак не мог вспомнить, когда они обсуждали семинары, но с удивлением для себя понял, что не хочет выяснять подробности.

– Если нужно, то езжай, конечно, – ответил он, пожимая плечами. – Тебя когда отвезти?

Девушка бодро вскочила:

– Везти не нужно! Я уже вызвала такси! Зачем по жаре ездить? Да и с кем Мишка останется, – быстро добавила она.

Целый день стояла невероятная жара. Кондиционер охлаждал кабинет, Андрей, не отрываясь, работал и грел босые ноги о Мишкин бок.

Вечером по видео позвонила Оля.

– Как вы там с Мишкой? А здесь самая настоящая Сахара, – пожаловалась она, скручивая волосы в пучок на макушке. – Сегодня был первый день занятий и...

Андрей не очень вникал в суть ее рассказа, просто периодически кивал, рассматривая девушку. Она сидела, поджав загорелые ноги, бретелька розовой пижамки вот-вот упадет с плеча.

Отвлечшись от бретельки, Андрей обратил внимание, что Оля постановочно тараторит и поворачивает телефон точно так же, как снималась для своих фолловеров. Стало противно.

Оля зевнула, прикрывая рот:

– Лю, я уже отключаюсь. Спокойной ночи!

Она максимально приблизила к камере губы, произнесла: «Чмоки» – и отключилась.

Пока Андрей гулял по поселку с Мишкой, он почти убедил себя, что Оля не его человек и даже хорошо, что она сейчас отдалается, но когда он лег спать, то почувствовал от подушки ее запах. Быстро вскочил, натянул джинсы.

Через несколько минут они с Мишкой уже летели на всех парах в Москву.

– Мишка, тссс, тихо, понял? – подходя к их квартире, строго велел парень поскуливающему от нетерпения Мишке.

Андрей открыл ключом входную дверь, не включая свет, разулся, пошел в спальню. Зажег ночник. Кровать была ровно застелена, на покрывале лежала розовая пижамка. Отталкивая хозяина, Мишка вихрем ворвался в спальню и с разбегу приземлился прямо посреди кровати.

– Да уж, – сказал Андрей, глядя на улыбающуюся собачью морду. – Повода для радости не вижу.

Он опустился на край кровати, достал телефон. Нашел в «Инстаграме» и «Тик-токе» Олины страницы и подписался.

* * *

На следующее утро, когда Мишка по обыкновению запрыгнул на кровать и бодро и настойчиво толкнул носом хозяина в лицо, Андрей сразу проснулся и первым делом взялся за телефон. Там уже были Олины пожелания доброго утра, сообщения про то, что она уже на семинаре, были смайлики, сердечки и поцелуйчики. Было все, кроме искренности.

Андрей написал: «Ты хорошо выспалась? Не жарко было в квартире?»

Ответ пришел сразу: «Выспалась суперски! Мишка не возился под боком, ты не сопел! Я спала с открытыми окнами!»

Парень ответил: «Надеюсь, окна ты не забыла закрыть?»

В ответ Оля накидала смайликов.

Несколько раз Андрей порывался написать ей о том, что крутилось у него в голове со вчерашней ночи. Он писал сообщение, мысленно отвечал себе от имени Оли и потом все стирал.

Днем неожиданно приехал Макс с мясом для шашлыка и холодным пивом.

Даже в тени беседки, густо увитой виноградом, было жарко.

На столе стояли бутылки с пивом, валялись оторванные куски соленого леща. На круглом деревянном подносе дымилось ароматное мясо. Мишка вынюхивал воздух, высоко задрал нос. Он сделал максимально жалостливые глаза и, стараясь не моргать, буравил взглядом хозяйина. Тот не поддавался. Возле Макса стоял ноутбук, и он периодически отвлекался на рабочие вопросы.

– Понимаешь, как бы я ни сформулировал свою предьяву, она сможет придумать отмазку, – сказал Андрей. Он щедро налил соуса в тарелку, ухватил вилкой кусок шашлыка и хотел было отправить его в рот, но в этот момент перехватил умоляющий взгляд Мишки. Пес облизнулся и немножко поскулил для эффекта. – Ну ладно, держи уж, – Андрей кинул под стол кусок. – Хоть и нельзя тебе такое мясо, оно же в маринаде, – добавил он.

– Ага, нельзя, – хмыкнул Макс, проследив, с какой скоростью Мишка справился с подачкой. Щенок облизнулся и снова принял просительную позу. – Она не просто отмажет, – вернулся Макс к их разговору, – а еще и перекрутит все так, что ты же останешься виноватым. Типа все эти: «Да как ты мог такое обо мне подумать!»

– Точно! Или это: «Все с тобой понятно – судишь людей по себе! Кто видит везде измену – сам изменяет!»

– Во-во! – закивал Макс, пережевывая шашлык.

Помолчали. Мишка предупредительно постучал об пол хвостом, Макс кинул ему еще мяса.

– А давай сейчас хакнем ее телефон – вот все и выяснишь! – предложил он.

Андрей отмахнулся и сказал:

– Я мог бы давно уже это сделать – это не проблема.

– Ну?..

– Проблема в том, что я могу там найти.

– Не понял, – сказал Макс, открывая новую банку пива.

Андрей вздохнул:

– Если я найду там конкретные факты, ну или что там еще я могу найти... я должен буду сразу порвать с ней, так?

– Ну как бы да, наверное... А в чем проблема?

– А проблема в том, готов ли я к этому? Порвать можно хоть прямо сейчас, не имея фактов.

Макс нахмурился:

– Ну ты и загнул, конечно... Я тогда пас... – Он развел руками.

В беседке снова воцарилось молчание.

– Я, кстати, в Дубай завтра лечу, – сказал Макс, щелкая клавишами ноутбука. – Для криптопроекта нашел инвесторов. Петька Мезенцев хочет несколько миллионов закинуть, еще и пару человек с собой подтянул. – Парень резко оборвал фразу и посмотрел на Андрея.

Мишка нетерпеливо заерзал в ожидании лакомого кусочка.

– Слушай, Андрей, а погнали вместе? Мне понадобится твоя экспертиза, – предложил Макс, пересев поближе к Андрею и поставив между ними ноутбук.

– Хммм, а поехали! Может, и правда, так будет проще разобраться, – быстро ответил Андрей и вдруг осекся, глядя на улыбающегося Мишку.

Тот соорбил самые жалостливые глазки голодного пса, на какие только был способен, высунув розовый бархатный язык, с которого капала слюна.

– Эх, Мишка, Мишка, – Андрей нежно потрепал собаку по холке, погладил уши.
– С собакой не получится, там геморрой страшный, – не отводя глаз от монитора, сказал Макс.

– Это понятно, – задумчиво проговорил Андрей.

– Смотри сюда, – дернул его за рукав Макс. – Здесь схема процессов...

И друзья погрузились в работу.

Мишка какое-то время еще продолжал гипнотизировать их спины долгим взглядом, но, ничего не добившись, упал на бок и задремал.

Поздно вечером Оля позвонила по видеосвязи – опять из московской спальни. Она улыбалась. Андрей изо всех сил старался быть спокойным, поэтому изобразил крайнюю усталость.

– Как твои семинары? – спросил он.

– Очень круто! Они мне столько дают, что я даже не могу подобрать слов! – затараторила девушка. – Там же только лучшие... лучшие из лучших!

– Оль, мне нужно слетать в Дубай, Макс просит. Дней на пять.

Оля похлопала глазами.

– В Дубай? – переспросила она.

– Ну да.

– А зачем?

– По работе, у Макса там встреча с инвесторами.

Девушка помолчала.

– Как-то неожиданно, – сказала она. – Но очень интересно! А что за инвесторы? И зачем Макс ты?

Андрей вздохнул, поправил челку:

– Нелюбимый тобой Макс организовал свой криптопроект, создал криптобиржу. Инвесторы там самые разные...

– Старперы-толстосумы? – хихикнула девушка.

Андрей отмахнулся:

– Нее, такие в крипту не любят инвестировать, там другие ребята, один из них, например, наш с Максом сокурсник Петя. Поднял в свое время на битке не пойми сколько миллионов.

– И что вы там с миллионерами планируете делать? Они же с женами, с девушками, наверное, будут?

– Может, и будет пара встреч жен и девушек, я не в курсе. – Андрей улыбнулся. – Вообще, там неженатые в основном, а почему ты об этом спрашиваешь?

– Почему спрашиваю? – Оля приблизила глаза к экрану. – Потому что, мало ли, еще соблазнят и уведут тебя!

Андрей засмеялся:

– Там много и более интересных персонажей, чем я.

Девушка поджала губы.

– Оль, нужно подумать, как быть с Мишкой. У меня вылет завтра вечером, еще собраться нужно.

– Ой, я не знаю, Андрей, как и быть! У меня же учеба по блоггингу, – сказала девушка растерянно.

– Но занятия же не круглые сутки? Ты же можешь гулять с ним утром, перед семинарами, а потом вечером. Главное, оставлять много воды и еду на день.

Девушка закрыла волосами экран.

– Оль, ты сможешь присмотреть за Мишкой? Это всего на несколько дней.

– Ну да, попробую, – вздохнула она.

– Отлично, тогда завтра утром завезу его в Москву.

* * *

На следующее утро Мишка ни на шаг не отходил от хозяина. Они успели побегать, искупаться в бассейне, позавтракать. Потом Андрей сосредоточенно собирал сумку, а Мишка суетился рядом.

– Ну что, погнались, – сказал наконец Андрей и вытер пот со лба.

Пес слетел с лестницы и выбежал во двор. Пока охлаждали раскаленную машину, Мишка кружил по лужайке и валялся на спине. Наконец они погрузили вещи и сами сели.

Москва встретила их раскаленным дыханием. В квартире было душно и нестерпимо жарко. Андрей сразу включил все кондиционеры. Заглянул в спальню – на этот раз одеяло было скомкано, простыня смята, на прикроватном пуфике небрежно брошены несколько Олиных платьев. На кухне на столе стояла чашка недопитого кофе и валялась обертка от творожка в шоколаде.

Мишка распластался на своем коврик и, вывалив язык, тяжело и часто дышал, с интересом наблюдая, как Андрей упаковывает в сумку ноутбук.

Парень обошел еще раз всю квартиру, проверил большой пакет с кормом для Мишки в кладовке, налил ему воды.

Потом подошел и присел рядом с собакой на коврик. Мишка смотрел на хозяина снизу вверх своими черными блестящими глазами.

– Мишка, Мишка...

Пес в ответ радостно застучал по полу хвостом. Андрей погладил его мягкую шерсть. Пес положил голову ему на колено.

– Мне нужно будет ненадолго уехать. Но я скоро вернусь. – Он взял собаку за морду и посмотрел ей в глаза: – Ты понял меня? Я к тебе вернусь!

По дороге в аэропорт Андрей написал Оле, что Мишка остался в квартире, чтобы она обязательно гуляла с ним два раза в день, что корма много и он в кладовке.

– Лю! Все будет хорошо! – ответила девушка. – Хорошего полета!

* * *

Самолет компании «Эмирэйтс» приземлился в аэропорту Дубая в начале одиннадцатого вечера. На Андрея обрушился яркий свет, арабские мелодии, в воздухе витали тонкие восточные ароматы. Казалось, ими здесь пропахло все. Макс, со знанием дела быстро маневрируя в толпе, вывел их к выходу, где уже ожидало такси. За те несколько минут, пока Андрей с Максом садились в такси и потом шли от него к отелю, они успели прочувствовать настоящий жар пустыни. Однако скоро позабыли об этом ощущении, окунувшись в идеальный климат отеля.

Андрей подошел к окну своего номера, глядя на раскинувшийся внизу океан огней, и подумал про Олю. В голове вертелись отголоски эмоций и маячил вопрос: «Что ему делать? Как поступить с Олей?»

Следующие пару дней Андрей и Макс были с утра до вечера заняты работой, встречались с командой, ездили смотреть помещения под офис, проводили по много часов обсуждая технические моменты.

Оля прислала фото и видео с Мишкой, как они гуляют. Написала раз сто: «Лю, как же я соскучилась...»

На душе у Андрея было так же невыносимо и душно, как в Дубае на улицах. Особенно трудно было от того, что Оля забрасывала его сообщениями, звонками и видео. Она подробно расспрашивала о гостинице, ресторанах, о Максе и проекте. На третий день прислала фото

Мишки: он сидел рядом с выкрашенным зеленой краской железным забором, вид у него был растерянный.

«Лю, я отвезла Мишку в собачью гостиницу, – написала Оля. – Это хорошее, комфортное место. Здесь с ними гуляют, будут кормить – условия очень хорошие! Я не могу заниматься собакой и учиться одновременно».

Андрей растерялся. Первая реакция была – жалость к собаке. Он немного посидел, раздумывая и все взвешивая.

«Да, наверное, в гостинице эти пару дней Мишке и правда будет лучше, напиши, сколько нужно перевести за содержание. И дай адрес, телефон и контактное лицо».

Оля сообщила все, что он просил.

«А какие у тебя сегодня планы на вечер?» – спросила она.

«Ужинаем с инвесторами».

«Ух ты! А где?»

«Ресторан *AT.Mosphere*, в „Бурдж-Халифе“».

Через минуту Оля написала:

«Ого! Круто! Поискала про него, он на сто двадцать втором этаже!»

* * *

Ужин уже подходил к концу, Андрей попросил еще один бокал вина, парень-маркетолог из криптопроекта необъятных размеров доедал уже третий по счету десерт. На большом круглом столе блюда и бокалы стояли вперемешку с ноутбуками. Было шумно. Макс объяснял что-то Пете Мезенцеву и еще двум парням, тыкая вилкой в монитор. Андрей полез в сумку за планшетом.

– Фигасе подружка! – вдруг восхищенно чавкнул маркетолог, и изо рта у него выпал кусок клубники.

Все, кто был за столом, подняли головы. Андрей тоже обернулся и посмотрел.

К столику, сияя улыбкой и сверкая огромными сережками, в длинном коралловом платье, плавной царской походкой шла Оля. За ней услужливо бежал официант. За столом воцарилось молчание.

– Лю! – кокетливо сказала Оля и чмокнула Андрея в щеку.

Официант мгновенно подставил ей рядом стул. Девушка положила на столик крошечную сумочку, усыпанную крупными разноцветными камнями.

– Привет, Максик! – сказала она и протянула через стол руку Максиму, выставляя вперед длинные ногти и сверкая зеленым камнем на пальце.

Макс смущенно пожал ее руку. Оля обвела всех присутствующих внимательным взглядом и улыбнулась.

– Мне бокальчик шампанского, – велела Оля ожидавшему распоряжений официанту.

– Нет, так не пойдет! – сказал Петя, вставая.

Он подозвал официанта и что-то шепнул ему.

Вскоре официанты торжественно вынесли искрящее фейерверками серебристое ведерко с несколькими бутылками шампанского «Кристалл» и ловко расставили тонкие высокие бокалы.

– Оле-оле-оле-е-е!

– Уаууууу!

– Я хочу поднять тост за... всех вас! Вы такие крутые! И у вас все обязательно получится! – звонко продекларировала Оля.

Все чокнулись.

– Как ты здесь оказалась? – прошептал Андрей.

– Вот так! – тоже шепотом ответила Оля. – Я что, не знаю, какие здесь девушки околачиваются. Еще уведут тебя, – добавила она, стреляя глазами по сторонам.

– А я хочу поднять тост за прекрасную пару!

Петя встал. Высокий, мускулистый, загорелый – молодой и здоровый парень, не имеющий никаких проблем с генетикой и деньгами и не обремененный вредными привычками.

– Андрей, тебе очень повезло с такой красавицей! Береги ее! Мне бы такую, я бы ух-х-х! – добавил он.

Оля кокетливо хихикнула.

– Ой, здесь так жарко! – сказала она. – Я даже не ожидала! Как здесь вообще выживать? – сказала Оля, обращаясь вроде ко всем, но глядела на Петю.

Тот оживился:

– Легко и просто! У меня яхта здесь недалеко, будете себя хорошо вести – приглашу! – рассмеялся он. – Ладно, в любом случае приглашаю, даже если будете вести себя плохо! – добавил Петя, подмигивая Оле.

* * *

Глубоко ночью Оля с Андреем в обнимку пошли к нему в номер.

– А как же твоя школа блоггинга? – спросил Андрей.

– Ничего, подождет, – отмахнулась девушка. – В жизни есть и более важные вещи.

Она буквально повисла на Андрее – он хотел было ее отстранить, но не смог. Он почувствовал, как сильно соскучился.

«Ладно, потом», – отмахнулся он от ненужных мыслей.

* * *

– Какой все-таки роскошный город! – сказала Оля, любуясь на окутанные утренней дымкой стройные здания и сливающийся с горизонтом океан.

Андрей встал, подошел к ней и обнял. Она была такая свежая после душа.

– Знаешь, в чем наша с тобой основная проблема? – спросила вдруг девушка.

– В чем же? – Андрея словно ударило током.

– Ты не видишь во мне личность! Тебя вообще я – такая как есть – не очень-то интересую, – сказала она.

– А что же тогда меня интересует?

– Моя внешность, и всё. У тебя ко мне несерьезное отношение, и я это ощущаю!

Андрей отстранился от девушки и налил себе стакан воды.

– Какие у тебя планы на день? – как ни в чем не бывало спросила Оля, мельком взглянув в свой телефон.

– Хочу в спортзал сходить, потом вернусь, и поедем с Максом еще одно помещение под офис посмотрим. А ты бы что хотела?

– Ммм, а я со знакомой одной договорилась встретиться, посидеть, кофе выпить, я бы еще по магазинам погуляла или в бассейн... Подумаю.

Андрей надел спортивную форму, закинул на плечо поясную сумку с документами и телефоном. Оля подошла и поцеловала его.

– Хорошего дня! До вечера, – прошептала она ему на ухо.

* * *

После тренировки, душа и легкого завтрака Андрей вышел наконец из отеля и сел в такси. Они договорились с Максом встретиться ближе к обеду, так что у него была пара свободных часов. Он заехал в «Дубай Молл». Наслаждаясь прохладой и восточными ароматами, пошел вдоль огромных витрин. Наконец увидел в одном магазине сверкающие камнями украшения. Здесь он выбрал лаконичное колечко с крупным камнем. Макс щедро заплатил ему за участие в своем проекте.

– Прекрасный, прекрасный выбор, – нахваливал продавец, бережно впечатывая кольцо в ложбинку красной бархатной коробочки. – Ваш женщина будет доволен, будет сиять, как этот бриллиант!

Андрей улыбнулся, положил коробочку во внутренний карман летнего пиджака.

Он прошел еще немного, выбирая место, где выпить кофе, и вдруг остановился как вкопанный. За стеклом кофейни он увидел Олю в платье с крупными цветами и босоножках на высоком каблуке. Сияя улыбкой, она сидела за низким столиком, а Петя Мезенцев рассказывал ей на ухо что-то, видимо, очень забавное. Андрей хотел было зайти, но в этот момент увидел, как Оля провела рукой по колену собеседника. Она засмеялась, на секунду убрала руку и положила снова.

Андрею стало холодно, машинально он повернулся и пошел к выходу из молла, то и дело натываясь на людей. Вызвал такси и вернулся в отель. Дрожащими пальцами купил билет на ближайший рейс в Москву. Как в тумане, собрал вещи и выехал в аэропорт. Уже из аэропорта он написал Максиму, что ему срочно нужно вернуться в Москву.

– Что-то случилось? – спросил тот.

– Потом объясню, Макс, ладно? Не дергай сейчас, – ответил Андрей.

В телефон начали сыпаться сообщения от Оли. Он его выключил.

* * *

Уже поздно вечером Андрей вошел в свою московскую квартиру. Там было жарко, душно и пусто. Как на чужбине. Заглянул в спальню. Кровать аккуратно застелена, дверцы шкафа открыты, Олина часть зияла пустотой.

Рано утром Андрей выпил кофе, надел вчерашнюю футболку, летний пиджак и брюки – разбирать вещи было лень. Минут через десять он уже ехал по адресу гостиницы для собак за Мишкой. Приют был в Подмоскovie, и Андрей домчался туда очень быстро, без пробок. За высоким зеленым забором виднелось небольшое здание, по периметру участка – множество вольеров.

– Здравствуйте-здоровствуйте, – поздоровалась с Андреем приятная и улыбочивая женщина-волонтер в полинялой кепке.

– Я приехал за Мишкой – белая пушистая собака, самоед.

Женщина вскинула брови и покачала головой:

– Ну конечно я помню Мишку! Его отдали вчера.

– Что значит «отдали»? – заволновался Андрей. – Его привезла несколько дней назад моя... девушка, на передержку.

– Да, его привезла девушка, Ольга кажется, такая яркая. Я как раз была на смене, она привезла его не на передержку, а сдать, с документами. Она сказала, что переезжает в Дубай и нам нужно подобрать для Мишки новых хозяев.

– В смысле как новых хозяев? – опешил Андрей.

Волонтер развела руками:

– И я несколько раз еще переспросила, ведь собака такая хорошая, приветливая, ухоженная, явно же живет в любви и хорошей атмосфере, я аж прослезилась – сама бы забрала, но у меня своих пять собак, условий нет совсем.

Андрей присел на покосившуюся лавочку у входа.

– Ой-ой-ой, – качала головой волонтер. – Да я адрес вам сейчас дам, вы съездите, поговорите. Там пара в возрасте, живут в своем доме, дети выросли, а им скучно. Так им Мишка по душе пришелся, особенно женщине. Я еще обрадовалась.

Андрей записал адрес и пошел к выходу.

Женщина грустно смотрела ему вслед и качала головой.

* * *

Андрей сел в машину и вбил в навигатор адрес новых хозяев Мишки – это было недалеко от того места, где он арендовал дом на лето. Оля продолжала слать ему сообщения и пыталась дозвониться, так что он, остановив машину, заблокировал ее.

Через полчаса он подъехал к большим решетчатым воротам, за ними была видна улица и дома, утопающие в зелени садов. Андрей оставил машину у обочины и зашел через калитку. Пройдя по улице, после перекрестка он уперся в дом из рыжего кирпича, окруженный коричневым металлическим забором. На калитке красовался номер «34». Парень глубоко вздохнул и нажал на звонок. Через минуту дверь приоткрылась, и из калитки выглянул небритый мужчина в кепке защитного цвета. Он был в тельняшке, черных шортах и грязных кроксах, надетых на босу ногу.

– Добрый день, – сказал Андрей.

Издали послышался знакомый лай Мишки.

– Добрый, – ответил хмуро мужчина и шумно поскреб ногтями шетину на подбородке.

– Я к вам по поводу собаки, Мишки, которую... – начал Андрей.

– Что случилось? Вы кто такой? – настороженно спросил мужчина, широко открыв калитку и внимательно глядя на парня.

– Я хозяин Мишки, я вырастил его со щенка.

– Собаку в приюте оставила хозяйка, с документами – мы все проверили, – сказал мужчина хмуро.

– Юрчик, кто там? – послышался женский голос.

К калитке подошла женщина в широком сарафане и в панамке.

– Оксана, это хозяин собаки, которую мы взяли.

– Добрый день, – сказала женщина Андрею и улыбнулась.

Парень кивнул.

– Я говорю ему, что собака, которую мы взяли, от нее отказалась хозяйка, в приюте нам подтвердили.

– Да, в документах указана моя... э-э-э, девушка, Оля, я подарил ей Мишку на день рождения, но воспитывал его я... У нас с девушкой сейчас возникли сложности, – объяснял Андрей, голос его дрогнул. – И...

Мужчина и женщина переглянулись.

– Нет, – твердо сказала Оксана и покачала головой. – Песика мы вам не отдадим. И точка.

Юрий глянул на Андрея – в его взгляде мелькнуло сочувствие, он вздохнул и захлопнул калитку. Андрей немного постоял у ворот, повернулся и медленно пошел обратно. Со двора снова послышался лай Мишки. Дунуло жарким ветром, и вдруг солнце скрылось за тучу. Все вокруг как будто поблекло на несколько секунд и снова заиграло яркими летними красками. Андрей развернулся, быстро зашагал к калитке и позвонил.

Дверь снова открыл Юрий. Он смотрел, сердито сдвинув брови.

– Слушай, парень, шел бы ты отсюда, – начал он, закатывая рукава тельняшки. Из-за его спины мелькнула панамка Оксаны.

– Оксана, – позвал Андрей. – Возьмите вот... за Мишку.

Он протянул женщине изящную коробочку из красного бархата. Крышечка хлопнула, и крупный камень ярко заиграл на солнце.

Юрий отодвинулся, пропуская Оксану. Увидев колечко, она ахнула.

– Мне Мишка очень дорог, – сказал тихо Андрей.

Оксана аккуратно вынула кольцо, не отрывая глаз от камня. Юрий присвистнул и широко распахнул калитку, Андрей присел на корточки и раскрыл объятия навстречу Мишке, летевшему к нему со всех ног.

Татьяна Фоновата

Талисман

«Почему люки круглые?» – размышляла Катя в третьем часу ночи, пытаясь успокоиться и заснуть. Нет, вообще-то, вполне себе нормальный вопрос для начинающего архитектора, которого завтра, точнее уже сегодня, ждет первый рабочий день в бюро. Нормальный, но очень несвоевременный.

Катя уже испробовала все способы уснуть, но сон не шел. Вместо того чтобы успокоиться и заснуть, Катя проигрывала в голове самые негативные сценарии завтрашнего дня и накручивала себя.

– Как же страшно! – сказала она в темноту.

Встала. Щелкнула выключателем, повернулась к шкафу. Его содержимое не радовало разнообразием. Девушка достала белую рубашку и черные брюки, сложила вещи на кресло и вернулась в постель. Провертевшись еще час и вконец отчаявшись, она наконец заснула тревожным сном.

Осенний день был теплым и ясным. Небоскреб, в котором располагалось ее архитектурное бюро «Лабиринт», был уже совсем близко, только дорогу перейти. Неожиданно что-то странное задело ее за ногу. Катя оглянулась. Рядом с ней возле светофора, поджав хвост, мелко тряслась болонка, а на Катиных штанах остался грязный след от ее шерсти. Девушка наклонилась, чтобы отряхнуться. Болонка испугалась резкого движения, шарахнулась в сторону и рванула на проезжую часть прямо под колеса машин.

– Стой! – закричала Катя и бросилась за собакой.

Противно завизжали тормоза, запахло жженой резиной, загудели возмущенные сигналы автомобилей. Поток машин остановился, пропустив болонку, которая моментально скрылась на другой стороне дороги. И в ту же секунду лакированный бок автомобиля боднул выскочившую на дорогу девушку, и она упала в уличную грязь.

Как ни сопротивлялся испачканный рукав, она его почти отстирала в офисном туалете. Мокрая, мягкая рубашка противно прилипла холодной тканью к телу, разбитая коленка ныла и просвечивала сквозь дыру в штанах. Так идти было нельзя. Катя оглянулась. На вешалке в туалете висел симпатичный халатик уборщицы. Катя сдернула его и надела на себя, украсив ремнем из штанов. Получилось даже мило, дырки и мокрой рубашки почти не видно, можно идти работать.

Начальница отдела отвлеклась от компьютера и встала навстречу Кате:

– Новенькая? Здравствуйте! Я Виктория Сергеевна.

Катя улыбнулась и поздоровалась.

– Кулер вон там, под ним целая лужа. Скоро приедет мастер и заберет его в ремонт, надо все быстро убрать, пока к соседям не протекло, – женщина лучезарно улыбнулась и вернулась к работе, а Катя замерла в растерянности. Ночной кошмар начал сбываться.

– Ах ты, рожа бессовестная! – Чья-то сильная рука схватила Катю за воротник и развернула к двери. – Да где ж это видано, чтобы среди бела дня вещи у добрых людей тырили? Ты зачем халат мой взяла, полоумная?

Перед Катей стояла разъяренная уборщица с ведром и шваброй и трясла ее за шиворот. Весь офис глазел на эту сцену.

– Простите, пожалуйста! – Девушка зажмурилась и сжалась, ожидая удара. – Я не специально!

– Что происходит? – вмешалась начальница. – Отпустите ее, Любовь Петровна. Вот ведь странная какая! Ты как к нам попала, дурашка?

– Я не дурашка, я новый архитектор, – почти прошептала испуганная Катя, и весь офис зашелся от хохота.

* * *

Говорят, если дело с самого начала не задалось, добра не жди. Так и вышло. Катя не ожидала, что на новом рабочем месте с ней будут обращаться как с новенькой в средней школе. Каждый день сотрудники придумывали ей необычные задания. Вот сегодня на ее стуле оказался набор разнокалиберного мусора, в том числе скотч, веревка и бутылка воды.

– Ты, как любой настоящий архитектор, должна пройти посвящение в профессию, – подмигнула Кате коллега Юля. – Собери себе стул – докажи, что ты профессионал.

– Ты можешь ничего не делать, а просто сесть и работать, – тихо подсказал вечно молчаливый Алексей, который сидел напротив.

– Спасибо, – улыбнулась ему Катя и задумалась.

Потом встала, взяла мусор и вышла из кабинета.

Вскоре она вернулась и попросила Алексея помочь. Они внесли ее творение в кабинет и поставили посередине.

– Куда делась вся вода? – раздался в коридоре возмущенный голос Виктории Сергеевны. – Ни одной бутылки не осталось! Ведь только вчера целую партию купили!

Начальница распахнула дверь в кабинет и замолкла на полуслове, открыв от изумления рот. Перед ней, переливаясь в лучах солнца, стояло прозрачно-синее плавных форм кресло-шезлонг, состоящее из скрепленных скотчем и веревками бутылок воды.

– Красота-то какая! – ахнула начальница. Потом оглядела свой отдел, нахмурилась: – Я смотрю, тебе, Катя, делать нечего, и ты развлекаешься? Лёша, отнеси кресло в мой кабинет. И все немедленно за работу!

* * *

Подшучивать и давать дурацкие задания Кате перестали, когда пришел Сергей Иванович. Это был давний партнер бюро, считавший, что он умнее всех. Сергей Иванович любил поучать архитекторов и диктовать им свои правила. Вот и в этот раз он настаивал, что утепление фасада коттеджей надо делать изнутри, а не снаружи. Юля уже перебрала все возможные способы переубедить строптивного клиента.

– Нечего мне лапшу на уши вешать, – самодовольно похохатывал Сергей Иванович, сложив руки на круглом животе. – Я жизнь пожил! В советские годы чем утепляли стены? Ковром внутри квартиры! А вы меня тут на утеплители снаружи разводите! Баловство это и трата денег!

Юля тяжело вздохнула. И тут Катя выдала:

– Дома, они, как и люди, тепло любят. Без тепла болеют и разрушаются. Вы, когда холодно, куртку глотаете или сверху надеваете? Вот и дому надо так же.

Сергей Иванович поперхнулся и уставился на новенькую:

– А тебе, похоже, палец в рот не клади. Ладно, убедила. Включайте утеплитель в смету. Будем шить коттеджам куртки!

Офис озадаченно переглянулся. Никто не ожидал, что Сергея Ивановича можно убедить так просто. А Алексей поднял вверх большой палец, показывая Кате, что она молодец. Проверки на профпригодность закончились.

* * *

Дни шли за днями, а она так и не стала в коллективе своей. Но обиднее всего, что Кате не доверяли настоящую работу. Отдел работал над проектом новой набережной, который бюро собиралось представить на конкурс, а Кате поручали всякую ерунду типа детской площадки. А ей так хотелось работать над набережной! Она видела это место оазисом спокойствия в центре вечно спешащего мегаполиса. Катя рисовала в компьютере свой проект: речка, бегущая между ухоженных зеленых берегов. Нагретые солнцем резные перила деревянных мостиков. Цветущие яблони. Беседки и гамаки. Необычные, похожие на гондолы лодки. Каждый день Катя добавляла новые штрихи, совершенствуя проект, но никак не могла достичь идеала.

Проект набережной, которую разрабатывал Катин отдел, разительно отличался от мечты юного архитектора. Берега заковывали в гранит, закатывали в асфальт. Здесь было удобно спортсменам: они могли бегать, кататься на велосипедах и роликах, оттачивать форму на уличных тренажерах. Кате спорт был чужд, поэтому эта идея ей не нравилась. Впрочем, ее мнения никто не спрашивал.

Это тяжело, когда тебя никогда ни о чем не спрашивают. Кате очень хотелось поговорить со своими коллегами, но она не знала, как завязать разговор. Девушка старалась как можно лучше делать свою работу, чтобы однажды ее заметили и похвалили. Но такого никогда не происходило. Задания от начальницы сыпались одно за другим, и все неинтересные. При этом всякий раз Виктория Сергеевна была недовольна новой сотрудницей.

– Кто тебя учил, деточка? – возмущалась она, получив Катины расчеты. – Полдня копалась, а принесла какую-то ерунду... И такие люди называют себя архитекторами!

Сначала Катя молча сносила недовольство, потом, почитав форумы про травлю в офисе, стала защищаться:

– Я уверена, что мои расчеты правильные. Где у меня ошибка? Мне кажется, вы ко мне придираетесь.

– Я придираюсь?! Ты в своем уме? Если я говорю, что ты сделала ерунду, значит, так оно и есть. И я не собираюсь тратить свое время, чтобы объяснять тебе азбучные истины. Бери учебник – учись профессии. Расчеты переделает Юля.

– Вы неправы, Виктория Сергеевна, – твердо и громко сказала Катя и сама поразилась своей смелости. – Я окончила институт с красным дипломом и стараюсь делать свою работу хорошо. И хочу, чтобы мне пояснили, где я ошиблась.

– А я хочу, чтобы желторотые цыплята, которым без году неделя, не повышали на меня голос и не отнимали у меня время. У нас важный проект, все сроки горят, и я не должна перед тобой обо всякой ерунде отчитываться. Придется подождать, дорогуша, когда у меня появится время.

Виктория Сергеевна развернулась и, сердито топая каблучками, направилась к столу Юли. Швырнула ей на стол папку с Катинной работой и что-то сказала. Ее слова вызвали громкий смех и оживление среди сотрудников.

Катя сидела как оплеванная. Она низко опустила голову, по щекам текли слезы. Подняв глаза, она увидела, что Алексей смотрит на нее с сочувствием. Тогда Катя зажала вспотевшие ладошки между коленками и глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Мозг лихорадочно работал, но она никак не могла придумать, что ей делать. Она решила не сдаваться. Катя вытерла слезы, встала и направилась к Юле:

– Не могла бы ты мне объяснить, что не так в моей работе?

– Послушай, ей-богу, не до тебя. – Юля подняла от экрана недовольное лицо. – Расчеты я домой заберу, здесь мне некогда разбираться, своих заданий полно. Вообще, знаешь, неприятно, что от тебя вместо помощи только дополнительная работа.

– От тебя тоже помощи не много, – прошептала Катя, губы от обиды дрожали и не слушались.

– Но я свою работу на тебя не перекладываю, – отрезала Юля.

– И вообще, не собачилась бы ты с Викторией, – вдруг отозвалась Кристина. – Все мы после института здесь доучивались, всех она строила. Что ты ей под шкуру лезешь?

– Есть такое понятие «моббинг» – это когда коллектив или начальник травит сотрудника. Мне кажется, именно это тут сейчас и происходит. Я этого терпеть не намерена.

– О, как все запущено, – усмехнулась Кристина. – С таким отношением ты у нас долго не задержишься. С людьми ладить надо.

– Ладить – это подобострастно стараться угодить начальству? Не мой путь. И я знаю, как положить этому конец.

Катя вышла из комнаты. Форумы подсказывали: остановить травлю может вменяемый начальник – надо просто поставить его в известность.

Руководитель бюро Борис Владимирович еще на собеседовании показался Кате похожим на большого умного медведя. Девушка была уверена, что он защитит ее. Руководитель был явно занят, но сначала слушал Катю внимательно. А потом вдруг резко, раздраженно перебил, будто рывкнул:

– Екатерина Михайловна, мне этим заниматься некогда. Виктория Сергеевна – опытный работник, она воспитала немало молодых архитекторов. Люди правильно говорят: яйца курицу не учат. Если она уверена, что вы ошиблись, значит, так оно и есть. И еще. Мне очень не нравится практика, когда сотрудники бегают ко мне жаловаться друг на друга. Постарайтесь найти свое место в коллективе.

Катя вышла в приемную и нос к носу столкнулась с Викторией Сергеевной.

– Так ты у нас, оказывается, еще и ябеда? – неприятно удивилась начальница и равнодушно прошла мимо сжавшейся в комок сотрудницы.

* * *

Вся в слезах, Катя шла домой. Ей очень хотелось стать своей в отделе, но, похоже, придется увольняться. Почему у других все так легко складывается в жизни, а у нее все не слава богу?

Отчаянный лай и звонкий визг, рвущий сердце, оторвали ее от грустных мыслей. Она заглянула в открытые ворота заброшенной стройки и увидела, как стая бродячих псов окружила грязную дрожащую болонку. Неужели эта та самая, из-за которой начались ее неприятности в бюро? Бедолага, похоже, зашла на чужую территорию и, как и Катя, стала объектом травли. Псы наскакивали на свою жертву, лязгая зубами и заставляя несчастную животину отчаянно визжать от страха. Сердце у девушки зашло. Она подхватила лежащую рядом палку и ринулась к стае:

– Пошли вон!

Катя махала палкой, испугав болонку еще больше, но бродячие псы ловко уклонялись от ее ударов. И вот уже болонка жмет к Катиным ногам, а вокруг – злобные страшные морды, заходящиеся в оглушительном лае. Большой пес подпрыгнул, вцепился в Катину палку и резко дернул на себя. От неожиданности Катя выпустила ее из рук, и палка была моментально разгрызена на щепки беснующимся животным. Защищаться больше было нечем. Катя подхватила на руки болонку и изо всех сил закричала:

– Фу! Сидеть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.